

п. 787
Вып. 17
1947

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК XVII

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА •

• 1948

ТР: **Ы ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ. Выпуск XVII**

902
8824

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

1947
1953 г.

Под ред. *проф. А. Я. БРЮСОВА*

Отв. ред. *проф. Н. Л. РУБИНШТЕЙН*

п. 787

**ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
МОСКВА**

1947

902.6(47.91)+902.6(584.6)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Е. И. Крупнов — Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сулак	
Введение	7
Глава I. Памятники эпохи бронзы	9
Глава II. Памятники ранней железной эпохи	17
Глава III. Памятники Сарматской культуры	35
Глава IV. Памятники Аланской культуры	78
Примечания	50
Принятые сокращения	55
О. А. Кривонова-Гракова — Алексеевское поселение и могильник	
Введение	59
Глава I. Могильник	62
Глава II. Жертвенное место	71
Глава III. Поселение и жилище	73
Глава IV. Скотоводство и земледелие	100
Глава V. Обработка металла, камня и кости	104
Глава VI. Керамика	126
Глава VII. Хронология	147
Приложение. Кожумбердынский могильник (выдержки из дневника раскопок)	165
Приложения	170
Принятые сокращения	172
Таблицы I—VIII	—

Л192708. Сазно в пр-во 21 III—46 г. Подписано к печати 25, III—48 г. Объем 10³, печ. лст. + 10 вклеек. Уч.-звт. 16 л. Тираж 2000 экз. Формат бумаги 72×105—1/16 л. л. 55120 тип. знаков в 1 п. л.

Типография им. Ворожского, ул. Дзержинского, 18.

О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА

**АЛЕКСЕЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
И
МОГИЛЬНИК**

Рис. 8 Реконструкция головы из погребения № 21.

ВВЕДЕНИЕ

Рис. 1. Местоположение Алексеевского поселения.

Приступая к изданию материалов из раскопок Алексеевского поселения андроновской культуры, близлежащего могильника и жертвенного места, относящихся к тому же времени, должна заметить, что до произведенных нами раскопок в Кустанайском районе, на верхнем Тоболе, работы по изучению культур бронзовой эпохи Сибири и Казахстана были направлены почти исключительно на исследование могильников. Значительные раскопки и систематизация материалов, проведенные археологами Сибири А. С. Телоуховым, М. П. Грязновым, С. В. Киселевым и Г. П. Сосновским, дали возможность за последние двадцать лет установить периодизацию культур бронзовой эпохи для Восточного Казах-

стана, Саяно-Алтая и Минусинской котловины. Таким образом, при создании классификационных схем мог быть использован только материал могильников и случайных находок. Наиболее обильный и доступный для изучения по однообразию погребальных инвентарей, он был особенно удобен для этих целей. Ограниченность форм и типов керамики и других предметов, сопровождавших покойников, в связи со своеобразием могильных сооружений дает полную возможность с наибольшей четкостью установить основные отличительные признаки отдельных культур. Исследования поселений бронзовой эпохи всегда несколько запаздывали, и только за последние годы материал с поселений накопился в достаточных размерах для сопоставления его с могильным. Особенно бывают полезны подобные сопоставления, когда в некоторых, пока еще очень немногих, случаях можно с уверенностью отнести тот или иной могильник к определенному поселению. Таким, редким случаем и является Алексеевский культурный комплекс, впервые давший возможность определить все разнообразие формы керамики и других вещей, связанных с культурным наслоением и с одновременными могильниками андроновской культуры. Кроме того, в настоящее время, уже основываясь на данных Алексеевского древнего поселения, можно с достаточной уверенностью говорить о различных датировках отдельных памятников андроновской культуры, об ее вариантах и соотношении с карасукской, срубной и другими одновременными ей культурами.

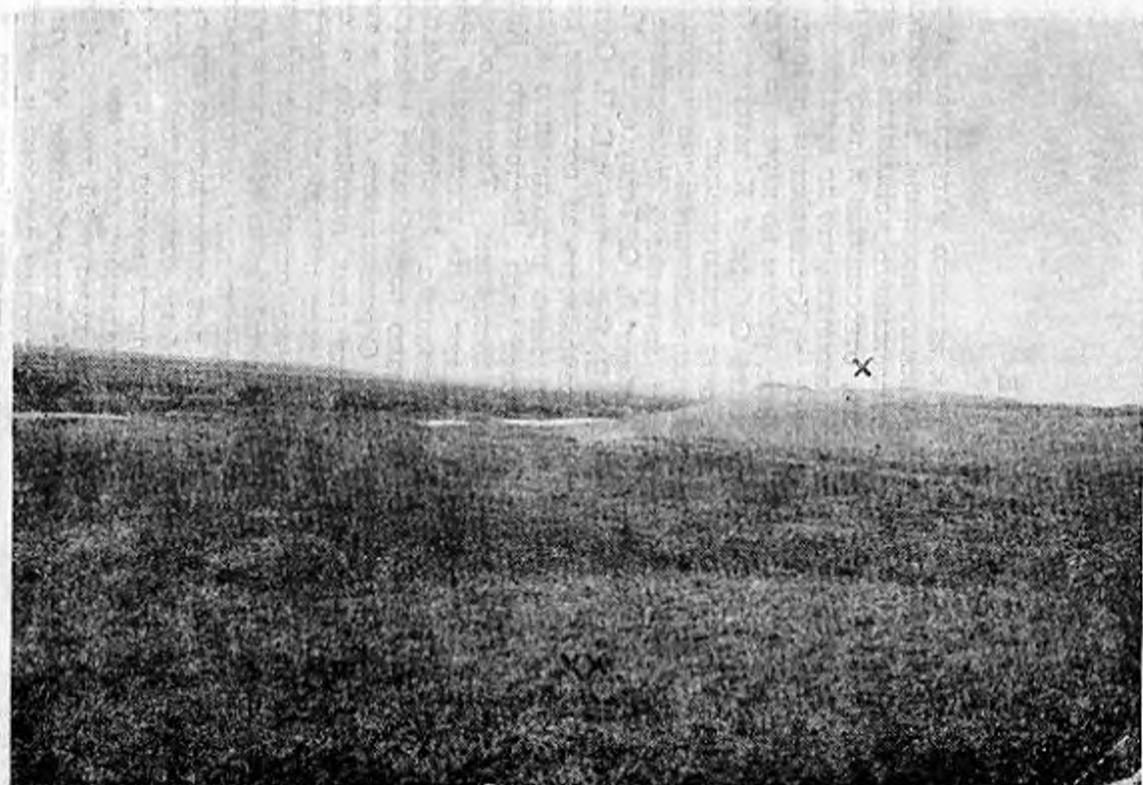

Рис. 2. Западная часть поселения (xx) и могильник (x).

Алексеевский могильник расположен на левом берегу старицы Гобла, в четырех километрах ниже поселка Алексеевского. Этот могильник относительно больших размеров: протяжение его вдоль берега равняется почти 1 км. Он возник в непосредственной близости от поселения той же культуры, остатки которого были обнаружены немного ниже по течению реки. У восточного конца могильника находится своеобразный культовый памятник, повидимому, жертвенное место, о чем свидетельствуют многочисленные остатки жертвоприношений. Оно лежит на небольшой возвышенности и своим юго-восточным краем близко подходит к поселению.

Такое редкое сочетание трех разнородных и вместе с тем одновременных памятников бронзовой эпохи заставляет обратить на Алексеевский культурный комплекс особое внимание. В течение ряда лет там производились археологические исследования, причем работы на жертвенном холме велись на всем его протяжении; раскопками на территории могильника обнаружена, повидимому, большая часть уцелевших могил. Таким образом, в настоящее время основные работы на могильнике и жертвенном холме можно считать законченными. Это дает возможность сосредоточить исследование на территории поселения, где за последние годы уже были вскрыты все основные землянки.

Собранный при исследовании этих памятников материал, как вещественный, так и графический, уже теперь дает много нового для изучения культур бронзовой эпохи. Поэтому вполне своевременно приступить к его опубликованию, не дожидаясь окончания раскопок на площади поселения. Несмотря на незавершенность этих раскопок, Алексеевское древнее поселение пока остается единственным поселением бронзовой эпохи у нас в Союзе, исследованным в значительной своей части.

Алексеевский могильник был открыт в 1921 г. студентом-геологом Б. В. Соколовым, ныне покойным. Им были обнаружены в разветвленном песке берега два разрушенных погребения с обломками керамики, бронзовыми орудиями и украшениями¹.

Изыскания на площади могильника были возобновлены в 1930 г. Государственным Историческим музеем и Кустанайским музеем краеведения. В этом же году была открыта стоянка и найдены остатки жертвоприношений на близлежащем холме. В дальнейшие годы работы производились на средства Государственного Исторического музея, причем распределялись следующим образом: в 1931 г. велись раскопки на жертвенном месте, когда была обследована большая часть жертвенного холма. В 1935 г. продолжались раскопки стоянки, где была вскрыта землянка № 1 с окружающими ее зольниками. Тогда же была продолжена расчистка надземного сооружения, начатая еще в 1930 г., а также окончательно обследованы северный и восточный склоны жертвенного холма. В 1936 г. вскрыты на поселении землянки № 2 и № 4 и начаты раскопки землянок № 3 и № 8, а также несколько продолжены работы в районе землянки № 1. В 1938 г. были закончены раскопки надземного сооружения и расчистка землянка № 5. В 1939 г. близ надземного сооружения были раскопаны землянки № 6 и часть № 7, а на площади могильника у западной ноги жертвенного холма обнаружено погребение № 21.

В дальнейшем предполагается продолжить раскопки землянок № 3, № 7 и № 8, а также по возможности вскрыть все межземляночные пространства, соединив таким образом раскопки на площадях землянок между собою.

Возможно также продолжить работы на территории могильника, близ погребения № 21, у западного склона холма. Кроме того, значительный интерес представляет собою вскрытие надземного сооружения, примыкающего с западной стороны к землянке № 5.

I. Могильник

Песчаная дюна, на которой расположены могильник и поселение, тянется вдоль берега старицы и высохшего русла Тобола (см общий план, рис. 3). В настоящее время она сильно задернована на протяжении всей поверхности кроме того места, где производились основные

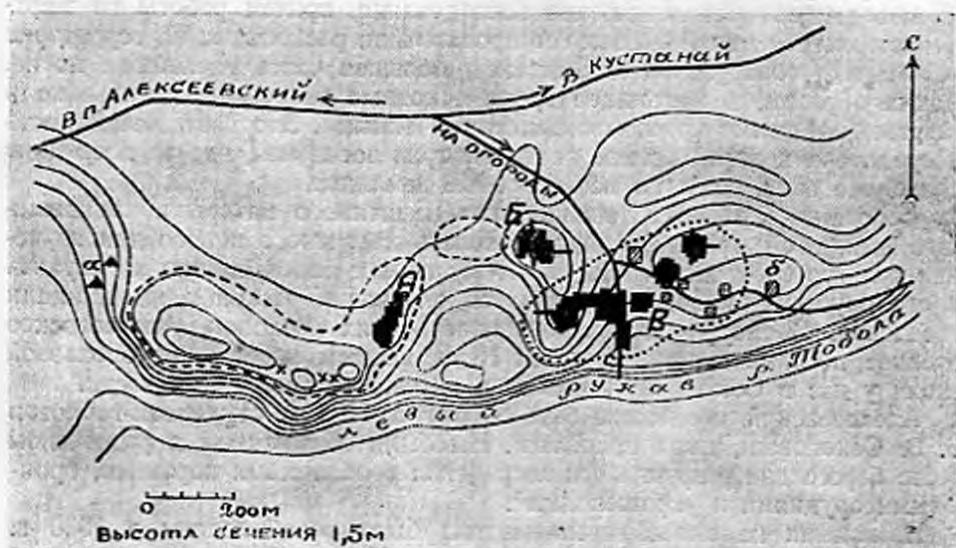

Рис. 3. Расположение раскопок на поселении, могильнике и жертвенном месте. А—раскопки могильника, Б—раскопки жертвенного места, В—раскопки поселения, а—черепки из разбитых погребений, хх—места раскопок Б. В. Соколова, --- границы поселения — границы Казахского кладбища, б—следы казахской юрты.

раскопки могильника. Здесь берег постоянно разрушается большими обвалами и осыпями, уничтожившими вероятно значительную часть могил. Эти обвалы образуют крутой склон 6—7-метровой высоты, называемый у местного населения, как и все урочище, «Песчаной кручей» или «Красной горой». Поверхность берега над этой кручей тоже развела на столько, что у всех 12 могильных ям, обнаруженных здесь, осталась неразрушенной одна нижняя часть, иногда только у дна. Во всех случаях могилы были засыпаны темной буроватой землей, резко выделяющейся на фоне желтого песка. Вопрос, откуда появилась эта засыпка, получил объяснение при изучении структуры песчаного массива у холма, на котором расположено жертвенное место у восточного конца могильника. Этот холм имеет разрушенную поверхность только в незначительной своей части на южном склоне. В его разрезе наблюдаются последовательные напластования песка и гумусных прослоек, свидетель-

стающие о засушливых и более влажных климатических периодах с относительно богатой растительностью. У северного склона холма, где эти слои особенно четки, последовательность их представляется в изобращенном на табл. 1 порядке (см. вкладные таблицы на отдельных листах). На поверхности находится буроватый современный слой, сантиметров в 5 толщиной, оставленный казахской зимовкой; под ним лежит гумированный слой значительной мощности, ниже песок серо-желтого цвета, еще ниже слой, слабо насыщенный гумусом, в некоторых местах холма едва заметный. Далее следует опять песок, под которым лежит совершенно черный, сильно насыщенный перегноем растительный слой. Все эти наслоения подстилает чистый желтый песок. Подобные же напластования повторяются на всем протяжении песчаной гряды, при этом нижний растительный слой всюду остается неизменно мощным и черным. Исключением является площадь 12 первых могил, где дюна сильно разрушена и развеева, и на ее дневной поверхности лежит желтый песок, подстилающий все наслоения. О всех же исчезнувших наслоениях свидетельствует только темная засыпка могильных ям, которые были в свое время вырыты в некарушенной дюне.

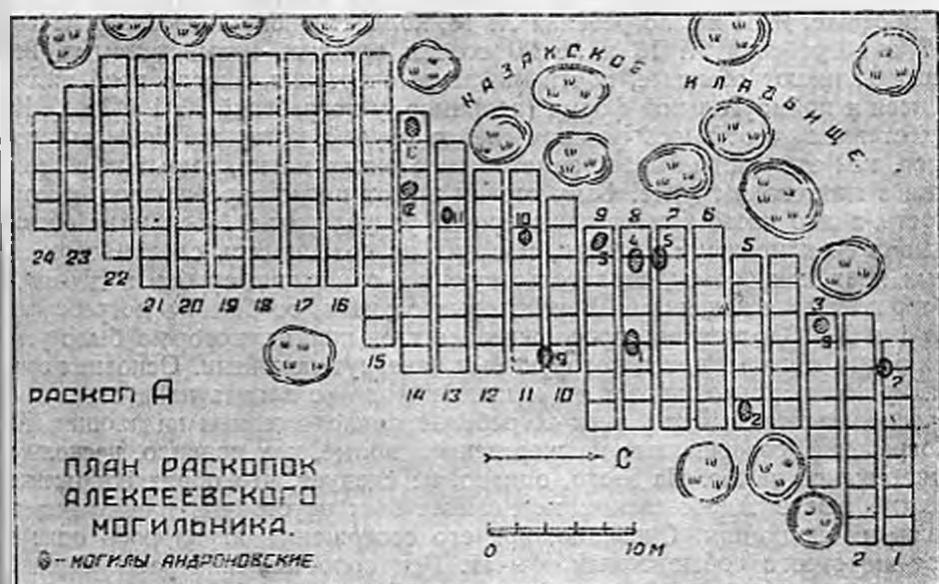

Рис. 4. План раскопок могильника. Раскоп А.

Из сказанного ясно, что на месте раскопок первых 12 могил не существует никаких внешних признаков могильника. Но и вообще на всем его протяжении и на других уцелевших от разрушения местах не наблюдается ни курганных насыпей, ни каменных колец, столь характерных для могильников андроловского типа. Полное отсутствие каменных надмогильных сооружений можно объяснить тем, что в свое время они были снесены и использованы для сооружения надгробий на позднем казахском кладбище. Это кладбище занимает почти всю площадь древнего могильника и так же, как и он, тянется вдоль берега Тобола. Последние мазаржи (казахские могилы) у восточного конца подходят вплотную к подошве жертвенного холма, у западного же они доходят

до маленького овражка, на пологих склонах которого в развееянном песке можно встретить и черепки андроновской керамики из разрушенных древних погребений. Северная окраина казахского могильника уходит в степь. Здесь могилы располагаются настолько часто, что все андроновские погребения, если они и были на этом месте, должны быть в настоящее время совершенно разрушены.

Для работы была выбрана единственная свободная площадь, удавшаяся, с одной стороны, от обвала, а с другой — от казахских мазаров [см. общий план (рис. 3) и план могильника (раскоп А, рис. 4)]. Она лежит у края берега. Длина ее равняется 67 м, а общая площадь исследованного пространства 990 кв. м. Как уже было сказано, всего здесь было вскрыто 12 полуразрушенных могильных ям, а если считать 9 погребений, обнаруженных на жертвенном холме, то всего было исследовано 21 андроновское погребение. Могильные ямы на раскопе А прослеживались вполне отчетливо. В этом месте они были вырыты настолько глубокими, что прорезанный ими черный гумусный слой придавал их засылке темную окраску. Некоторые же из могил на жертвенном холме относительно неглубоки; вырытые в песке, они имели настолько нечеткие стенки, что проследить их иногда удавалось только в профиле. Ямы же погребения № 14, коллективного погребения № 15—17 и погребений № 18 и № 20 совсем остались невыясненными. Все могилы имеют обычные, почти овальные очертания, иногда приближающиеся к прямоугольной форме (например, у погребений № 1 и № 2). Из их стенок не осталось никаких следов орудий, которыми были вырыты ямы, как это часто бывает заметно на стенках могил, вырытых в лесел или в глинистом грунте. Стенки имеют плохо заровненную поверхность, а дно часто бывает чашеобразно углубленным. Могилы не обкладывались каменными плитами, и в них не сохранилось следов деревянных плах или бревен, свидетельствующих о наличии срубов и деревянного покрытия над ямами. В некоторых случаях, особенно в погребениях № 1 и № 13, отчетливо прослеживался тлен кошмы, которую было устлано дно могилы, или в которую был завернут покойник. Основная ориентировка всех могильных ям и покойников — с запада на восток. Она прослеживается почти у всех погребений, расположенных на площади А. Погребения, совершенные на жертвенном холме, как правило, несколько отклонялись на юг. Из этого, однако, не следует, что обряд положения покойников в Алексеевском могильнике был неустойчив или подчинен разным традициям. Очевидно, при его совершении играл роль один и тот же строго соблюдаемый обычай. При сопоставлении расположения древнего поселения и могильника, широкой дугой окаймляющего поселение, оказалось, что все покойники были строго ориентированы головой по направлению к поселению, причем ориентировка получала неизбежные отклонения в зависимости от того, в каком месте могильника было расположено погребение. Подробные сведения о размерах могил и об ориентировке покойников даны в предлагаемой таблице.

№ погребений	Длина могилы	Ширина могилы	Ориентировка	Место могилы
1	1,47	0,60	В	Могильник А
2	1,35	0,90	В	
3	1,65	1,15	ВСВ	
4	1,36	0,98	В	

№№ погребений	Длина могилы	Ширина могилы	Ориентировка	Место могилы
5	1,50	1,17	В	Могильник А Жертвенное место
6	1,45	1,10	В	
7	1,70	1,25	В	
8	1,35	1,25	?	
9	1,62	1	В	
10	0,90	0,75	В	
11	0,85	0,50	ВЮВ	
12	0,87	0,73	В	
13	1,70	0,75	ЮВ	
14	—	—	—	
15, 16, 17	—	—	Ю	
18	—	—	—	
19	1,34	0,60	ЮВ	
20	—	—	ВЮВ	
21	1,60	1	Ю	

Все сохранившиеся костяки лежали в скорченном положении, преимущественно на левом боку. Степень скорченности различная. В некоторых случаях (погребение № 4) покойница лежала с сильно согнутыми ногами и руками, совершенно прижатыми к грудной клетке (рис. 5). Ясно заметен излом позвоночного столба, еще более подчеркивающий всю неестественность положения тела. Такую согнутость колен, прижатые к животу ноги и крепко прилегающие друг к другу ступни мож-

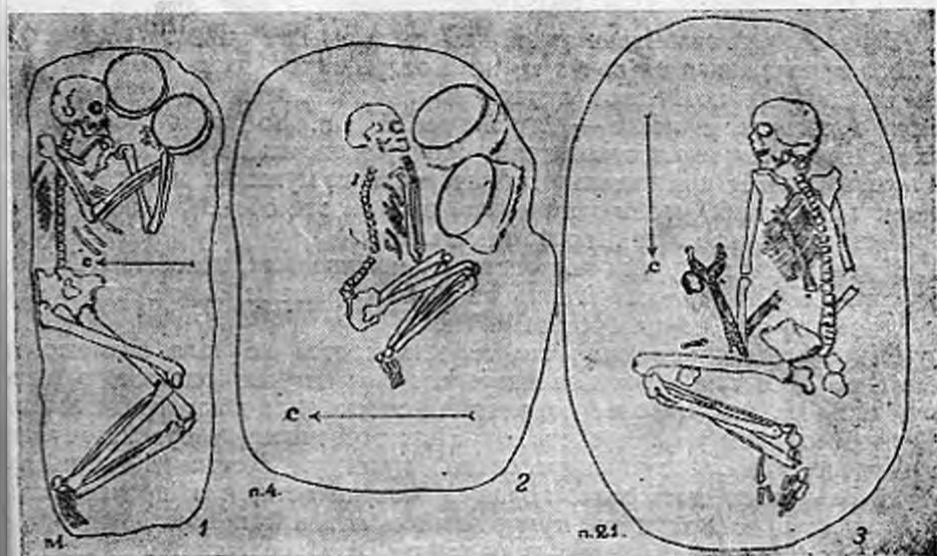

Рис. 5. Погребения №№ 1, 4 и 21.

но объяснить только тем, что покойница была связана или плотно спелена. Повидимому, и руки ее были прибиты к груди. Погребение № 4, наиболее изогнутое, сходно с погребениями № 15 и № 21 (рис. 6 и рис. 5). Ноги этих покойниц настолько согнуты в коленях, что при несвязанном состоянии они не могли бы остаться в

таким положении. Даже покойница из погребения № 13 (рис. 7), скорченная относительно слабо, имела явно связанные ступни ног, что также отчетливо заметно у покойницы из погребения № 1 (рис. 5, 1).

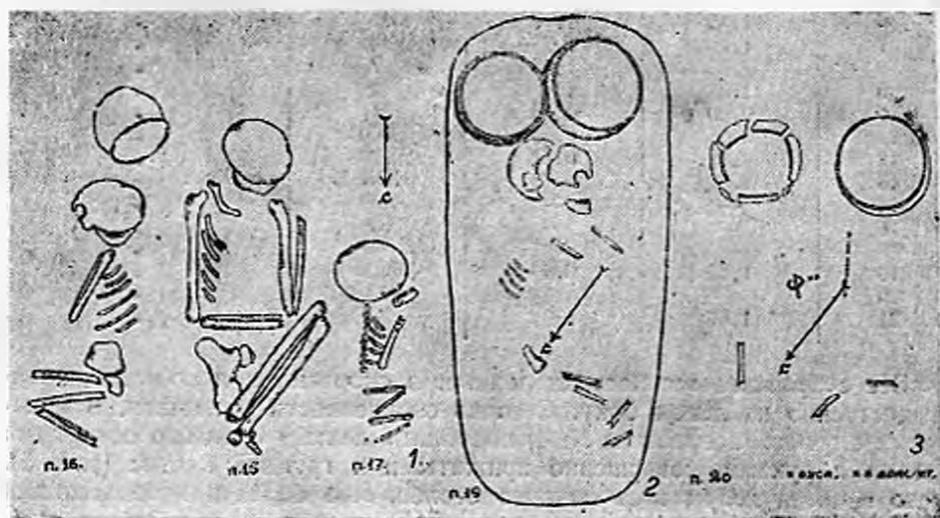

Рис. 6. Погребения №№ 15, 16, 17, 19 и 20.

Этот обычай связывать покойника целиком или связывать ему ступни ног прослеживается почти во всех погребениях, даже в тех детских, кости которых позволяют судить об их положении в могиле (рука сильно согнута в локте — погребение № 15). Во всяком случае все сказанное несомненно относится к обряду женских погребений. К сожалению, недостает сравнительного материала из мужских могил Алексеевского могильника, чтобы установить, был ли это общий обычай, или он применялся только при погребении женщин.

Как и во всех других андроновских могильниках, покойники Алексеевского могильника совершенно не были окрашены охрой, что вполне закономерно для конца бронзовой эпохи.

Относительно невысокая сохранность костей не дала возможности получить достаточно полного материала для антропологического исследования. Все же наиболее сохранившиеся скелеты дают представление об европейском типе, свойственном как восточному митанскому, так и западному населению андроновской культуры. Кости из погребения № 21 оказались настолько хорошей сохранности, что представилась возможность восстановить мускульный и кожный покров лица покойницы. Эта работа проведена антропологом М. М. Герасимовым (см. рис.).

Из девяти детских погребений только по трем (№ 16, № 17 и № 19) можно судить о положении и ориентировке покойников (рис. 6). В остальных погребениях кости или совсем истлели, или, как в погребении № 20 (рис. 6), от них сохранилось только несколько обломков трубчатых костей. В первом случае на дне пустых могильных ям стоят, обычно в восточном их конце, один горшки. Наличие одного из детских погребений (№ 14) на жертвенном холме можно было определить только по двум молочным зубам и нескольким пастозым и бронзовым бусам,

находившимся в 25 см от них. Очертания неглубокой могильной ямы, выкопанной в однородном песке, совершенно не были заметны, а два больших горшка, стоявших рядом с зубами, ничем не отличались от прочих горшков, закопанных на жертвенном месте.

Небезинтересно детское погребение № 11, найденное на первом раскопе могильника. В южном конце неглубокой могильной ямы округлой формы лежали черепки от двух сосудов. Кости ребенка совершенно истлели, но на ровном очищенном песчаном дне обрисовывался тлен темного цвета в виде силуэта скорченного тела маленького ребенка, лежавшего на левом боку и обращенного головою на восток.

Почти во всех могильных ямах были найдены вещи, сопровождавшие покойников. Но, как это обычно бывает в культурах бронзовой эпохи на юге, могильный инвентарь состоял главным образом из горшков, в которых ставилась пища.

Как правило, и при детских и при взрослых погребениях стояло по два горшка. Исключением являлось коллективное погребение № 15—17, в котором был найден один тридвухлитровый горшок, и женское погребение № 13: при покойнице лежало три горшка различных размеров, один из них среднего размера и один очень маленький, на под-

ставке; все эти горшки имели лощеную поверхность и сложный, тщательно выполненный орнамент.

В предполагаемой детской могиле № 8, в которой совершенно отсутствовали следы покойника, был найден только один черепок.

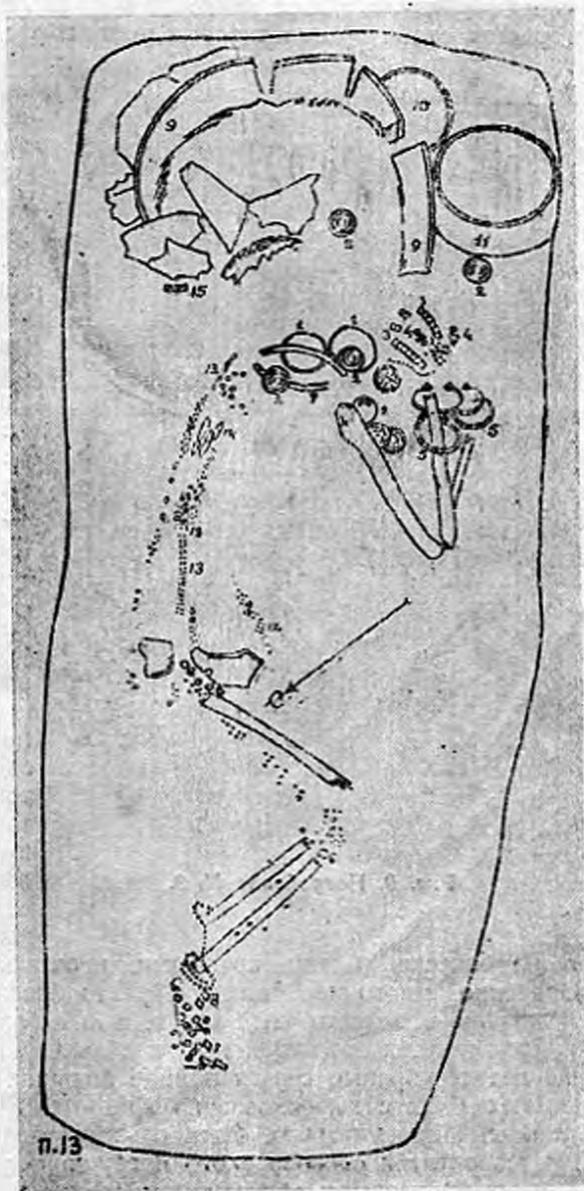

Рис. 7. Погребение № 13.

Расстановка горшков в могильных ямах довольно устойчива. В большинстве случаев они стоят в восточном конце ямы, у изголовья, против лица покойника. В некоторых случаях встречаются исключения. Так, например, исключением является могила № 9, в которой один из двух горшков стоял против тазовых костей (рис. 9).

Рис. 9. Погребение № 9.

и ромбические бляхи, которыми, несомненно, была украшена обувь. Особенно многочисленными и разнообразными оказались украшения лежавшие в области кистей рук, шеи и головы. У шеи находилась выпукло-вогнутая бронзовая гривга с дырками на концах, а несколько выше нее серебряные серьги в виде больших колец. Восемь круглых чашечек с дырочками по краям были разбросаны вокруг плеч и головы. Ими, вероятно, была обшита одежда из груди. Тут же находились остатки своеобразного нагрудного украшения в виде ремней, покрытых бронзовыми обоймочками, и множество пастовых бус. На локтевых и лучевых костях было надето по два бронзовых выпукло-вогнутых браслета с концами, загнутыми в виде спирали. На месте истлевших фаланг кистей рук находились два бронзовых перстня с концами, тоже загнутыми в спираль, а рядом с ними ряды ребристых бронзовых прошивки. На спине, у тлена лопаток, были найдены четыре бронзовых, лопастной формы, привески для кос. Весь юговосточный конец могилы у изголовья был занят посудой, причем два горшка сохранились в це-

Кроме керамики в могиле находилась украшения, разделявшиеся между головными и тазовыми частями. Особенно богато ими было украшено гребенное № 13, находившееся у северной полы жертвенного холма. Вся одежда (или сава) покойницы была обшита бронзовыми или пастовыми бусами, полушарными бронзовыми бляхами, ребристыми прошивками, которые нитями и гнздами распределялись по всему телу. Скелет сохранился чрезвычайно плохо. Истлели все сочленения и позвоночный столб, а череп был раздавлен, как и большой, стоявший с ним, горшок. Но пораженную положению рядов и сшивки бус нетрудно было воссоздать очертания тела покойницы. Даже линия живота и мечалась бусами, которые здесь лежали длиной изогнутой полосой. Ноги у шиколеток были опутаны сшивками бус, которыми, вероятно, был обшит подол одежды или края савана. На ступнях ног лежали грудными полушарными

том виде, а третий, большой, был разбит. Под его осколками находилась пластинка с чеканным орнаментом, изогнутая почти под прямым углом; вполне вероятно, что ею был окован какой-то деревянный предмет. Здесь же лежал кусок изогнутой бронзовой проволоки. Погребение № 13 было единственным, обладавшим таким количеством украшений. В других полностью уцелевших могилах их было значительно меньше. Так, в детском погребении № 14, о котором уже говорилось, рядом с двумя горшками находилась небольшая кучка полустелённых бронзовых и пастовых бус. В детском же погребении № 20 кроме двух горшков были найдены две бронзовые бусы и выпукло-вогнутый браслет без спиралей, надетый на обломок трубчатой кости (рис. 6). У шейных позвонков взрослой женщины из погребения № 9 лежало 12 бус из пасты и 2 бронзовые бусы из согнутой в трубку пластинки. Кроме этого на территории могильника (раскол А) Б. С. Соколовым в 1921 г. были обнаружены остатки, вероятно, женского погребения с украшениями, подобными найденным при погребении № 13. В их состав входят бронзовые и пастовые бусы, ребристые пронизи, ромбические бляхи, выпукло-вогнутые браслеты со спиралью на концах, и височные спиральные пронизи².

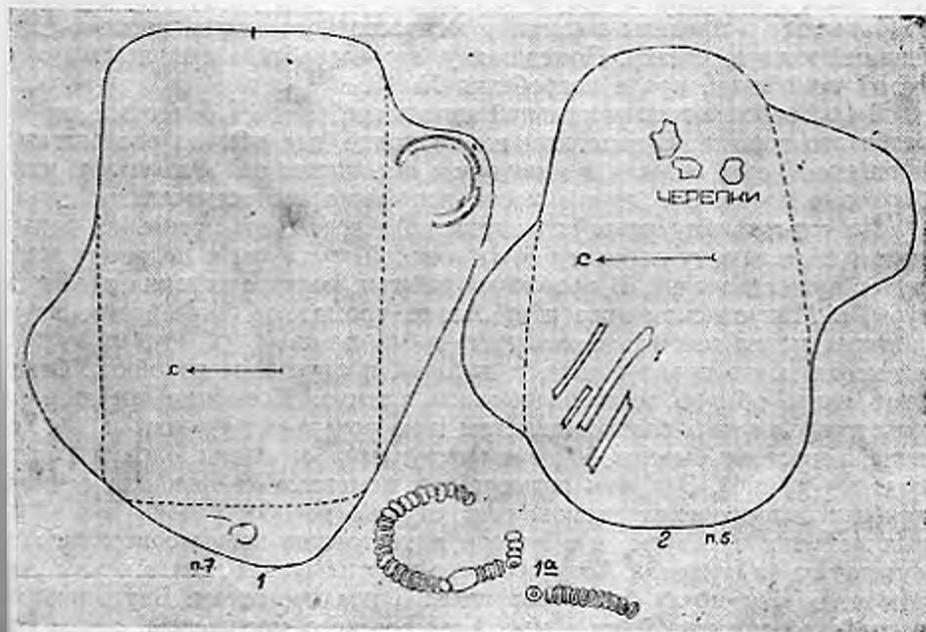

Рис. 10. Погребения №№ 5 и 7.

Таким образом, из числа описанных женских погребений Алексеевского могильника два по количеству украшений резко отличаются от остальных. Это дает повод предполагать если не отличительное положение этих женщин в древнем поселении, то, может быть, ту роль, которую играли возрастное отличие, но полное отсутствие костного материала из богатых погребений не дает возможности судить о возрасте этих покойниц: кости из погребения № 13 совершенно истлели, а кости из погребений, найденных Б. В. Соколовым, в настоящее время утеряны.

В число погребений Алексеевского могильника есть четыре, требующие особого рассмотрения ввиду почти полного их ограбления. Это погребения №№ 3, 6 и 5 и 7 (рис. 10). От погребений №№ 3 и 6 остались совершенно пустые могильные ямы с разрушенными стенками краями, несомненно принадлежавшие взрослым покойникам. При исследовании же погребений №№ 5 и 7 была обнаружена несколько более сложная картина. Эти могильные ямы первоначально могли быть выкопаны достаточно глубоко; их неразвешенные нижние части достигают глубины 0,65 м (погребение № 5) и 0,55 м (погребение № 7). Оба могил сохранились в целостности, и только стенки и края могил оказались сильно разрушенными грабителями. Боконные выемки, выкопанные и разрушенные почти одинаково. В обоих случаях ими разрушены частично северные стенки близ северозападного угла и южные стенки близ юговосточного угла. Кроме того, в могиле № 7 сильно деформирована пологой выемкой западная стенка могильной ямы. На склоне этой выемки лежал снизок бронзовых бус в его первоначальном состоянии. Он располагался в виде петли, причем все бусы плотно прилегали друг к другу. В западном конце могильной ямы на ее дне были найдены две полушарные бронзовые бляхи; горшок, стоявший вероятно изголовья покойника в восточном конце могилы № 7, был отодвинут грабителями в пределы выемки у юговосточного конца могилы, разрушившей южную стенку. Повидимому, это погребение принадлежало богатой покойнице, прежде погребения № 13.

В восточном конце могильной ямы погребения № 5 лежали черепки разбитого горшка. В западном же ее конце, где обычно располагались ноги покойника, лежали в сдвинутом положении обе большие и малые берцовые кости. Все другие кости покойника отсутствовали.

По внутреннему устройству могил Алексеевский могильник принадлежит к западному варианту андроновской культуры и позднему периоду ее существования. В восточных районах распространения этой культуры, в Минусинском крае и на Алтае, громадное большинство андроновских могил обкладывалось каменными плитами, образующими вокруг могил нечто вроде ящика, в который и опускался покойник. Сверху этот ящик обычно тоже закрывался плитой. Подобные же ящики в некоторых случаях бывают заметны и на поверхности почвы и, как правило, постоянно бывают обнесены округлыми оградками, сложенными из крупных камней. Эти, так называемые, каменные кольца, как основные признаки андроновских могильников, широко распространены и в западных районах культуры, и если они в настоящее время совершенно отсутствуют на площадке Алексеевского могильника, то, как это уже было отмечено, они могли быть разрушены в позднее время. Внутреннее устройство могильной ямы как Алексеевского могильника, так и многих других, ему подобных, имеет значительное отличие от восточных могил. Обкладка камнями встречается редко. Обычно ямы совсем не обкладывались или в них заставлялся один или два венца так называемого сруба, подобного тем, которые часто встречаются в могильниках срубной культуры.

Так, в исследованных М. П. Грязновым могильниках на р. Ураме близ гор. Орска, неоднократно попадались остатки деревянных срубов в некоторых случаях подпертых с боков камнями. Такие же срубы были найдены в Алакульском могильнике близ гор. Челябинска (Раскопки К. В. Сальникова в 1938 г.). Этот могильник особенно интересен своеобразным устройством надмогильного сооружения, что заставляет пред-

полагать близ гор Челябинска особый, пока еще очень мало изученный вариант андроновской культуры. Здесь совершенно отсутствуют каменные кольца. Все могилы находятся под большими курганными насыпями, которые увеличивались каждый раз с введением в них покойников новой призьмой земли. Другие курганы и насыпи, встречающиеся в незначительном количестве на андроновских кладбищах, имеют более или менее обычную конструкцию. Такие курганы находились на двух четырех кладбищах, исследованных М. П. Грязновым. Вообще, чем западнее, тем курганные захоронения андроновских покойников встречаются все чаще и чаще. Повидимому, их особенно много было под г. Чкаловым, у западных границ распространения этой культуры, и непосредственной близости от курганной срубной культуры².

Все изложенное о могильных сооружениях отзовется к позднему периоду существования андроновской культуры. Древнейший ее период в пределах Казахстана изучен пока далеко недостаточно. В настоящее время с уверенностью можно сказать к нему только один известный нам могильник. Это — Кожумбердынский могильник на правом берегу р. Оки, в 60 км от гор. Орска (раскопки Б. Н. Гракова 1930 г.). Анализ его керамики заставляет относить время его существования к более древнему периоду, чем Алексеевский и близкие к нему могильники. Представляется вполне вероятным, что первоначально андроновские могильники, как восточные, так и западные мало отличались друг от друга по конструкции погребальных камер. По имеющемуся в наличии материалу уже можно предположить, что дифференциация и варианты андроновской культуры, причем не столько территориальные, сколько временные, появились только во второй половине ее существования.

II. Жергвенное место

Невысокий холм, на котором совершались жертвоприношения, а, может быть, и другие религиозные обряды, занимает центральное место во всем комплексе описываемых памятников. С западной стороны к нему вплотную примыкает могильник, или, вернее, сливается с ним, так как часть могил (преимущественно детских) размещалась на самом холме. К юго-востоку от него, в 45—50 м от остатков крайних жертвоприношений, начинается культурное наслоение стоянки.

Могилы, расположенные на холме и близ него, можно считать древнейшими, так как естественно предположить, что, возникнув близ поселения и жертвенного места, кладбище постепенно росло, распространялось вдоль берега реки во направлении к западу. Едва ли можно объяснить захоронения на вершине холма привилегированным положением покойников. Как уже раньше было отмечено, существенной разницы между могилами на жертвенном месте и в пределах раскопа А не наблюдается.

Древнейшим местом возникновения поселения тоже можно считать его западные окраины. На это указывает не только расположение землянки № 1 в непосредственной близости от жертвенного места, но и некоторые другие наблюдения, о которых будет сказано ниже. О чередовании напластований на холме уже говорилось при общем описании ювы. К этому надо еще прибавить, что на вершине холма мало заметна средняя гумусовая прослойка почти совсем неразличима, а на всем левом склоне вообще отсутствует (таблица I).

Это может быть объяснено тем, что во время существования святыни только северный склон холма был покрыт редкой растительностью, южный же склон представлял собою ничем не защищенную песчаную поверхность.

При исследовании северного склона холма, где средняя гумусная прослойка была заметна вполне отчетливо, обнаружилось, что все ямы, в которые были закопаны жертвоприношения, своими устьями доходили только до поверхности среднего гумусного слоя. Выше они совершенно не прослеживались. Кроме того, на поверхности этого слоя неоднократно находились угольки, иногда кучками, и отдельные черепки посуды. Все это приводит к заключению, что дневная поверхность в период существования древнего поселения и могильника находилась как раз на уровне поверхности среднего гумусного слоя. Таким образом, в южной части холма, где эта прослойка отсутствует, наметить уровень поверхности, современной андроновскому поселению, возможно только приблизительно.

Основной обряд жертвоприношения, обнаруженный на холме, по-видимому, заключался в зарывании в песчаную почву холма горшков с пищей, часто прикрытых сверху крупными черепками, заменявшими собою крышку. В результате трехлетних работ на холме было найдено 59 таких горшков. (См. план раскопок жертвенного места — таблица I). Ямки, в которые были зарыты эти горшки, было возможно проследить только при двух условиях. Во-первых, когда они располагались в северной половине холма; в этом случае средний гумусный слой, который прорезал ямы, придавал их засыпке слабую буроватую окраску. Во-вторых, когда ямы прорезали нижний черный гумусный слой; смешавшись с этим слоем, песчаная засыпка ям приобретала темнобурый цвет. Но такие случаи встречаются относительно редко. Громадное большинство ям, в которые ставились приносимые в жертву горшки, были неглубоки и выкапывались в однородном песке. Таким образом, их засыпка по окраске ничем не отличалась от окружающего их песка, что часто совсем не давало возможности проследить очертания ям.

В некоторых местах холма, в южной половине его, песок подвергся значительному выдуванию, и потому горшки, закопанные в неглубокие ямы, в настоящее время находятся почти на поверхности (например, №№ 43 и 44). В четырех случаях от них были найдены лишь кучи черепков.

Горшки стояли обычно по одному или по два и кроме них никаких других предметов в жертву не приносилось. В одном только случае на две ямы под небольшим горшком № 43 была найдена яра из восьми астрагалов овцы.

Многие горшки, найденные на жертвенном месте, носили на своей поверхности следы нагара, свидетельствующего об употреблении их для изготовления пищи и длительном пребывании на очаге. Отсутствие анализов нагара и заключавшейся в горшках земли не дает возможности установить род пищи, приносившейся в жертву. По-видимому, это была растительная или молочная пища, а не мясная, на что указывает полное отсутствие в горшках костей животных. О том, что при приношении в жертву домашних животных применялся другой обряд, а именно сожжение, свидетельствуют две относительно большие ямы. Одна из них (А) находилась на вершине холма, другая (Б) на западном его склоне. Обе ямы заключали в себе остатки сожжения мяса домашних животных. На дне ямы А было найдено много древесного угля, обгорелых костей

овды и черепки прекрасно ornamentированного горшка. Яма же Б в нижней своей части была заполнена пережженными мелкими костями. Оставшаяся одна обгорелая грубчатая кость достаточно крупных размеров свидетельствует о том, что здесь производилось сожжение мяса крупных домашних животных. Кроме костей на дне ямы лежали угольки, а в ее засытке были найдены мелкие черепки посуды.

Пять ям (В, Г, Д, Е и Ж) с совершенно особым содержанием были обнаружены на восточном склоне холма на площади, свободной от ям с жертвоприношениями в горшках. В этих ямах тоже были найдены остатки жертвоприношений, совершенных путем сожжения. Следы сожжения лежали тонким слоем на дне ям и представляли собою пепел, редкие мелкие угольки, пережженный тростник и обугленные стебли и зерна пшеницы. Количество пшеницы оказалось ничтожным. При самом тщательном разборе засытки в каждой яме было собрано по несколько десятков зерен, на дне же ям В и Е находился только едва заметный золистый слой. Все ямы с сожжением жертв были отнюдь не больших размеров и имели неправильные очертания в плане и профиле, в большинстве случаев приближающиеся к овальной форме.

Близость и неразрывная связь жертвенного места с кладбищем и обычай ставить подобные горшки в могильные ямы заставляют предполагать, что жертвы, найденные на холме, имели аналогичное значение и тоже предназначались покойникам.

В материале, добытом на жертвенном холме, конечно, полностью отсутствуют данные, позволяющие судить о порядке жертвоприношений. Принимала ли в них участие вся родовая община или отдельные семьи в дни поминовения покойников, сказать нельзя. Во всяком случае этот обряд был тесно связан с культом предков. На вершине холма, в середине его, на площади 7x8 м, не было найдено никаких следов жертвоприношений. Последние располагались тесным кольцом вокруг этого места. Возможно, что здесь находилось какое-нибудь наземное сооружение, не оставившее никаких следов; на этом месте могло стоять святилище или алтарь.

Жертвенное место на Алексеевском могильнике пока остается единственным памятником подобного рода как в андроновской, так и в сходной с ней срубной культуре. В качестве аналогии этому памятнику в настоящее время можно привести очень немногое. Известное сходство горшки, зарытые на жертвенном холме, имеют с горшками, найденными в 1903 г. В. А. Городцовым в насыпи кургана № 7 близ Камышевах в Артемовском районе⁴. Но, повидимому, эти горшки были уже поставлены во время похоронного обряда при сооружении кургана и, может быть, являются остатком тризны. нечто подобное наблюдается в одном из курганов, исследованных в Карагандинском районе Туркестанской экспедицией ГАИМК (1933 г.). Там вне могильной ямы, в полах кургана, тоже стояли горшки, повидимому, введенные в курган в качестве жертвы покойнику уже после погребального обряда.

III. Поселение и жилища

Древнее поселение, обнаруженное в юго-восточном направлении от жертвенного места, расположено на высоком и покатом берегу старого русла Тобола, который образовал здесь ряд излучин. Выше поселения вдоль берега тянется невысокая грядка, как бы отражающая все поселение с северной стороны.

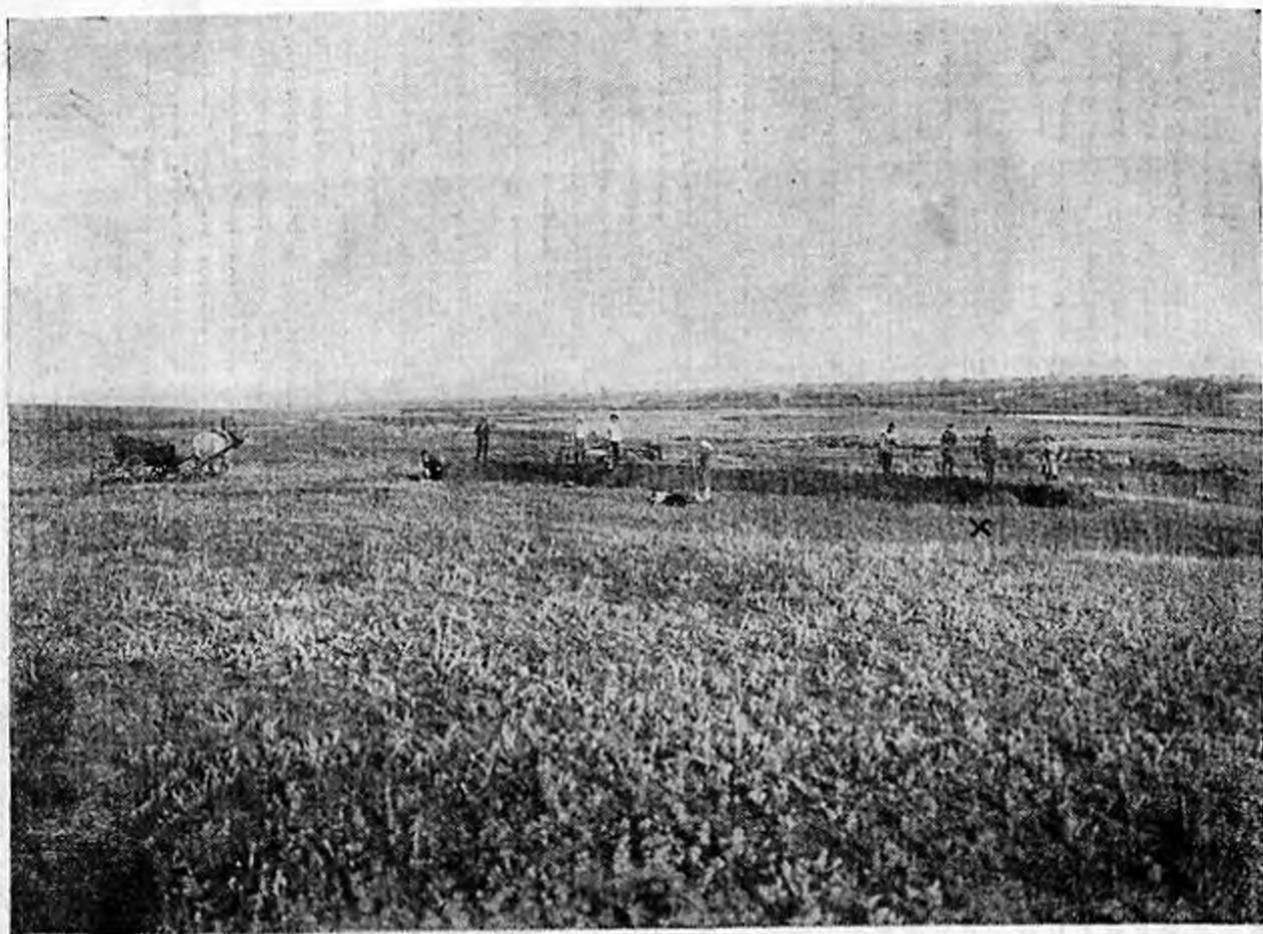

Рис. 11. Начало раскопок на поселении: x—видныя над землянкой № 1.

В настоящее время даже самые большие разницы Тобола не достигают поселения. Повидимому, и в древности жилые помещения, представляющие собою полунадземные сооружения, не заливались водою.

Судя по распространению культурного слоя, который легко обнаруживается на дневной поверхности непосредственно под травой, длина всего поселения равнялась не более чем 190 м (промер производился с запада на восток), а максимальная ширина его едва достигает 100 м. Культурный слой резко обрывается у желтого подстилающего его песка. На междуделячных пространствах в некоторых местах он достигает всего лишь 50 см глубины. Наибольшая мощность его залегания, естественно, падает на углубления землянок, в особенности нижних, расположенных на склоне. Здесь над землянкой № 3 слой достигал 1,50 м глубины.

Культурный слой далеко неоднороден по своему составу. В большинстве случаев он представляет собою буроватый перегной с вкраплением черепков посуды, обломков костей и других хозяйственных и производственных отбросов. То здесь, то там встречается зола в виде отдельных прослоек или равномерной примеси. В таких случаях наслоение имеет сероватый оттенок. Совершенно обособлены от обычного культурного слоя массивы зольников. Они окружают землянки и состоят из выброшенной очажной золы. Наибольшей мощностью достигают зольники около землянок № 1 и № 4, где толща золы равняется в среднем 60 см. В редких случаях, преимущественно у очагов, в культурном слое встречаются черноватые углистые кучи и прослойки с вкраплением мелких угольков. Резкое отличие культурного слоя от подстилающего его песка дает полную возможность во всех случаях проследить вырытые в древности ямы, канавы, землянки и ямки от столбов. Так же четко определяются поздние казахские ямы и слои, в некоторых случаях достигающие над впадинами землянок 15-сантиметровой толщины. Они были оставлены казахской зимовкой, покинутой, вероятно, уже в начале XX века, о чем свидетельствуют многочисленные черепки фаянсовой и фарфоровой посуды с клеймами фабрики Кузнецов. По данным, оставленным Б. В. Соколовым, стены саманных сооружений этой зимовки сохранились до начала 20-х годов. В настоящее время у восточной границы древнего культурного слоя от них остались совершенно размытые плоские кучи самана.

Однако некоторые казахские жилища, расположенные на площади древнего поселения, повидимому, были сооружены не из самана. Судя по ячкам от столбов и сохранившимся кольям на площади землянки № 3, здесь стояли обыкновенные войлочные юрты округлой формы. При установке этих юрт были использованы некоторые углубления, заметные до настоящего времени над большими землянками. Так, в центре углубления над землянкой № 4 (таблица V) в казахском культурном слое были обнаружены остатки прямоугольного очага, сложенного из кирпичей, а в окружавшем его золистом слое значительное количество посуды и вещей казахского обихода. К юго-востоку от землянки № 2 находилась яма воронкообразной формы, тоже относящаяся ко времени казахской зимовки (дл. 2,5 м, глуб.—1,10 м). В настоящее время подобные ямы вырываются казахами для хранения зерна⁵.

Все основные жилые сооружения заметны и в настоящее время на поверхности земли (таблица II). Они представляют собою округлые впадины, естественно образовавшиеся над углублениями больших землянок. Некоторые из этих впадин достигают более 20 м в диаметре и

почти соответствуют по размеру длине находящихся под ними жилищ. Наличие впадин облегчало нахождение больших землянок, но исследование поселения не могло быть ограничено вскрытием главнейших жилых сооружений. Раскопки площади, произведенные между 1-й и 4-й землянками, показали, что много важных памятников было заложено и совершенно заровнено культурным слоем. Здесь были обнаружены сравнительно небольшие землянки №№ 6 и 7 (табл. VII), надземное сооружение, от которого сохранилась канва, лежавшая в его основании, остатки мастерской для вылавки меди, шесть зольников и, наконец, горшки, подобно жертвенной посуде закопанные в отдельных ямах. Исследование землянки № 5 (табл. VI) и в особенности землянки № 4 (табл. V) позволяет предположить, что и в других местах между землянками скрыто значительное количество отдельных сооружений, ничем не отмеченных на дневной поверхности.

За пять лет раскопок на поселении была вскрыта площадь в 2566 кв. м и полностью раскопаны пять жилищ (землянки №№ 1, 2, 4, 5 и 6). Они представляли собою относительно неглубокие выемки земли и, несомненно, были рассчитаны на поведение над ними надземных сооружений. Кроме этого, были начаты работы на землянках №№ 3 и 8 и на небольшой землянке № 7. Расчищенные землянки дают представление о жилищах значительных размеров, предназначавшихся, повидимому, для очень больших семей. Наименьшая землянка № 4 имела в длину 15 м при ширине 9 м. Самая же большая по площади землянка № 2 имела около 19 м длины и 16 м ширины. Принимая во внимание ее неправильные очертания и сильно закругленные углы, площадь этой землянки можно считать равной 250—255 кв. м. Землянка № 5, расположенная от нее к северо-востоку, была приблизительно равна ей по площади. При расположении землянок и ориентировке их не руководствовались, повидимому, никакими установленными правилами. Из шести вскрытых жилищ (исключаются недостаточно расчищенные 3-я и 8-я землянки) две землянки № 1 и № 6 были направлены по длинной оси с северо-запада на юго-восток, другие две № 4 и № 5—с запада на восток, землянка № 2 с северо-востока на юго-запад, а землянка № 7—с севера на юг.

Все исследованные землянки приближались, с более или менее значительными отклонениями, к прямоугольной форме, но углы их всегда были сильно закруглены. Линия изогнутых стенок сохранилась довольно хорошо, несмотря на то, что землянки были вырыты в зыбком песчаном грунте. Разрушенной оказалась только южная стенка землянки № 5. Такая относительно хорошая сохранность стенок может быть объяснена только наличием какой-либо обкладки, не оставившей, однако, никаких следов. В одном только случае, у южной стены землянки № 4, была обнаружена углистость, в которой довольно хорошо сохранились мелкие древесные угольки. Возможно, что они представляли собою остатки некогда сгоревшей деревянной обкладки станы. Стенки далеко не всегда были отвесны; в большинстве случаев они пологи, а у землянки № 2 образовывали как бы чашеобразное углубление. Уступы в виде нар, обычные в жилищах срубной культуры, отсутствуют почти во всех Алексеевских землянках. Их можно проследить только в восточной половине землянки № 5, где они очень невысоки и всюду неправильной формы (табл. VI). О характере наклона стен и об их довольно незначительной высоте, не превышающей 0,70 м, дают представление профили землянок, снятые через каждые два метра.

Землянки № 1 и № 2, не имеющие никаких пристроек и ничем не связанные с соседними землянками, являлись, повидимому, однокомнатными изолированными строениями. Вполне вероятно, что среди многочисленных ямок, найденных на полу этих землянок, некоторые могли принадлежать столбам, образовавшим перегородки, которыми были разделены эти огромные помещения. Но так как выделить с полной уверенностью ряды этих столбов не удалось, говорить о них можно только предположительно. Зато в землянке № 5 совершенно четко был прослежен ряд однородных ямок от столбов одинаковой толщины, служивших, очевидно, основанием перегородки, делившей все большое помещение на две почти равные части.

Своеобразна по своему устройству землянка № 6 (табл. VII), которая в противоположность остальным, состояла из двух, вероятно заранее спланированных углублений. Ее основная северозападная выемка представляет собою почти прямоугольное помещение относительно небольших размеров. Максимальная ширина в северной части помещения равняется 7,5 м. В юговосточном конце землянка была несколько уже и место ее юговосточной стенки занимает широкий вход во второе жилое помещение (около 5 м шир.). Хорошо сохранившиеся почти вертикальные стенки северозападной половины землянки в юговосточной половине постепенно переходят в покатые. В наиболее углубленном северозападном конце жилища, где, повидимому, была сосредоточена жизнь, глубина землянки от современной поверхности достигала 1,15 м, но издревле к входу под этого помещения полото поднимался. Никаких указаний на существование столбов, образующих перегородку, порога или двери в этом месте не наблюдается. Оба помещения были отделены друг от друга бугром, естественно образовавшимся на границе двух сопрягающихся углублений (см. разрез, табл. VII). Юговосточная камера землянки имела неправильные очертания; ее стенки прослеживались четко только с западной и восточной стороны. В южных же пределах, где пол землянки полото поднимался почти на поверхность, стенки совершенно отсутствовали, что не давало возможности проследить южные очертания жилища.

Если землянки № 1 и № 2 являются совершенно обособленными помещениями, то все остальные землянки представляют собою комплексы связанных между собою жилых и хозяйственных сооружений. В настоящее время полнее всего исследована группа памятников, прилегающих к землянке № 6. К ее северозападному углу была пристроена своеобразная ограда, служившая, повидимому, загоном для скота. С восточной стороны это жилище было соединено проходом с землянкой № 7, расположенной между ним и землянкой № 4 (табл. VII). Этот небольшой проход длиной около 3 м с отвесными стенками упирался в край землянки № 7, тоже имевшей почти отвесные стенки в 1,25 м глубиной. Это заставляет предположить существование какой-то лестницы. Поперек прохода, ближе к землянке № 7, очевидно находилась дверь, о чем свидетельствует углубление, заполненное буроватым глином поперечной плахи, образовавшейся порог. Это углубление, прямоугольное в разрезе, имело в длину 1,45 м, в ширину 0,25 м, в высоту 0,10 м. Повидимому, дверь была привешена к столбу, на существование которого указывает сохранившаяся на краю нижней стенки у конца порога ямка (№ 144) почти конической формы 0,35 м глубины.

У западной стены того же южного помещения землянки был обнаружен второй подобный же проход. Но пока еще осталось невыяснен-

ным, представлял ли он собою просто вход в жилище, или соединял землянку № 6 с каким-либо другим помещением. Эта землянка и еще в большей мере землянки № 4 и № 5 требуют продолжения исследования окружающей их площади. Это совершенно необходимо для выяснения ряда вопросов: 1) представляют ли собою проходы, обнаруженные у южной и восточной стены землянки № 4, остатки входов в жилище, или они соединяют ее с другими сооружениями; 2) что представляет собою в целом виде выемка с отвесной западной стенкой и совершенно плоским дном, на площади которой была вырыта землянка № 4 (см. план ее раскопок, табл. V); часть этой выемки засыпана мощными зольниками, прилегающими к землянке с севера и с юга; на одном из этих зольников был сложен очаг из обычного плитняка; раскопки этого очага тоже пока не доведены до конца; недалеко от северозападного угла землянки на дне выемки, вдоль ее западной стенки, были уложены в ряд восемь необработанных камней, повидимому, остатки какой-то каменной кладки; 3) наконец, необходимо выяснить, каково назначение канав, прилегающих к трем углам землянки № 5 (см. план ее раскопок, табл. VI); если две из них, западные, повидимому, должны будут сомкнуться, образуя загон для скота, подобный прилегающему к землянке № 6, то совершенно неясно направление канавы, выходящей из землянку у ее северовосточного угла.

Несомненно, что при проведении дальнейших раскопок во всех рассмотренных случаях удастся установить существование цепи памятников, так или иначе соединенных между собою.

В какой мере постройки Алексеевского поселения возвышались над землей, и каким образом была устроена крыша над полуземляночными жилищами, в настоящее время можно судить только предположительно. В данном случае не столько приходится основываться на материале андроновских поселений, раскопки которых проведены пока только в двух пунктах, сколько на аналогичном материале срубной культуры. Те данные, которые можно использовать для восстановления крыши и даже, может быть, стен жилища этой культуры, почти совершенно отсутствуют для андроновской. Здесь имеются в виду не только результаты исследования многочисленных поселений, но и чрезвычайно важные наблюдения над устройством могильных ям, в настоящее время уже достаточно изученных. Здесь в погребальном ритуале в устройстве могильной камеры с особенной четкостью отразились некоторые детали конструкции стен и покрытия полуземляночных строений. Так, например, обкладка стен могилы хорошо обработанными бревнами или плитами, скрепленными посредством пазов по углам, несомненно, свидетельствует о том, что такая сложная техника могла выработаться и применяться только при постройке практически необходимых в жизни жилых сооружений. И действительно, совершенно отвесные стены и уступы прямоугольных в плане землянок древнего поселения Зыбница II (Петзенская область)⁶, сохранившие в целостности свои очертания, свидетельствуют о том, что они были защищены от разрушения какой-то облицовкой, повидимому, деревянной обкладкой или даже срубом. По полу одной из землянок Ляпичевского древнего поселения был прослежен ряд ямок от столбов, установленных в середине по длинной оси строения. Эти столбы служили для поддержки слези, на которую опиралась, очевидно, двускатная крыша⁷. Существование такой крыши подтверждается исключительно интересным, тоже двускатным покрытием над одной из

погнутых ям срубной культуры, исследованной В. А. Городцовым в 1903 г. близ сел. Камышевахи в районе гор. Артемовска*.

Но возможно ли предполагать, что жилища Алексеевского поселения, так же как и срубные, имели деревянную обкладку стен и двускатные крыши? Те немногочисленные данные, которые можно было вывести из раскопок Алексеевских землянок, едва ли могут дать утвердительный ответ. Форма землянок, всегда сильно отклоняющихся от строго прямоугольной, закругленность углов и кривизна часто пологих стен заставляют предполагать существование обкладки из цыновок, или, может быть, плетня, но не облицовку стен прямыми бревнами или плахами. Этот вывод касается пока только Алексеевского поселения. Отсутствие аналогий в пределах андроновской культуры не позволяет делать каких-либо обобщений, а наличие могильных срубов в западных районах этой культуры навряд ли можно объяснить только простым влиянием погребального ритуала соседней срубной культуры. Довольно совершенная и тщательная отделка деревянных конструкций могил, конечно, выработалась при развитии строительной техники. При дальнейших исследованиях в западных пределах распространения андроновской культуры совершенно необходимо обращать особенное внимание как на очертания землянок, так и на характер их стен и уступов, так как именно этот материал может дать объяснение характера облицовки внутри помещений. Единственным материалом, на который можно базироваться для восстановления покрытия жилищ Алексеевского поселения, являются многочисленные столбы, ямки от которых были обнаружены на дне всех землянок после полного снятия культурного слоя. Однако, из огромного количества беспорядочно расположенных ямок было очень трудно, а в большинстве случаев и просто невозможно, выделить те, которые принадлежали столбам, подпиравшим крышу. Несомненно, многие из ямок, особенно углубляющиеся вкось, принадлежали подпоркам, поддерживавшим столбы, установленные в зыбком песчаном грунте. Но таких ямок относительно немного. Определение назначения остальных столбов не может быть проведено с достаточной точностью, так как невозможно отличить друг от друга ямки, оставленные столбами, подпиравшими крышу, от столбов, служивших основанием перегородок. Не исключена возможность, что в некоторых ямках могли стоять невысокие столбы, на которых лежал настил, укреплявший песчаный пол жилища. Все это разнообразие возможностей мешало четкому выделению основных столбов, поддерживавших покрытие. К этому надо прибавить, что далеко не все столбы, оставившие ямки, стояли одновременно. Очевидно, строение неоднократно подвергалось ремонту, и многие столбы были установлены позднее, уже в накопившейся толще культурного слоя. Последнее доказывается следующими данными: некоторые ямки были обнаружены под очагами, сооруженными на уже наслоившихся отбросах; под первым очагом землянки № 1, лежавшем на слое мощностью 20—25 см, было найдено восемь ямок, несомненно оставленных столбами, о чем свидетельствуют их форма и размеры (табл. III); такие же ямки были найдены в землянке № 2 под очагом № 1 и в землянке № 5 под очень большим очагом № 1; в обоих этих случаях очаги тоже были построены на наслоении мощностью 18—25 см (землянка № 2, табл. IV) и 20—30 см (землянка № 5, табл. VI).

Из всего этого следует, во-первых, что все три очага были сооружены не в начале существования землянки, а несколько позднее, в то время, когда уже накопилась некоторая толщина культурного слоя; и

во-вторых, что столбы, установленные при постройке землянки, ко времени появления очагов уже были уничтожены. О той же разновидности столбов свидетельствуют некоторые неглубокие ямки (глуб. 10—15 см) конической формы, обнаруженные в песке, подстилающем культурный слой. Они, вероятно, остались от столбов, установленных в конце существования землянки в уже мощном культурном слое, и проникших только своими заостренными концами в желтый песок. Очертания же этих ям в культурном слое проследить не представлялось возможности.

Таким одновременным происхождением ямок от столбов, к тому же разного назначения, отчасти объясняется их огромное количество на площади всех землянок. Меньше всего их оказалось в относительно небольшой землянке № 4 (табл. V), где столбы стояли особенно часто в пределах ее западной половины. Во всей землянке насчитывалось 58 ямок, которые могли остаться от столбов. На площади землянки № 1, в которой было найдено 221 таких ямок, столбы располагались тоже далеко неравномерно. Они были сосредоточены главным образом в северной ее половине. То же распределение столбов наблюдается в землянках № 6 и № 7, где основная масса их находилась в северных половинах. Повидимому, эти места являлись центральной частью жилища, где была сосредоточена жизнь человека, о чем свидетельствует относительная насыщенность здесь слоя культурными остатками.

В больших землянках № 2 и № 5 столбы распределялись относительно равномерно по всей площади пола. В землянке № 5 их было найдено 302; из этого количества можно было выделить семнадцать столбов (ямы №№ 166, 170, 179, 180, 17, 181, 187, 23, 188, 189, 191, 192, 193, 194, 202, 203, 205), несомненно, однородных, служивших основанием перегородки. На полу землянки № 2 находилось 248 ямок от столбов различного назначения.

Беспорядочное расположение столбов отнюдь не указывает на отсутствие определенной строительной системы при возведении сооружений. Как известно, при удалении настилов, остатков стен и других конструктивных частей, расположение свай на некоторых свайных поселениях представляет собою совершенно такую же пеструю картину, в которой при отсутствии дополнительных данных едва ли можно было бы разобраться?

Из всех беспорядочно расположенных ямок только в трех случаях можно было с относительной четкостью проследить их направление и назначение. О следах перегородки, обнаруженных в землянке № 5, уже было упомянуто выше. В землянке же № 2 вдоль ее юговосточной стенки тянется ряд ямок (№№ 252, 2, 4, 7, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 5), несомненно оставленных одинаковыми, довольно крупными столбами (табл. IV). Вполне допустимо, что подобные столбы были установлены для поддержки краев крыши. Далее, у югозападной стенки землянки, этот ряд теряется среди массы других ямок, одинаково близких им по форме. Более или менее четко он опять выделяется у северозападной стенки (№№ 146, 162, 173, 175 и 187). Здесь даже удалось проследить второй, параллельный ему ряд ямок. Такое расположение последних дает представление о том, что покрытие лежало на столбах, в два ряда окаймлявших углубление землянки. Как располагались столбы, поддерживавшие крышу в середине землянок, пока установить не удалось. Подобный же ряд довольно близких по форме больших столбов

тянется вдоль округлых стенок западного конца землянки № 4 (№№ 1, 2, 29, 4, 21, 8, 20, 18, 15, 14, 13, 12; табл. V).

Такое расположение столбов заставляет предполагать, что крыши над некоторыми землянками Алексеевского поселения не были двускатными, в противоположность тому, как это прослеживается по остаткам строений срубной культуры. Округлые землянки, вроде землянки № 2, могли иметь покрытия в виде куполообразного свода, наподобие покрытия современных казахских юрт.

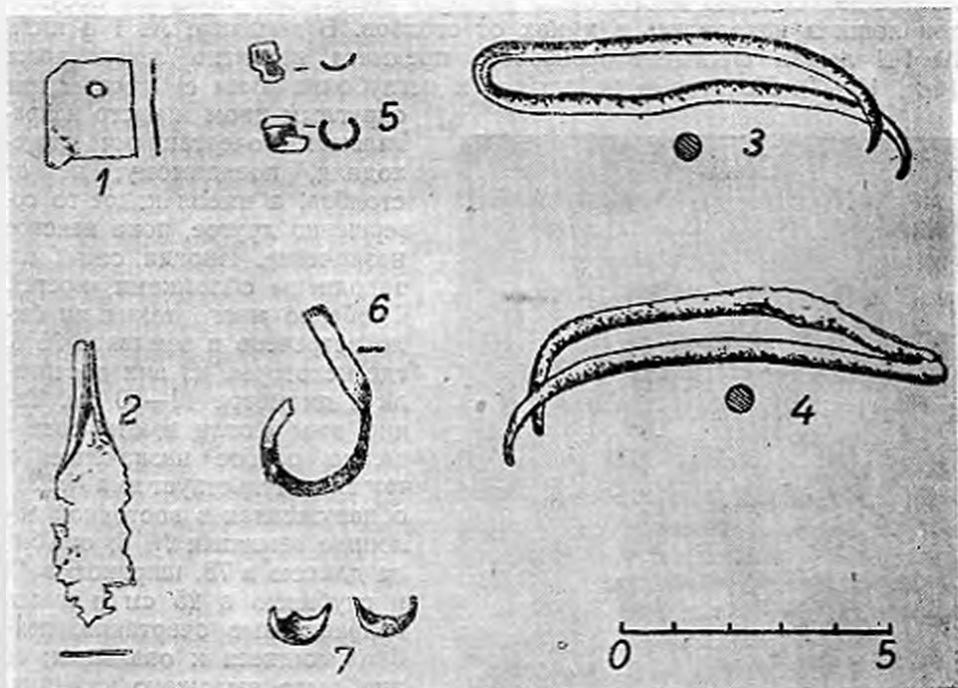

Рис. 12. 1. Пластика с площади, расположенной к юго-востоку от землянки № 1. 2. Привеска, найденная близ землянки № 1. 3—4. Из северного зольника близ землянки № 1. 5—6. Из землянки № 5. 7. Из землянки № 1.

Повидимому, крыши не заходят за пределы углубления землянки, так как почти во всех случаях столбы располагались только на площади углубления. Исключением является 6 ямок (№№ 33—39) от столбов, обнаруженных на совершенно плоском дне выемки, где была вырыта землянка № 4. Эти ямки, расположенные близ северной стенки землянки, служили, может быть, для поддержки крыши легкой постройки или навеса, прилегавшего к землянке. Какое бы ни было назначение этого дополнительного сооружения, оно, повидимому, просуществовало недолго, так как ямки от столбов находились под мощным слоем большого зольника, насыпанного на этом месте.

С южной стороны на площади той же выемки, тоже под зольником, было найдено еще три ямки от столбов (№№ 30—32). Назначение их неясно; если оно и может получить объяснение, то только после продолжения раскопок площади, прилегающей к этому раскопу с юга.

Остается сказать несколько слов о вещах, попадавшихся изредка при расчистке ямок от столбов. Почти все эти ямки были заполнены темно-бурым культурным слоем, не содержащим никаких предметов. К числу редких находок относятся мелкие черепки, кости и обломки очажных камней, помидимому попавшие в ямы случайно, после извлечения столбов. Более значительные находки насчитываются единицами. Так, в землянке № 1 в яме № 8 были найдены обломки бронзового украшения в виде одинаковых выпукло-вогнутых чешуек (рис. 12—7). В землянке № 2, где особенно много было найдено лошцы для лощения посуды, три лошцы находились в ямках от столбов. В землянке № 1 в яме № 141 лежал фрагмент бронзового предмета, вероятно лезвия ножа (рис. 13—3). Некоторые небольшие и неглубокие ямки с плоским или

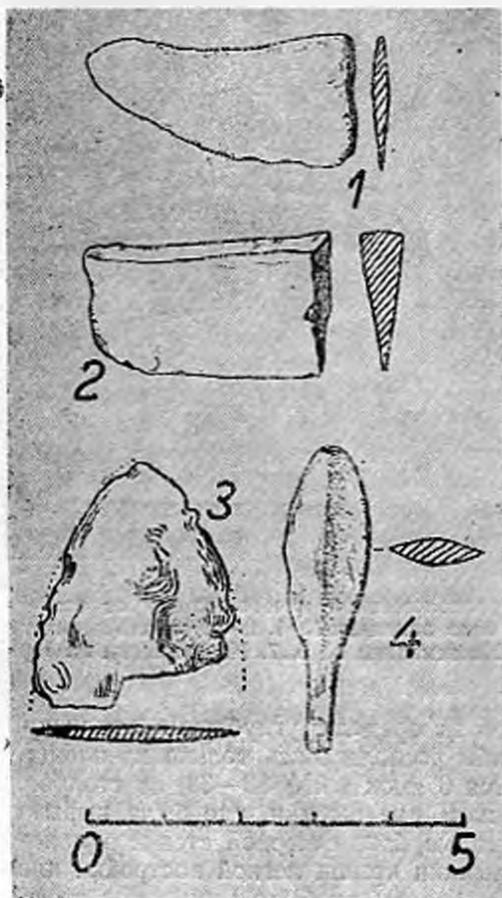

Рис. 13. 1. Землянка № 1. 2. Землянка № 2. 3. Землянка № 1. 4. Найдено на поверхности в восточной части поселения.

округлым дном и часто неправильными очертаниями происходили, повидимому, не от столбов, а имели какое-то совершенно другое, пока неясное назначение. Иногда они были заполнены обломками костей. Особенно много таких ям было встречено в землянке № 6, где некоторые из них достигали в диаметре 40—50 см. Такие ямы могли иметь совершенно особое назначение, о чем свидетельствует яма № 234, обнаруженная в восточной половине землянки № 5; она была длиною в 78, шириною в 47 и глубиною в 25 см и имела неправильные очертания, приближающиеся к овальным; ее дно было выложено камнями, на которых стоял хорошо заполированный пест (рис. 14) из зеленоватого плотного камня. По-видимому, все это вместе представляло собою своеобразную ступку, может быть, для дробления руды. В некоторые неглубокие ямки небольших диаметров могли быть утаплены большие горшки, как это было видно после зачистки пола землянки № 2. Здесь в восточной ее половине и четырех случаях (находки №№ 3, 5, 8, 9) были найдены в нижней части сосудов, вкопанные в ямы. Отсутствие остатков нагара и копоти на стенах этих сосудов указывает на то, что это была не очажная посуда, а скорее вместительница для хранения различных предметов обихода, а также, может быть, и съестных припасов.

Более отчетливое представление о горшках и ямах-хранилищах можно составить на основании многочисленных остатков последних в землянке № 1. На ее площади, особенно богатой разнообразными находками, было обнаружено 10 ям овальной и округлой формы, из которых 6 оказались пустыми, а в четырех (№№ 3, 4, 103 и 105; табл. III) были найдены вещи, хранившиеся, повидимому, в больших горшках, установленных в этих ямах. Особенно интересны ямы №№ 3 и 4. В яме № 3 (рис. 15), единственной, имевшей прямоугольную форму, был установлен большой горшок; он был поставлен на месте другого разбитого горшка, совершенно сходного с ним. Крупные фрагменты последнего все остались на месте таким образом, что его уцелевшее дно находилось непосредственно под дном вновь установленного сосуда. Этот сосуд был как бы вставлен в уцелевшую нижнюю часть первого и, очевидно, для большей устойчивости был подперт со всех сторон крупными черепками своего предшественника. (Наличие всех черепков дало возможность восстановить этот сосуд полностью). Кроме того, между сосудом и восточной стенкой ямы был вставлен значительных размеров камень, тоже служивший подпоркою. Горшки стояли значительно выше дна ямы, причем при их установке вся нижняя часть ямы, повидимому, уже была завалена землею, в которой попадались довольно крупные фрагменты костей домашних животных. Особенно много их было найдено на дне в северозападном конце ямы. Полное отсутствие на стенках сосудов нагара или копоти свидетельствует о том, что они не употреблялись для приготовления пищи, а имели какое-то другое назначение: повидимому, были хранилищами, заменяя собою ларцы или сундуки.

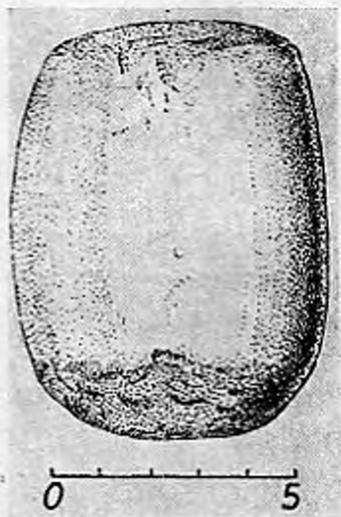

Рис. 14. Землянка № 5.

Рис. 15. Землянка № 1, яма № 3.

попавших в нее случайно, вероятно из культурного слоя, которым она была завалена, может быть, при установке в ней горшка. Однако, возможно другое объяснение: яма № 4 могла служить местом

для костных отбросов уже после того, как потеряла свое прямое назначение. Остатки вещей, хранившихся в этой яме, были найдены вместе

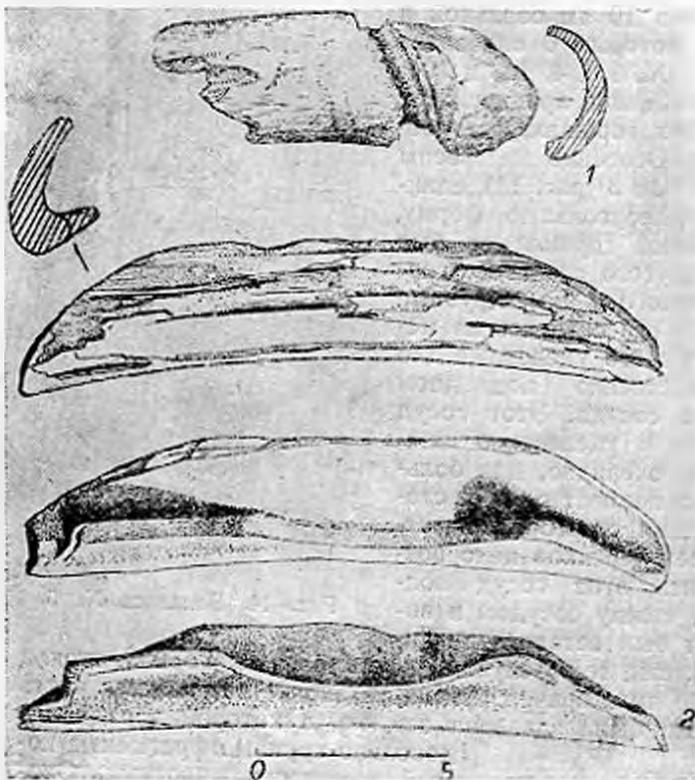

Рис. 16. 1. Землянка № 1, яма № 4. 2. Восточный зольник близ землянки № 1.

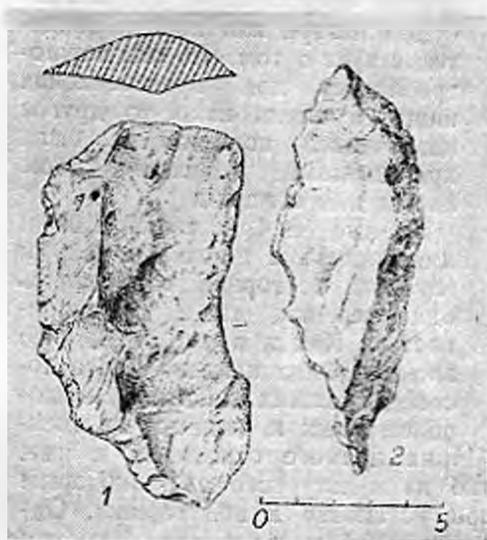

Рис. 17. Землянка № 1, яма № 4.

на глубине 30 см. Они состояли из шести предметов (на плане эти вещи отмечены №№ 23—27, 31): костяной пластинки от лука (рис. 16) — кожаной для привязи тетивы, двух грубо отесанных каменных орудий в виде остроконечника и скребла (рис. 17), куранта от ручной зернотерки (рис. 18), клиновидного орудия из хорошо зашлифованного камня (рис. 19) и обломка бронзового кельта (рис. 20—3). Повидимому, все эти орудия представляют собою один комплекс вещей, хранившихся в сосуде, который был некогда икопан в эту яму. Поэтому,

быть может, зернее первое предположение, что глиняный сосуд с этими предметами был икопан в яму позднее, так как очень мало вероятно предполагать, что все эти вещи, особенно бронзовые предметы, годные для переплавки, могли оказаться брошенными в этой яме и засыпанными костями. В яме № 103 овальной формы (дл. 75 см, шир. 55 см, гл. 25 см) было найдено два куска красной краски и половина кружка (дм. 11 см), выточенного из черенка со сверлиной в центре (рис. 21). От горшка осталось несколько небольших черенков. Такое же небольшое количество вещей находилось в яме № 105 тоже овальной формы (длина ее

равнялась 1 м, шир.—от 54 до 60 см, гл.—35 см). Кроме 75 фрагментов костей домашних животных и нескольких черепков в ней был обнаружен небольшой шарик из обожженной глины и трубочка (рис. 22—1), представляющая собою отрезок птичьей трубчатой кости с вложенной в него трубочкой меньшего диаметра.

Подобные ямы, повидимому, тоже предназначавшиеся для хранения, были найдены и в других землянках. Так, в землянке № 2 близ первого очага находились три совершенно пустых ямы неправильной формы (№№ 43, 44 и 54). Интересна прямоугольная в основе своей яма № 43 (дл. около 1 м, шир. 50 см, глуб. 30 см). Ее северо-восточный угол был расширен в два округлых углубления небольших диаметров, в которых могли быть установлены горшки. В землянке № 4 только яма № 51 была более или менее значительна по размеру, но навряд ли являлась хранилищем, так как на ее плоском дне был найден углистый слой с довольно крупными древесными угольками; скорее она предназначалась для какой-то производственной цели. В землянке № 5, между ее западной стенкой и большим первым очагом, находились две ямы (№ 1 и № 2) значительных размеров, округлой формы, с чашиобразно закругленным

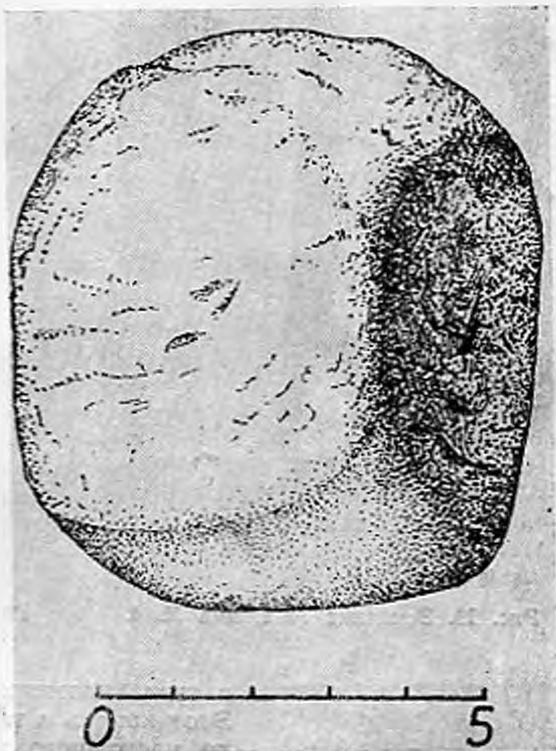

Рис. 18. Землянка № 1, яма № 4.

дном. Обе ямы оказались совершенно пустыми, так что определить их назначение в настоящее время не представляется возможным. Но как их расположение вблизи от очагов № 1 и № 2, так и размеры заставляют предполагать, что они тоже являлись хранилищами. В землянке № 6 только ямы № 78 и № 97 могли служить для хранения, хотя кроме костей домашних животных, нескольких черепков и одного облояка неопределенного предмета из обожженной глины в них ничего не было обнаружено. Большие же, но неглубокие ямы № 145 и № 146, находящиеся в непосредственной близости друг к другу, как и яма № 134, могли образоваться при извлечении стоявших в них столбов, убранных в обычных глубоких ямках, обнаруженных на дне этих

Во всех землянках кроме тех, раскопки которых не доведены до конца (землянки №№ 3, 7, 8), были обнаружены очаги разного размера, разного устройства и, очевидно, неодинакового назначения. Основным

материалом, из которого складывались очаги, был совершенно не-
работанный камень плитняк, ближайшие выходы которого находятся

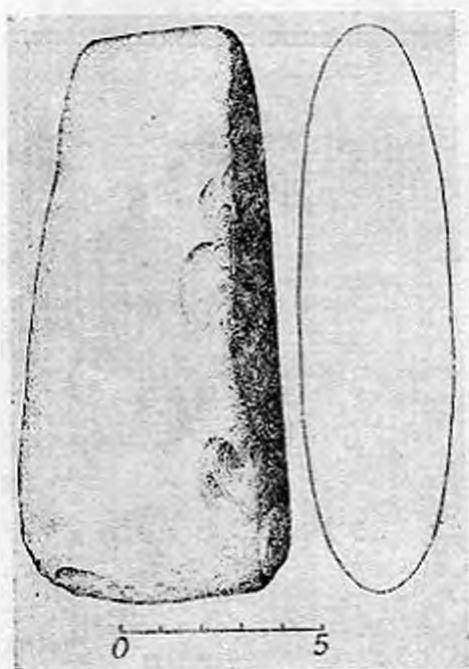

Рис. 19. Землянка № 1, яма № 1.

Рис. 20. 1 и 2. Землянка № 2.
3. Землянка № 1, яма № 4.

Рис. 21. Землянка № 1,
яма № 103.

в трех километрах выше поселения по Тоболу. Этот камень в таком же необработанном виде до настоящего времени служит для устройства печей в банях. Для этой цели его употребляют вследствие того, что он значительно быстрее и лучше накаляется, чем сыропечный кирпич, из которого обычно складываются печи жилых помещений.

Большинство очагов, сложенных из камней, дошло до нас в полуразрушенном состоянии, так что судить об их первоначальной форме не всегда бывает возможно. Лишь один сохранившийся в целости третий очаг в землянке № 2 имеет почти овальную форму (табл. IV). Другие каменные очаги, особенно большие, были сложены иначе. Так, первый очаг в землянке № 5 (табл. VI) представлял собою неширокую грядку длиной в 4 м. Некоторые маленькие, относительно хорошо сохранившиеся очаги, тоже сложенные из камней, имели более или менее округлые очертания.

При устройстве очагов камни тщательно

по пригонялись один к другому, но не были ничем сцементированы, о чем свидетельствует полное отсутствие следов какой бы то ни было замазки. Обычно камни укладывались в один ряд таким образом, что большие очаги просто представляли собою хорошо замощенные площадки.

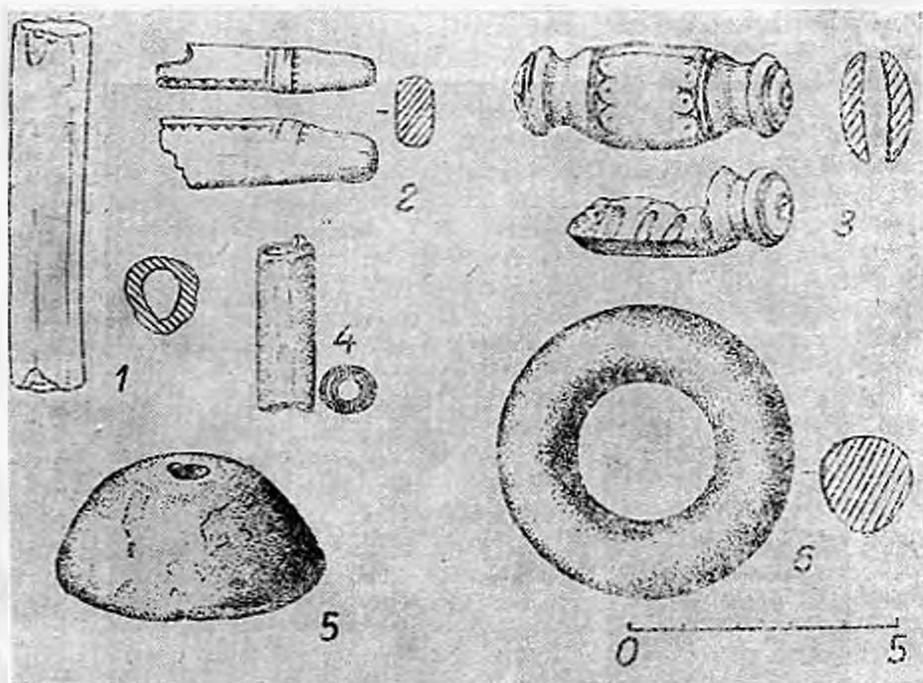

Рис. 22. 1. Землянка № 6. 2 и 3. Землянка № 8. 4. Землянка № 1, яма № 105. 5. Землянка № 6. 6. Землянка № 2.

Все очажные камни носят следы прокалитости и многие из них растрескались и рассыпались. Характерно, что при очагах, сложенных из камней, уголь и зола всегда встречаются в незначительном количестве. Очевидно, зола тщательно сметалась с них и выносилась за пределы жилища, где и сыпалась в непосредственной близости от него вместе с различными отбросами. Черепки посуды и кости, представлявшие собою остатки пищи, встречались на этих очагах единицами, а не скоплениями и гудами, причем следы огня на костях совершенно отсутствуют.

Материалом, служившим для устройства очагов другого типа, являлась глина; в таких случаях камень совершенно не употреблялся, как строительный материал. Проследить устройство подобных очагов было почти невозможно, так как все они дошли до нас в виде бесформенных, размытых и плоских глиняных куч. Единственно, что позволяет предположительно судить об их устройстве, это грубо сформованные, почти конусообразные предметы из глины, прокаленные значительно сильнее обычной керамики. В изломах хорошо заметна глубина обжига, достигающая не менее 1 см, в то время как прокаленность поверхности ря-

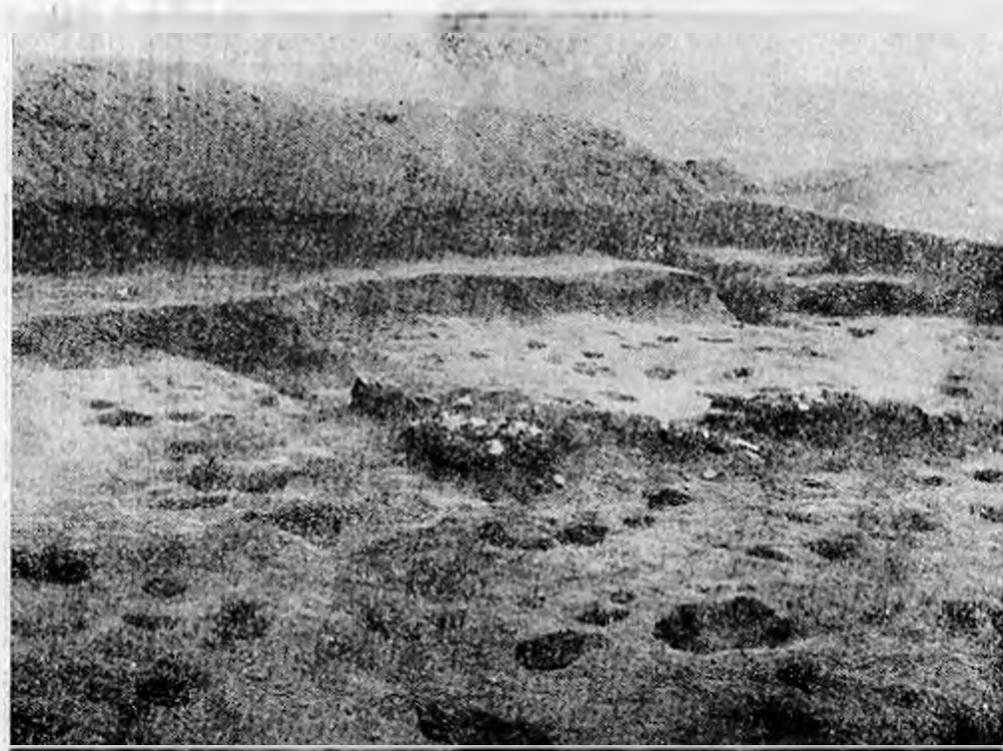

Рис. 23. Землянка № 5, очаг № 1.

довых горшков редко превышает 1—2 мм. Подобные конусы в четырех случаях были найдены близ очагов, что вместе с их прокаленностью дает право считать их так или иначе связанными с устройством последних.

Такие же плохо выделанные глиняные конусы известны в более поздних культурах. Так, например, они встречаются в значительном количестве в зольниках древнейших скифских поселений, а также на славянских поселениях VIII и IX вв. Последние находки глиняных конусов, сделанные Б. А. Рыбаковым в нижнем слое Гочевского городища¹⁰, дают возможность судить о назначении этих предметов во крайней мере в славянских культурах. Здесь они несомненно служили конструктивными частями небольших печей, сохранившихся в землянках иногда почти в совершенно целом виде. Каждая печь представляла собою овальное глиняное сооружение с плоской поверхностью, над которой был возведен небольшой свод из тесно пригнанных друг к другу глиняных конусов, обращенных вершинами вниз. Подобный прием при устройстве простейших печей мог существовать очень длительный период времени и, может быть, восходит к древнейшей Скифии и даже к концу бронзовой эпохи. И если нельзя пока с полной уверенностью судить о назначении конусов в землянках Алексеевского поселения, то все же можно предполагать, что они тоже являлись каким-то строительным материалом, служившим для устройства глинобитных очажных сооружений.

Остатки глиняных очагов были встречены три раза: в землянке № 1 был один очаг № 1, и в землянке № 5 два таких очага №№ 2 и 6. Все три очага были окружены большим количеством костей домашних животных, частью мелкораздробленных, частью в виде крупных обломков. Обычно мелкие, сильно пережатые осколки костей покрывали близ очагов значительные площади не менее 1,5 м в длину. Частично они были перемешаны с золой и углями, которые у очага землянки № 5 лежали целыми кучами. Близ второго очага землянки № 5 полукруглая выемка в западной отвесной стенке была завалена сплошной углистой грудой. У очага № 6 в той же землянке таких углистых скопления обнаружено не было; это может объясняться тем, что вскрытые площади вокруг очага еще не доведено до конца. Такое большое количество пережатых костей, лежащих близ очагов, частично перемешанных с древесным углем и золою, говорит о том, что эти кости, наряду с деревом, тоже могли служить топливом. Третий вид топлива, несомненно применявшийся на Алексеевском поселении, был навоз или кизяк, сохранившийся в пережатом и обугленном виде в большом зольнике, лежащем к востоку от землянки № 1.

Кроме костей, золы и угля близ глиняных очагов во всех случаях были найдены разбитая посуда, но не отдельными разрозненными черепками, а в виде значительных скоплений крупных и мелких фрагментов, принадлежавших одному, двум или трем разбитым тут же у очага большим горшкам. У первого очага землянки № 1 эти черепки так тесно прилегали друг к другу, и так ровно были вдавлены в землю, что представляли собою как бы замощенную площадь. При реставрации оказалось, что все они принадлежали одному, довольно большому узкогорлому сосуду.

В землянке № 5 расстояние между каменным очагом № 1 и зоной распространения золы и угля глинобитного очага № 2 не превышает двух метров. Такая близость их расположения, а также совершенно раз-

личное их устройство свидетельствует об их различном назначении. По-видимому, глинобитные очаги, обильно окруженные кухонными отбросами и битой посудой, могли предназначаться для приготовления пищи, в то время как очаги, сложенные из плитняка, по-видимому, сооружались для обогрева больших полуземлячных помещений. Это подтверждается и их относительно центральным положением на площади жилищ, и характером предметов, найденных около них (зернотерки, ступки, ложилца, пряслица и т. п.).

В противоположность им кухонные очаги помещались по углам и близ стен землянок. В землянке № 5 оба кухонных очага находились даже вне пределов углубления жилища, но в непосредственной от него близости. Полное отсутствие ямок от столбов вокруг этих двух очагов не дает возможности предполагать наличия стен или навеса над ними. К юго-восточному углу землянки № 5, у которого лежали остатки одного из кухонных очагов, прилегалo небольшое прямоугольное углубление с совершенно отвесными стенками, высотой в 0,5 м. Длина этого углубления равнялась 2,5 м, ширина—1,5 м. У входа в него находилась прямоугольная яма № 272 (дл. 72 см, шир. 58 см, гл. 32 см), по-видимому служившая для хранения, как и обе ямы (№ 1 и № 2) между очагами западной половины землянки.

Несомненно, что положение очагов менялось в зависимости от ремонта и переделок жилищ. На это, как уже говорилось выше, указывают ямки от столбов, найденные после удаления очага № 1 в землянке № 1, очага № 1 в землянке № 5 (рис. 23) и очагов № 1 и № 2 в землянке № 2. Кроме того, некоторые очаги были построены не в начале существования землянок, а на уже накопившемся культурном слое. Довольно часто в процессе раскопок культурного слоя, заполнявшего землянки, встречались отдельные, сильно прокалинные и растрескавшиеся, разрозненные осколки очажных камней. Они тоже указывают на переделки и ремонт отдельных очагов, на удаление старых рассыпавшихся камней и на замену их новыми. Но, несмотря на передвижения очагов, основной принцип их расположения остается в силе: каменные очаги помещались более или менее центрально, а кухонные глинобитные ближе к стенам жилищ. Впрочем очаг № 1 в землянке № 2, который служил для приготовления пищи, об чем можно судить по большому количеству окружавших его кухонных отбросов и битой посуды (табл. IV), хотя и располагался не центрально, у северо-восточного угла землянки, однако был сложен из обыкновенных камней и никаких остатков глины на нем не было обнаружено. Все же не исключена возможность, что на этой каменной вымостке находилось какое-то сооружение из глины, может быть, даже свод, так как на расстоянии одного метра к северо-западу от очага был найден фрагмент сильно прокаленного глиняного конуса.

В землянке № 4 находилось два относительно хорошо сохранившиеся каменных очага обычного типа (табл. V). Один из них средних размеров (около 1 м в длину) стоял у северной стенки землянки. Он отличается полным отсутствием следов хозяйственной деятельности. Другой маленький очажок, окруженный углистым слоем, помещался более или менее центрально и был сложен из четырех больших, плотно пригнанных друг к другу камней.

Очаги, построенные из камней, были два раза найдены за пределами углубления землянок, но в непосредственной близости от них. Один из них, о котором уже говорилось, находился к востоку от землянки № 2

(очаг № 3). Раскопки этого очага пока еще не доведены до конца. Почти полное отсутствие следов человеческой деятельности близ этих очагов не дает возможности судить об их назначении. В обоих случаях такие очаги служили не для отопления и не для приготовления пищи, а, возможно, были связаны с каким-нибудь производством. Очаг, найденный на массиве зольника, естественно, был сложен значительно позднее постройки самого жилища.

Совершенно своеобразны слои угля, лежавшие грядами в первом основном помещении землянки № 6 (табл. VII). Наиболее массивная из этих гряд тянется вдоль западной стенки жилища и в некоторых местах почти прилепает к ней. При мощности в 30 см она достигает 5 м длины и около 1 м ширины. Подобное же скопление угля, но меньших размеров и мощностью в 25 см (см. план землянки), находится у западной стены. Вдоль же восточной стены жилища тянется довольно тонкий углистый слой длиной около 2,5 м и шириною в 60 см, сильно перемешанный с золою. Во всех трех случаях основная масса угля, несомненно, происходит от сжигания древесного топлива. Таким образом, вся северная половина этого помещения землянки как бы окаймлена остатками больших кострищ. Никаких следов каменной кладки или сооружений из глины не замечено, но во всех трех углистых кучах

Рис. 24. Землянка № 6.

единицами встречались разрозненные куски очажных камней, повидимому, не игравших существенной роли при создании этих кострищ. Два из этих кострищ, у северной и восточной стенки, могли возникнуть относительно поздно, уже после упразднения 14-ти столбов, ямки от которых были обнаружены после снятия угля. Кострище же у западной стенки землянки находилось на совершенно свободном от ямок пространстве (см. план землянки № 6, табл. VII). Почти все основные находки, сделанные в землянке № 6, были так или иначе связаны с большим северным кострищем. Кроме кучи черепков от двух больших горшков к югу от середины кострища, здесь был обнаружен ряд других предметов, относящихся к разнородной хозяйственной деятельности человека. Так, между черепками и кучей угля лежали вместе два совершенно одинаковых скребла

из лошадиных челюстей и, очевидно, применявшихся для обработки шкур (рис. 24). Ближе к углистому слою лежал круглый курант, может быть, от зернотерки, и точильный камень. Здесь же был найден ко-

стиной предмет полушарной формы со сверлиной, сделанный из головки бедра (рис. 22—5). У восточного конца гряды стояло дноще от горшка больших размеров, а под углем лежали в полном порядке кости от двух передних ног овцы и от одной ноги лошади.

В южной камере землянки № 6 были обнаружены в трех местах остатки очагов, сложенных из камня. Два из них (№ 1 и № 2) помещались в западной части жилища поблизости от прохода, идущего в западном направлении. Оба эти очага, находившиеся друг от друга на расстоянии 2-х метров, оказались сильно разрушенными. Не исключена возможность, что первоначально они представляли собою один большой очаг, уничтоженный, может быть, уже в начале существования жилища. Этот очаг (или система очагов) мог быть заменен другим, находившимся в середине помещения и сохранившимся довольно хорошо (очаг № 3). Об его относительно позднем существовании свидетельствует культурный слой мощностью в 20—25 см, на котором он был сооружен.

Вокруг всех каменных очагов кроме ничтожного количества угля и золы ничего не было обнаружено. Едва ли связан с очагом № 3 распавшийся на две половинки горшок средних размеров, с большой полуразрушенной костью внутри (рис. 25—3). Этот горшок стоял почти на дне землянки на расстоянии одного метра от очага.

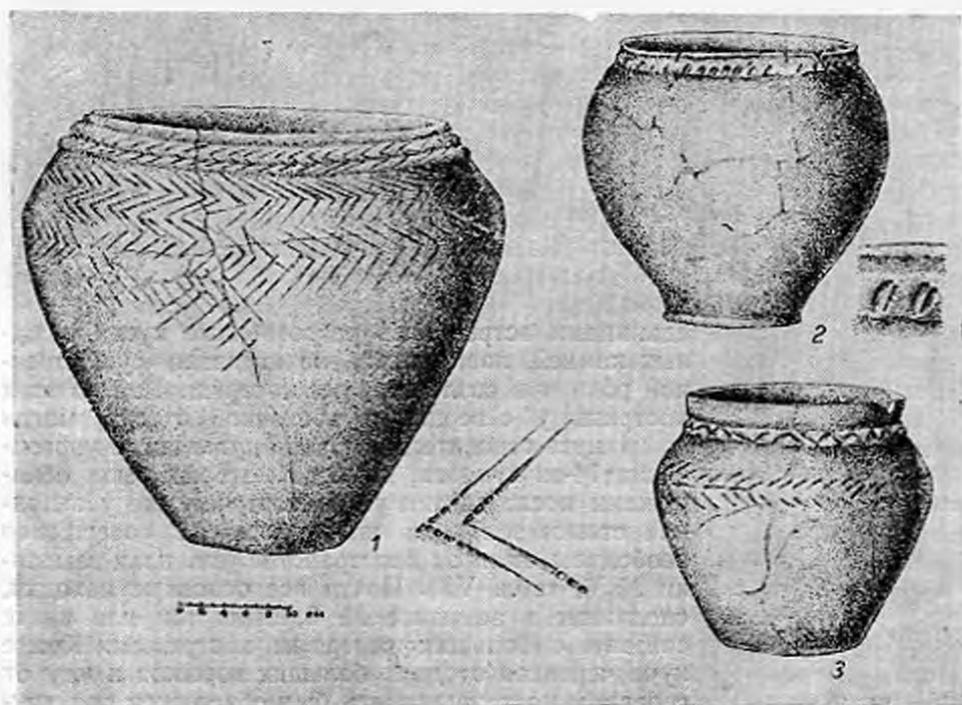

Рис. 25. Землянка № 6.

Если каменные очаги землянки № 6 ничем не отличались от подобных же небольших очагов других землянок, то кострища, обнаруженные в северном помещении жилища, существенно отличались ото всех дру-

гих очажных сооружений не только по своей величине и количеству углистости, но и по полному отсутствию каких-либо кладок из камня и глины. Назначение их тоже не вполне объяснимо. В том, что они могли служить для приготовления пищи, почти не приходится сомневаться: на это указывает большое количество костных остатков, битой посуды и динце большого горшка, стоявшие среди углей. Но едва ли такое относительно большое количество древесного топлива могло употребляться исключительно для приготовления пищи; по крайней мере, в других землянках больших размеров этого не наблюдалось. По некоторым данным можно предполагать, что эти наслоения угля могли быть связаны с производственными процессами, а именно с металлургией, точнее—с выплавкой меди. Правда, никаких следов обработки металла непосредственно на кострищах не было обнаружено, но они были найдены, и в довольно большом количестве, поблизости от углубления землянки № 6. Как уже было сказано, рядом с нею, с восточной стороны, была расчищена часть другой небольшой землянки № 7 (см. план, табл. VII). Эта землянка в нижней своей части была завалена довольно мощным слоем золы толщиной в 60—70 см. Создается впечатление, что землянка № 7 имела существовать, как жилое помещение, довольно рано, и все ее углубление было использовано для ссыпки золы с очагов землянки № 6 может быть, более позднего жилища. Это предположение подтверждается еще и тем, что другого зольника поблизости от землянки № 6, не было обнаружено. Если такое предположение соответствует действительности, то множество медных шлаков и куски руды, попавшиеся в зольнике, заполнявшем землянку № 7, были выброшены в нее из 6-й землянки, где они являлись отбросами, связанными с выплавкой металла. Интересны аналогичные явления, обнаруженные в соседнем раскопе, прилегающем с юга к раскопу землянок № 6 и № 7. Здесь была начата расчистка двух больших выемок, тоже представляющих собою, повидимому, остатки полуземляночных жилищ. Из них больше была расчищена землянка № 3. Она была отграничена от восточного углубления широкой (от 1 до 1,5 ширины) стенкой (табл. II). Культурный слой, заполнявший ее, ничем не отличался от обычного, между тем как соседняя выемка доверху была заполнена мощным слоем золы, в некоторых местах достигавшим 1 м толщины. И здесь среди других отбросов, находящихся в золе, встречались в значительном количестве шлаки и куски медной руды, несомненно, связанные с металлургией. Интересно, что тут же были найдены, очевидно, недоработанные бронзовый кинжал и кельт (рис. 20—1 и 2). Оба предмета сильно разрушены от пребывания в зольном слое.

Подводя итоги описанию очагов, прихожу к выводу, что все землянки, кроме землянки № 5, представляли собою обособленные хозяйственные единицы. Об этом можно судить как по количеству, так и по расположению и назначению их очагов. Во всех землянках центральное место занимали каменные очаги, повидимому, служившие для обогрева помещений. В стороне, у стен землянок, помещались кухонные очаги, в трех случаях из пяти глинобитные. Землянка же № 5 делилась на два обособленных, совершенно отдельных хозяйства. В начале этой главы было отмечено, что она была разделена на две равные части перегородкой, основанием которой служил ряд столбов, оставивших на дне землянки однородные ямки. В центре западной половины землянки был расположен большой каменный очаг (рис. 23), роль которого в восточной половине играла целая система небольших каменных очажков

(№№ 3, 4 и 5: табл. VI). Несмотря на их хорошую сохранность и плотно пригнанные друг к другу камни, представляется возможным, что они являются остатками одного большого, тоже вытянутого очага. Обе кухни с глинобитными очагами и ямами-хранилищами располагались симметрично у углов землянки, в западном помещении — у югозападного ее угла, а в восточном — у юговосточного.

Кроме керамики и обломков костей преимущественно домашних животных, во всех жилищах и в окружающих их зольниках было найдено довольно много разнообразных предметов как домашнего обихода, так и связанных с различными производствами, тоже сосредоточенными главным образом в пределах жилищ. Подробное рассмотрение всего вещевого материала будет дано в следующих главах, в описании же жилищ считаю нужным отметить, что эти вещи распределялись между землянками далеко не равномерно, и в разных землянках они были различны. Особенно много разнообразных и хорошо выделанных предметов было найдено в землянках № 1 и № 2. В землянке № 4 их было меньше, землянки же № 5 и № 6 вообще были бедны находками. Зато в землянке № 5 было найдено около 60 лоцил, сделанных из галек и употреблявшихся для лощения посуды.

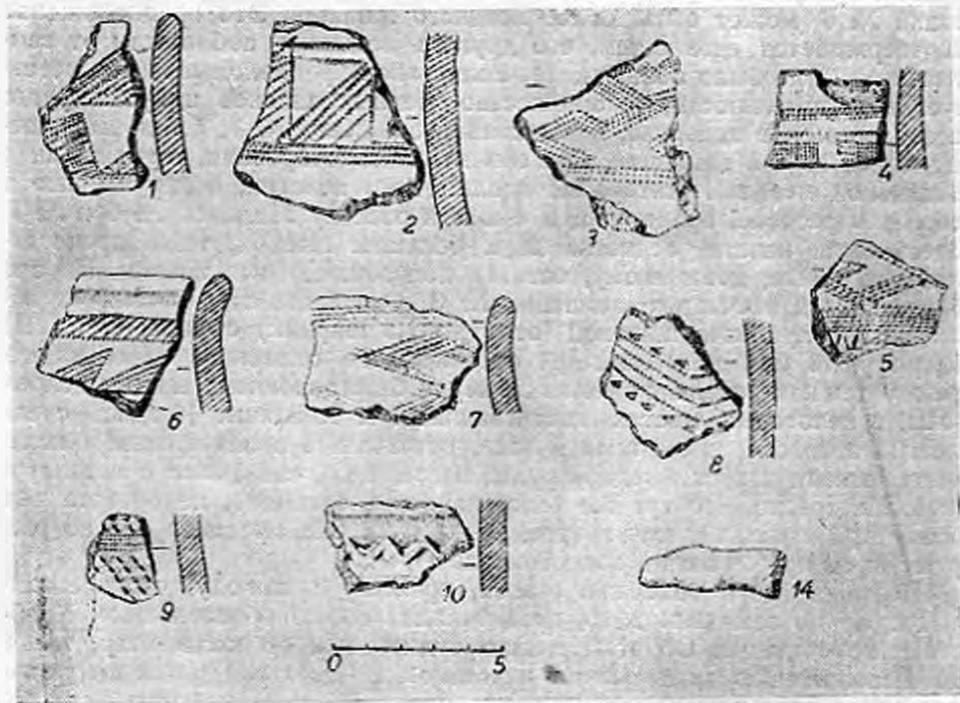

Рис. 26. Землянка № 6.

Так же неоднороден состав керамики и количественное распределение ее между жилищами. Особенно много целых горшков и фрагментов посуды находилось в землянке № 1. Здесь, наряду с грубо выделанными горшками с несложным паленым орнаментом, довольно широко употреблялась прекрасная лощеная посуда, со строгими устойчивыми про-

порциями, тонким и сложным орнаментом и сравнительно хорошим обжигом (рис. 55—1—5, 7). В соседних жилищах (землянках № 3 и № 6) подобная посуда встречалась реже, и особенно мало ее было найдено в землянке № 5, вообще небогатой керамикой, несмотря на обилие лощил.

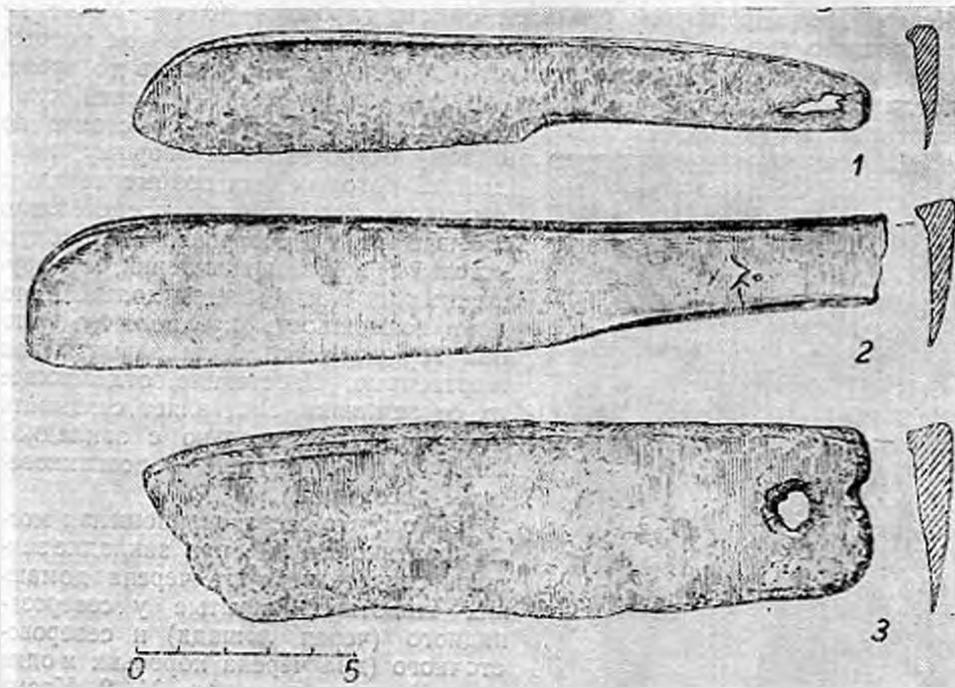

Рис 27. 1. Землянка № 1. 2. Кулундинская степь, дер. Вылкова.
3. Землянка № 4.

Все эти данные, конечно, недостаточны, чтобы судить об имущественном положении семей, занимавших то или иное жилище, однако как по составу и количеству вещей, так и по своему расположению землянка № 1 может быть выделена из числа других. Здесь далеко от центрального очага, сложенного из камней, на куче баранных костей лежал бронзовый однолезвийный нож (рис. 27—1) с рукоятью; здесь была найдена каменная, хорошо заполированная булава (рис. 28—3). Многочисленные и разнообразные другие находки, а также хмы-хранилища указывают не только на особое, повидимому, положение обитателей этого жилища, но и на относительно длительность его существования. Можно предполагать, что землянка № 1 была построена одной из первых, а может быть, даже первой на поселении, о чем прежде всего свидетельствует ее положение у подножия жертвенного холма. Вполне вероятно, что святилище возникло вблизи от древнейшей части поселения, которое продолжало свой рост на восток, так как к западу от первой землянки начинался склон берега старого русла Тобола. Массивные зольники, окружавшие эту землянку, и относительная мощность культурного слоя в западной части поселения тоже указывают

на то, что именно западная часть существовать дольше восточной. Это подтверждается еще остатками жертвоприношений, несомненно, совершенных в начале существования поселения, может быть, при его основании. К северу от землянки № 1, поблизости от нее (табл. II), были обнаружены две небольшие ямы. Расширяющееся устье одной из них имело около 70 см в диаметре, а глубина от древнего горизонта достигала 45 см. Диаметр другой равнялся 50 см, глубина — 40 см. Устья ям совершенно четко обрисовывались в профиле и находились под толще культурного слоя. Из этого следует, что они были вырыты в то время, когда на поверхности поселения не произошло еще отложения культурного слоя. На дне ям стояло по одному острореберному горшку, каждый из которых был покрыт крупным черепком. Все в целом представляло собою картину, совершенно подобную остаткам жертвоприношений, обнаруженных на близлежащем холме. А это дает возможность предполагать, что оба горшка тоже были зарыты, как жертвенные. Расстояние, отделяющее их от землянки, заставляет связывать эту жертву не столько с закладкой этого здания, сколько с возникновением поселения.

Рис. 28. 1. Землянка № 5. 2. Землянка № 4. 3. Землянка № 1. 4. Землянка № 1.

О том, что жертвоприношения могли практиковаться и при закладке землянок, свидетельствуют черепа домашних животных, зарытые у северозападного (черепа лошади) и северовосточного (два черепа коровьих и один овечьих) углов землянки № 2. Кроме того, у западной стены пока еще частично разрытой выемки землянки № 8, была найдена яма диам. около 1 м и глубиной около 50 см, на дне которой стоял большой камень, а на чем лежал хорошо сохранившийся череп лошади.

Кроме жилищ человека, всегда представлявших собою большие, но неглубокие полуземлянки, на площади Алексеевского поселения в двух местах были обнаружены своеобразные каналы, из которых одна, прилегающая к землянке № 6, была расчищена полностью. Эта канава (табл. VIII), или, вернее, система канав, окружала собою почти прямоугольную площадь в 22 м длиною и около 7 м шириною и, повидному, являлась основанием надземного сооружения. Примыкая к землянке № 6, концы канавы врезались в ее западную стенку у северозападного угла и, таким образом, как бы впадали в углубление землянки. На всем своем протяжении канава была неоднородна, как по форме, так и по размерам. Вся ее южная сторона представляла собою одну канаву с желобообразным дном. В этом месте ее ширина нигде не превышала одного метра, а глубина от древнего горизонта — 60 см. Наблюдения, произведенные в этой части канавы, дали возможность установить ее назначение. При

исследованиями для канавы удалось обнаружить десять маленьких воронкообразных ямок, расположенных в ряд на расстоянии от 5 до 8 см друг от друга. В диаметре эти ямки в среднем достигали 8 см при глубине в 8—10 см. На расстоянии одного метра к западу от них находились еще две такие же ямки. Эти ямки могли остаться от заостренных концов часток или плетня, врытого в канаву и игравшего роль стен надземного сооружения. Существование такой изгороди, повидимому частично уничтоженной пожаром, подтверждается наличием углистого слоя, обнаруженного вблизи в той же части канавы и заполнявшего собою углубление, которое могло находиться у основания изгороди. Почти такой же углистый слой был найден в одном месте над северной стенкой канавы. О существовании изгороди можно также судить по расположению золы одного из мощных зольников, окружавших землянку № 1. Этот зольник лежит к югу от площади, окруженной канавой; при этом листоватый слой резко обрывается у южных краев канавы и только в одном месте доходит до ее середины, но нигде не переходит на огороженную ею площадь. А это указывает на то, что существовала какая-то преграда или стена, мешавшая проникновению золы на участок, огороженный канавой.

Загороженное таким образом пространство сообщалось с внешним миром не со стороны землянки № 6, от которой оно было, повидимому, совершенно изолировано изгородью, а через вход, обнаруженный тоже на южной стороне, обращенной к Тоболу. Здесь в одном месте канавка прерывалась, образуя перемычку в 45 см шириною. Возможно, что самый вход был несколько шире, так как концы изгороди, вкопанной в канаву, могли не доходить до краев перемычки.

С трех других сторон огороженной площади, почти на всем ее протяжении, тянулись не одна, а две параллельные канавы, а у западной стенки выходила даже третья неглубокая канавка, примыкавшая только одним концом к основным канавкам. Только в некоторых местах, например, по углам, эти канавы сливались в одну желобообразную выемку, достигавшую иногда двухметровой ширины. В одном месте по дну этой выемки тянулась узкая канавка, дно которой находилось на глубине 1 м от древнего горизонта (табл. VIII, разрез д—а). Такие разнородные очертания канавы, а также наличие в некоторых местах двух параллельных канав, повидимому, можно объяснить только тем, что изгородь подвергалась неоднократной переделке и ремонту. Едва ли эта система канав осталась от двойной изгороди, так как в этом случае на всем протяжении сохранились бы две непрерывных канавы. Неглубокая же третья канавка с западной стороны, вырытая, повидимому, позднее, могла остаться от контрофорсов, подпирвавших западную стенку.

Возникает вопрос, было ли это сооружение простою изгородью, или оно имело какое-нибудь покрытие? Если допустить покрытие над этой площадью, то, принимая во внимание большие размеры постройки и, вероятно, недостаточно устойчивые и прочные стены, надо было бы предположить, что для поддержки этой крыши необходима была сложная система столбов. Однако на площади, окруженной канавой, не было обнаружено ни одной ямки от столбов или подпорок, подобных тем, которые сплошной сетью покрывали полы землянок.

Это заставляет предполагать, что крыша отсутствовала, и что все сооружение представляло собою простую изгородь.

Каково же было ее назначение? На всем протяжении огороженного пространства не было найдено никаких следов, которые свидетельство-

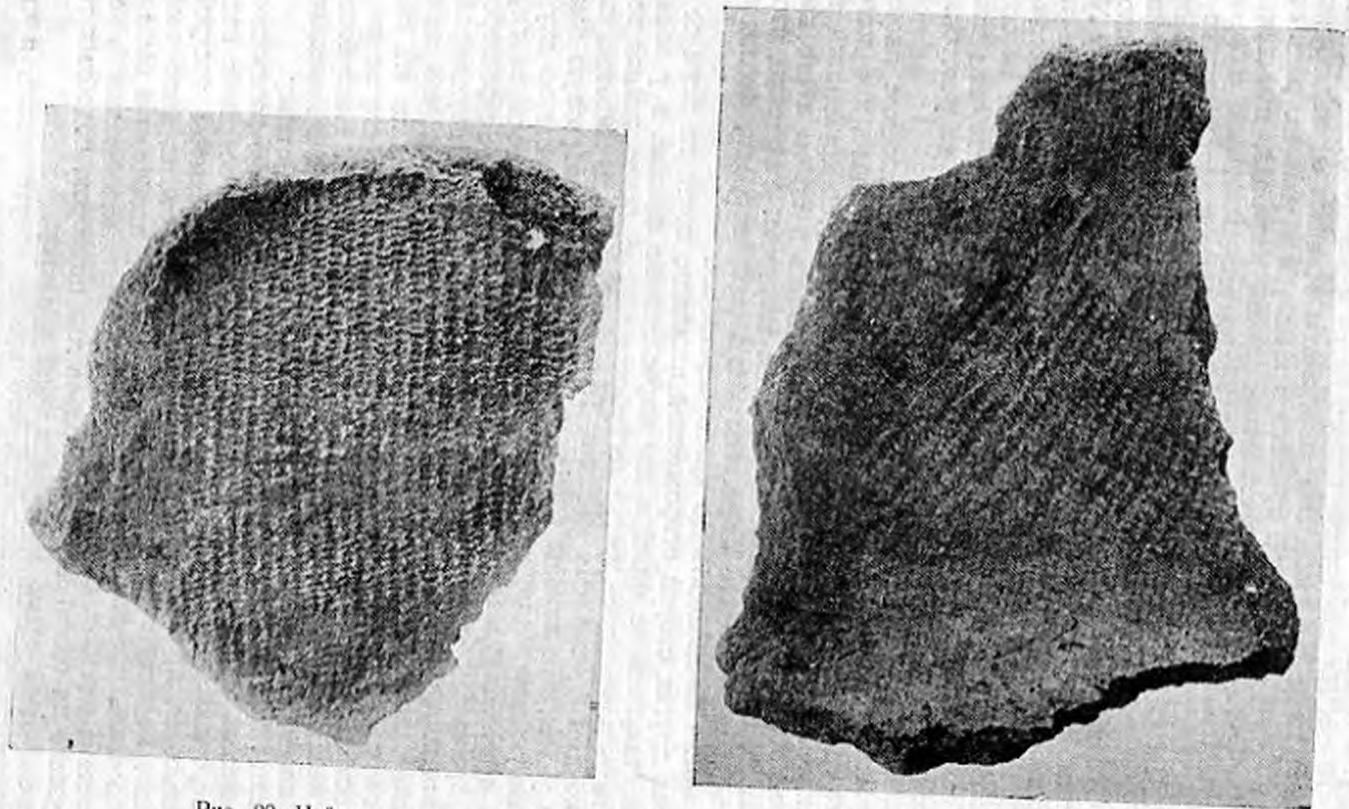

Рис. 29. Найдено на площади, расположенной к востоку от землянки № 1.

вали бы о длительном пребывании на нем человека. На совершенно ровной поверхности не было обнаружено ни ям-хранилищ, ни очагов. В культурном слое, который достигал в среднем 50 см мощности, очень редко попадались мелкие черепки и осколки костей, занесенные сюда, по-видимому, случайно. Не было также найдено ничего, что связывало бы это место с какими-либо ритуальными процессами. Единственной находкой являлась небольшая кучка речных галек (48 штук), лежавшая почти на песке, подстилавшем культурный слой.

Такая изгородь, пристроенная к жилищу человека, могла служить загонem для скота, подобно тем пристройкам, которые и в настоящее время в некоторых казахских зимниках являются скотными дворами и представляют собою простую изгородь тоже неправильных очертаний. Такие сооружения были встречены А. Н. Глуховым у адаевских казахов¹¹, у которых они окружали примыкавшие к жилищам загонь для скота и гумна, с той разницей, что к этим изгородям примыкал ров, а между ним и изгородью насыпался вал из навоза.

Совершенно подобные же канавы были обнаружены возле землянки № 5. Они упираются в ее западную стенку у северозападного и юго-западного углов, и обе направлены в одну сторону на запад (табл. VII). Конечно, решать вопрос об их назначении до полной расчистки всей площади преждевременно; однако, по-видимому, и они являются осколками какого-то наземного сооружения, может быть, тоже загонь для скота. Каково же направление и назначение канавы, впадающей в ту же землянку у северовосточного угла, в настоящее время еще не ясно. Кроме этих канав, обнаруженных на поверхности древнего горизонта, вне земляночных углублений, в землянке № 4 при зачистке пола была обнаружена неглубокая канава (табл. V), идущая с востока на запад. Длина ее 5 м, максимальная ширина 55 см, глубина 35 см. Назначение этой канавы выяснить не удалось. Не ясно даже, являлась ли она основанием легкой перегородки, вкопанной в нее. Этому противоречит непосредственная близость канавы ко второму маленькому очагу землянки и то, что с обоих концов канава обрывалась, не упираясь в стенки землянки. Таким образом, в нее могла быть вкопана не стенка, а только додвое ширины пятиметровой длины. Но и это предположение можно принять только в том случае, если допустить, что «ширма» и очаг были установлены в землянке не одновременно. Во всяком случае по хорошей сохранности очага можно предположить, что он возник уже после упразднения «ширмы», вкопанной в канаву.

Заканчивая обзор Алексеевского поселения остановлюсь на учете количества обследованных хозяйств, занимавших помещения землянок. Окончательно такой учет можно будет сделать только по вскрытии площади всего поселения, в настоящее же время намечаются только отдельные хозяйства и лишь предположительно их объединения в группы. Счет хозяйственных единиц может быть основан на количестве очагов различного назначения в каждой землянке. Так, в пределах углублений землянок № 1 и № 2 было найдено по одному кухонному и по одному отопительному очагу. Несомненно, что обитатели каждой землянки были объединены одним общим хозяйством. Принимая во внимание, что в землянке № 4 было тоже найдено два очага—один большой, по-видимому, кухонный, а другой центральный, маленький очажок, можно предполагать, что и в ней существовало одно хозяйство. Вероятно, по-иному группировалось население землянки № 5. Возможно, что уже при по-

стройке этого жилища было предусмотрено, что оно будет предназначаться для двух самостоятельных хозяйств. Об этом свидетельствует деление перегородкой всего жилого помещения на две симметричные половины с одинаково расположенными отопительными и кухонными очагами и ямами-хранилищами возле очагов. Несколько труднее решается вопрос об организации хозяйства в двухкамерной землянке № 6. Но, повидимому, ее своеобразные кухонные очаги в виде больших углестых гряд, расположенные в основном помещении, существовали не одновременно и могли принадлежать одному хозяйству. К нему же относилось и дополнительное южное помещение, отапливавшееся небольшими каменными очажками.

Вполне вероятно, что эти самостоятельные хозяйственные единицы, принадлежавшие большим семьям, были объединены между собою в отдельные группы, делившие уход за скотом, а, может быть, и владение им. Пока можно предположительно наметить два таких объединения. Первое из них и, повидимому, основное, группировалось около богатой находками землянки № 1, представлявшей собою, как уже было сказано, совершенно изолированное строение. Поблизости от нее, в северо-восточном направлении, расположена изгородь, которая упирается в двухкамерную 6-ю землянку, сравнительно бедную находками. Все три сооружения огораживают собою небольшую площадь, к которой с юга примыкает впадина землянки № 3. Вторая аналогичная группа памятников намечается близ богатой и не имеющей пристройки землянки № 2. К северо-востоку от нее расположена исключительно бедная находками двухкамерная землянка № 5, а между ними находится неисследованное пространство, на площади которого где-то должна помещаться канализация, может быть, загон для скота, прилегающая с западной стороны к пятой землянке.

Представляется вполне вероятным, что обе группы сооружений являются обособленными усадьбами, ведущими самостоятельное хозяйство. По изложенным выше соображениям можно предполагать, что первое хозяйство с землянкой № 1 и № 4 могло возникнуть раньше при основании поселения.

IV. Скотоводство и земледелие

За время раскопок близ сел. Алексеевского был собран значительный костяной материал, который дает представление о составе стада в поселении позднеандроновской культуры.

Обломки костей распределялись в культурном слое далеко неравномерно. На площади, окруженной канавой, и на междуделянчных пространствах кости попадались единицами, в большинстве случаев в мелких обломках. Естественно, их было значительно больше в культурном слое, заполнявшем землянки, а также в массивах зольника. Кости, собранные в золе, отличались особенно хорошей сохранностью. В некоторых местах, как, например, близ южной стенки землянки № 5 (табл. VI), кости лежали в виде куч и больших скоплений. Особенно много костей было обнаружено почти у всех кухонных очагов. В этих случаях кроме крупных обломков были найдены массы переторельных костей, которые встречались также и в зольниках. Несомненно, костные отбросы собирались и употреблялись в качестве топлива наряду с кизиком и другим топливом. В состав костей, найденных у очагов, одинаково входили кости овцы, коровы и лошади.

Тот факт, что многие кости шли на топливо, заставляет с осторожностью относиться к общему учету костей и в особенности к выделению из их числа отдельных особей.

Определение костного материала произведено Н. А. Сутробовым. Представление о нем дает следующая таблица.

	Лошадь	Мелкий рогатый скот	Крупный рогатый скот	Тур	Олень	Верблюд	Байбак	Зяцц	Бобр	Лисца	Собака	Всего
Мозговой череп	8	2	1	—	—	—	—	—	1	—	—	12
Верхние челюсти	12	9	5	—	—	—	—	—	—	—	1	17
Нижние челюсти	23	24	14	—	—	—	—	—	—	—	—	61
Зубы	134	112	113	—	—	—	—	—	—	—	1	360
Рога	—	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	4
Лопатки	5	18	9	—	—	—	1	—	—	—	—	33
Плечевые	12	32	1	1	—	—	—	—	—	—	—	46
Лучевые	14	6	8	—	—	—	—	—	—	1	1	30
Локтевые	4	8	1	—	—	—	—	—	—	—	2	15
Лазовые	13	15	3	—	—	—	—	1	—	—	—	32
Бедренные	7	10	2	—	—	—	—	1	—	—	—	20
Вол. и мал. берцовые	6	17	3	—	—	—	1	—	—	—	—	27
Астрагалы	15	45	18	1	—	—	—	—	—	—	—	79
Пяточные	12	30	8	—	—	—	—	—	—	—	1	51
Запястные	23	8	17	—	—	—	—	—	—	—	—	48
Предплюсневые	13	6	1	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Метаподии	26	48	20	—	—	—	—	—	1	—	3	98
I фаланга	31	36	38	—	—	—	—	—	—	—	1	106
II фаланга	20	31	30	—	—	1	—	—	—	—	1	83
III фаланга	14	4	3	—	—	—	—	—	—	—	—	21
Позвонок	10	7	3	1	—	—	—	—	—	—	3	24
Прочие	17	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	19
Количество костей	409	468	302	3	2	1	2	2	2	1	14	1206
Количество особей	8	23	12	1	1	1	1	2	1	1	3	54

Таким образом, по имеющимся костям можно предполагать, что в составе стада овцы (может быть, и козы) несколько преобладали над лошадьми и крупным рогатым скотом. Кости овец однородны по составу и принадлежали какой-то крупной породе. Отпечатки шерстяной ткани на внутренней поверхности сосуда, найденного близ землянки № 1 (рис. 29), указывают на то, что разведение овец имело целью не только использование их мяса, но и получение волокна для прядения и ткачества. Это подтверждается и другим материалом: в некоторых бронзовых бусах сохранилась сученая шерстяная нитка, а в выключе-вогнутой гривне из 13-го погребения остатки шерстяного шнура.

При жертвоприношениях на близлежащем холме овца играла роль жертвенного животного; так, на дне центральной ямы (А) лежали обгорелые кости овцы с черепками хорошо орнаментированного большого горшка.

Крупный рогатый скот и лошадей разводили приблизительно в одинаковом количестве. Общее количество костей лошади немного превы-

шает количество костей коровы, но зато оно уравнивается числом выделенных особей (12 для коровы и 8 для лошадей).

В состав костного материала крупного рогатого скота входит несколько костей тура, свидетельствующих о том, что это животное служило предметом охоты. Остальные же кости коровы далеко не однородны. Несомненно наличие двух пород крупного рогатого скота: малорослой и крупной. Кроме этого попадались кости средней величины, оставленные породами коров, появившимися, повидимому, в результате скрещивания основных пород. Такое пестрое по составу стадо представляется вполне возможным в эту эпоху. Ниже, в главе 5, будут приведены данные, указывающие на существование в то время далеких сношений и на торговые связи с областями Поволжья и карасукской культуры. вполне допустимо, что экономическое развитие в конце андроновской культуры стояло на том уровне, когда одной из основных ценностей являлись стада, а крупный рогатый скот, быть может, уже представлял собою меновую единицу. При таких условиях обмен скота, как и угон его, могли иметь широкое распространение. В результате этого первоначально однородные по составу стада смешивались и приобретали пестрый характер.

Исключительное значение в обмене, которое приобрел в это время крупный рогатый скот, может быть подтверждается еще и тем, что в противоположность коровам, костный материал лошадей дает представление об однородной и устойчивой породе.

Среди костей домашних животных была найдена одна кость верблюда. А это дает повод предполагать возможность его приручения в ту эпоху. В прирученном виде приблизительно в это же время верблюд был известен в Закавказье¹³. К скифской эпохе относится костяная статуэтка, б. м., изображающая верблюда, найденная в Поволжье¹⁴ (Блюменфельд, курган А 12). Там же в сарматских памятниках верблюд известен в виде двух изображений на бронзовых кольцах от удили. Предполагать существование в это время диких верблюдов в Поволжье представляется мало вероятным. А если эти изображения были связаны с наличием прирученного животного, то вполне возможно, что приручение уже могло совершиться в конце предшествующей бронзово-железной эпохи.

К домашним животным Алексеевского поселения относится собака, отдельные кости которой были там обнаружены. Они дают представление о существовании двух пород собаки, мелкой и крупной. Изучение костей домашних животных Алексеевского поселения можно считать только предварительным. К этому вопросу придется вернуться, когда будут получены более подробные данные о породах домашних животных составлявших стада в эпоху андроновской культуры. Кроме того, отсутствие сравнительного материала из других поселений этой культуры не дает возможности в настоящее время разрешить этот вопрос полностью.

Отдельные находки костей диких животных (тур, олень, заяц, лисица и байбак), а также костей птицы, свидетельствуют о том, что охота играла известную роль в хозяйстве, хотя, повидимому, весьма незначительную. Надо заметить, что в поселениях соседней срубной культуры этого времени кости диких животных обычно отсутствуют.

Наличие костей бобра и оленя указывает на то, что вблизи от Алексеевского поселения в древности находились леса, совершенно отсутствующие в настоящее время. Но еще недавно они занимали всю длину верхнего Тобола. Об этом можно судить по казахским погребениям близ

лежащего кладбища, расположенного на площади древнего могильника. В этих погребениях были встречены большие пакатники из крупных березовых бревен, прикрывавшие могильные ямы. Едва ли эти бревна могли быть привезены издалека. В настоящее время в Кустанайском районе еще сохранились значительные лесные массивы, так что представляется вполне возможным, особенно в связи с находками костей бобра и оленя, что и в древности поблизости от Алексеевского поселения были распространены леса.

О наличии мотыжного земледелия в хозяйстве Алексеевского поселения можно судить по немногочисленному, но в достаточной мере убедительному материалу. К нему относятся две каменные мотыги и остатки сожженной пшеницы в восточных ямах жертвенного места.

В настоящее время пойма Тобола, его старое излучистое русло, представляет собою плодородную илстую почву, на которой разбиты огороды, принадлежащие Алексеевскому колхозу. Несомненно, и в древности эти участки могли быть использованы для небольших посевов. Рыхлый илстый грунт может быть хорошо обработан даже при помощи каменных мотыг. Однако эти места и теперь сильно заглушены сорняками и порослями тальника. В древности же, когда берега Тобола могли быть покрыты лесом, требовалась постоянная расчистка посевных участков. Для этой именно цели и могло служить орудие (рис. 27—3), найденное в землянке № 4, подобное тем, которые входят в число вещей сосново-мезинскогоклада. вполне убедительное объяснение назначения этих орудий, как косарей для расчистки пойменных участков под посевы, было дано В. В. Гольмстен¹².

Для разрыхления почвы применялись каменные мотыги, найденные в землянках № 4 и № 5. Одна из них, своеобразной треугольной формы (рис. 28—2), имеет сильно сработанный выщербленный рабочий край. Ее две совершенно гладкие боковые поверхности сведены у обуха под острым углом. Для привязи к Г-образной рукоятке на каждом ребре сделано по две расположенные симметрично выемки.

Вторая мотыга (рис. 28—1) небольших размеров, имеет обычную форму, подобную поволжским мотыгам срубной культуры¹³. Она имеет заостренный рабочий край и прямой широкий обух. Повидимому, мотыга была переделана из какого-то шлифованного орудия, нетронутая поверхность которого сохранилась на ее плоской, прилегающей к рукояти, стороне. На боковых сторонах орудия сделаны две выемки для привязи его к рукоятки.

Отсутствие серпов среди находок, собранных на Алексеевском поселении, заставляет говорить об их формах предположительно, принимая во внимание наличие серпа в погребении № 3 Карлугайского могильника¹⁴. Этот тип малозогнутого серпа без рукоятки, с закругленным тупым концом, несомненно, был распространен в западных пределах андроновской культуры. Большая литейная форма, найденная под Чукаловым, на которой кроме одного долота были вырезаны три углубления для отливки подобных серпов, свидетельствует о массовом изготовлении этого орудия. Эта случайная находка хранится в ГИМ.

Во всех землянках были обнаружены различные камни для растирания, из которых некоторые могли служить в качестве курантов для зернотерок (рис. 18). Наибольший интерес из них представляет собою фрагмент большого куранта удлиненной формы (рис. 30) с концами, слетка свисавшими по обе стороны нижнего жернова. Зернотерки подобного типа почти неизвестны в культурах бронзовой эпохи. Их можно

постретьить значительно позднее в культурах поздних кочевников Саяно-Алтая VII—IX в.в. н. э. Одна из них была обнаружена в курганный группе Курай при погребении этого времени¹².

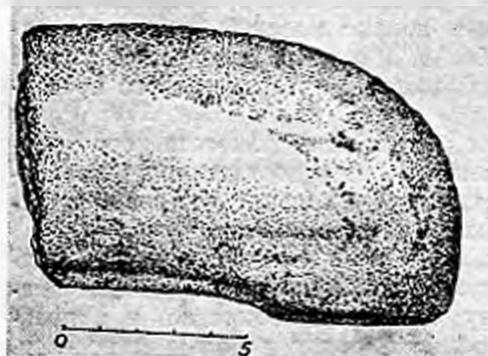

Рис. 30. Землянка № 4.

Нижние камни зернотерки в целом виде не были найдены, но на дне землянок № 5 и № 6 лежали крупные фрагменты этих жерновов, достигавшие в высоту не менее 15 см. Судить о форме целых камней по этим фрагментам невозможно.

Весь комплекс орудий земледелия, найденных на Алексеевском поселении, создает представление о том, что посевные участки, обрабатываемые каменными мотыгами, не могли быть большими и не давали достаточного урожая, который мог бы служить населению основной пищей. Эту роль несомненно играло развитое скотоводство, приведшее в дальнейшем своем развитии к изменению уклада хозяйства и переходу к чечевью.

V. Обработка металла, камня и кости

Разнообразные бронзовые орудия и оружие, найденные на площади поселения, значительное количество металлических украшений, обнаруженных в могилах, свидетельствуют о том, что Алексеевское поселение относится к тому времени, когда изготовление предметов из бронзы достигло высокого развития. В настоящее время совершенно очевидно, что все процессы обработки металла, его выплавка из руды и литье бронзовых орудий производились в пределах поселения. Об этом свидетельствуют прежде всего шлаки, которые были найдены в большом или меньшем количестве во всех землянках и во всех окружающих их дольниках. В некоторых случаях эти шлаки лежали прямо на поверхности культурного слоя. Особенно много их было найдено у края поселения, близ подошвы жертвенного холма. Кроме шлаков, почти в каждой землянке были обнаружены различные предметы, относящиеся к бронзолитейному делу, как, например, куски медной руды, обломки тиглей, льячки, литейная форма, молоты для отковки уже отлитых предметов.

Месторождения медных руд в пределах Кустанайской области в настоящее время известны в довольно большом количестве, так что едва ли для добывания руды в эпоху андроновской культуры приходилось совершать отдаленные экспедиции. Труднее решить вопрос, из каких источников получалось серебро, несомненно применявшееся на Алексеевском поселении для изготовления ювелирных изделий (серия из погребения № 13). Куски необработанный руды, попавшиеся в дольниках и в землянках (№№ 1, 3, 7), указывают на то, что дальнейшая ее обработка после извлечения из рудников производилась не на месте, а уже в пределах поселения. Интересно массивное каменное орудие, найденное в землянке № 1 и имевшее, очевидно, двойное назначение при добывании руды. Это своеобразное орудие (рис. 28—4), ши-

рижое и несколько уплощенное с одного конца, с другого представляет собою почти круглый в сечении клин с граненой поверхностью. Заостренный конец клина покрыт глубокими сколами и выщербинами, несомненно, происходящими от сильных ударов о твердую поверхность. Отсюда следует, что это орудие могло служить при добычании руды в качестве массивного кайла. Обратный широкий конец орудия сильно стлажен, как бы стерт, что могло произойти при его употреблении в качестве песта для дробления и растирания. О том, что это орудие было связано с рудными разработками, можно судить по тому, что такие орудия часто находят в древних рудниках Казахстана и Сибири¹⁹.

Для дробления руды на месте поселения могли служить ступки, подобные той, которая была обнаружена в восточной половине землянки № 5. Эта своеобразная ступка представляла собою неглубокую ямку неправильных очертаний, приближающихся к овалу (дл. 75, ш. 25 см). По дну ямка была выложена плотно прилежавшими друг к другу камнями. В середине ямки на камнях стоял пест из серозеленого камня, хорошо заполированный с боков и круглый в сечении (рис. 14). Отсутствие шербины и выбоины на широком рабочем конце, обращенном вниз, указывает на то, что этим орудием не износилось режущих ударов; равномерная стертость рабочего конца свидетельствует об его употреблении для дробления и растирания. Едва ли подобная ступка могла служить для обработки пищевых продуктов. Ее стенки, по видимому, ничем не были изолированы от земли, а неровные камни на дне ямки, с сильно выкрошившейся поверхностью, должны были бы засорять пищу. При дроблении же руды это не могло иметь существенного значения. Такое применение ступки подтверждается находками в культурном слое землянки № 5 большого количества шлаков.

Следы массовой выплавки металла можно связать только с одним местом, находившимся на площади, расположенной к востоку от землянки № 1. Здесь лежали четыре бесформенных кучи древесного угля мощностью в 25—35 см (табл. II). Между ними было найдено много шлаков и среди шлаков два обломка толстоствольного тигля с шлакованной поверхностью. Подобные, несомненно развороченные кучи угля, могли остаться вследствие различных процессов, связанных с выплавкой меди из раздробленной руды. По видимому на этом месте она смешивалась с углем, чтобы во время горения последнего из нее удалялись некоторые излишние примеси. Такая очистка руды, ведущая к ее обогащению, непосредственно предшествовала выплавке меди, которая угля производилась на этом же месте. Но каким образом производилась эта выплавка, сказать невозможно, так как никаких плавильных печей или ям в пределах поселения до сих пор обнаружено не было. Правда, поблизости от углистых куч находилась большая квадратная яма (1,25 на 1,25 м, глубиною около 80 см). Но в ее заполнении, кроме отдельных кусков шлаков, редких черепков посуды и мелких костей ничего не было обнаружено. При этом шлаки могли попасть в нее также случайно, как и кости и черепки. Однако то обстоятельство, что из всей вскрытой площади такая яма была встречена только одна раз, и при этом поблизости от остатков бронзолитейной мастерской, заставляет предполагать, что она имеет какую-то связь с металлообработкой, хотя характер этой связи еще не ясен.

Приблизительное представление об очертаниях шихтовой части плавильни, куда стекал выделившийся из руды расплавленный металл, можно составить по некоторым обломкам шлаков, найденным в землянке

№ 6 и в ее зольнике, заполнявшем землянку № 7. Все восемь кусков однородных шлаков представляют собою осколки застывшей шлаковой корки, образовавшейся над выплавившейся медью. Эта корка, вероятно, имела вид округлой лепешки, причем семь кусков являются осколками: от краев этой лепешки, а один от ее середины. Нижняя поверхность лепешки, прилегавшая к меди, вогнутая, совершенно гладкая и слегка поздраватая, в некоторых местах покрыта небольшими пятнами окиса меди, верхняя же поверхность, соприкасавшаяся с углем, очень неровная, носит следы каких-то отпечатков, может быть, угля. На боковых наклонных поверхностях заметны отпечатки соломы или травы, вошедших на стенках ямы, или, быть может, примешанных в них обмазок. По наклону этих стенок представляется возможным реконструировать форму дна плавильни в виде небольшого углубления, почти конусообразной формы (рис. 31).

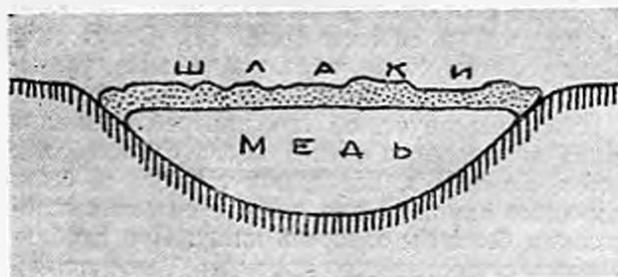

Рис. 31. Землянки №№ 6 и 7. Реконструкция плавильной ямы.

Выплавленная медь извлекалась из ямы уже в твердом состоянии, причем, повидимому, для того, чтобы удалить шлаковую корку, покрывавшую поверхность слитка, ее разбивали на мелкие части.

Заготовки меди, как целые так и разрубленные на части, входят в состав многих кладов и литейных ма-

стерских, обнаруженных на территории Восточной Европы. Они имеют форму овальных и круглых лепешек разных размеров с совершенно плоскими поверхностями (Херсонский музей), или с выпуклой нижней поверхностью. Известны случаи находок отдельных слитков меди.

Дальнейшая обработка металла—сплав меди с оловом или мышьяком, могла производиться как на месте выплавки, поблизости от углистых куч, так и в землянке № 6. Повидимому, для этой цели употреблялись массивные тигли, обломки которых были найдены среди шлаков недалеко от углистых куч. Они дают возможность судить о том, что тигли были прямоугольной формы с совершенно прямыми стенками, с сильно шлакированной поверхностью. При описании землянки № 6 было упомянуто о том, что на полу ее северного помещения лежали три углистые гряды, существенно отличавшиеся от обычных каменных и глинобитных очагов других землянок. Вместе с тем, эти гряды сильно напоминают углистые кучи, расположенные поблизости от землянки № 1. О том, что в землянке № 6 занимались металлургией, свидетельствуют многочисленные шлаки и куски руды, найденные в зольнике этой землянки. Повидимому, и скопления древесного угля были связаны именно с этим производством.

Две льячки, найденные в землянках № 1 и № 3 (рис. 32), дают представление о том, что как размеры, так и формы этих предметов были довольно разнообразны. Одна из них (из землянки № 1) имела вид удлиненного черпачка с оттянутым носиком и вертикальной ручкой. Другая льячка (из землянки № 3), обломанная с одного края, представляла

собой сосудик треугольной формы, с почти прямыми стенками и плоским дном; на одной с ним плоскости находится широкая, в виде лопаточки, ручка.

Отсутствие литейных форм в инвентаре Алексеевского поселения не дает возможности полностью проследить приемы литья бронзовых орудий. Однако некоторые наблюдения над литейным браком и готовыми металлическими изделиями дают представление о том, что литейщики:

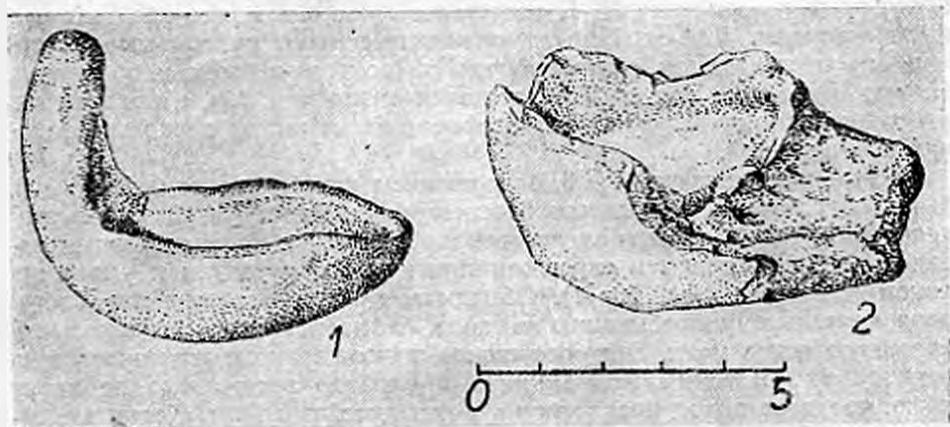

Рис. 32 1. Землянка № 1. 2. Землянка № 3.

Алексеевского поселения применяли при отливке бронзовых предметов общепринятые и широко распространенные приемы того времени.

В состав литых металлических изделий Алексеевского комплекса входят следующие.

В землянке № 1 близ центрального очага № 2 на кучке обгорелых бараньих костей лежал бронзовый нож, совершенно прямой, с литой рукояткой, с отверстием на конце (рис. 27—1). Этот нож был отлит в форме с вырезом на одной из сторон. Другая створка, очевидно, представляла собою совершенно ровную дошку. Отверстие было образовано при литье, что дает повод предполагать в этом месте формы небольшой штифтик; неправильная форма отверстия объясняется тем, что металл неравномерно разлится. На поверхности ножа заметны следы отковки в виде длинных ячеек, свидетельствующих о том, что для этой работы применялось орудие с коротким и узким рабочим концом. Этим же орудием было оттянуто лезвие ножа.

В этой же землянке, в ее западной стороне, был найден обломок (конец) второго, повидному коленчатого ножа (рис. 13—1), с узкой боковой стороной и сильно оттянутым лезвием, а в землянке № 2—фрагмент третьего прямого ножа с широкой тыльной стороной (рис. 13—2). Нож был хорошо откован и заточен.

Интересно орудие с обломанным концом, которое принято называть серпом сосново-мазинского типа (рис. 27—3). Оно было найдено в зольнике, прилегающем с северной стороны к землянке № 4. Об его применении в качестве примитивного косаря для расчистки площади под посев от сорняков и мелкого кустарника было сказано в главе IV. Как и все серпы бронзовой эпохи, это орудие было отлито в форме с вы-

резом углубления лишь на одной из створок, в то время как другая створка (крышка формы) была, по видимому, совершенно ровною. По выпуклой стороне орудия вдоль обуха тянется бортик, который делает орудие более массивным и прочным. Отверстие для скрепления его с рукоятью образовано во время литья. Вся его поверхность откована таким же молотом, как и нож из землянки № 1. Лезвие оттянуто и заточено, причем в процессе этой обработки ему был придан серповидный изгиб. Легкие царапины на поверхности орудия, как и на поверхности ножа из землянки № 1, свидетельствуют о том, что оба предмета были заточены. Для этой цели могли применяться многочисленные точила из песчаника, найденные почти во всех землянках и зольниках. Иногда они имеют вид плоской дощечки с широким полем для заточки, в большинстве же случаев они бесформенны и имеют несколько рабочих поверхностей.

В зольнике землянки № 3, заложенном углубление землянки № 8, были обнаружены два литых бронзовых предмета: узкий и длинный кельт (рис. 20—2) и кинжал листовидной формы с кольцеобразным валиком между лезвием и черешком для насадки рукоятки и узким валиком вдоль оси (рис. 20—1). Оба предмета сильно разрушены благодаря длительному пребыванию в золе, и представляют собою почти сплошную окись меди. Это совершенно лишает возможности проследить технику их выделки. Лезвие кинжала глубоко расщеплено по всему краю, что дает повод предполагать в нем литейный брак. Кельт же, несомненно, был в употреблении, на что указывают остатки деревянной рукоятки, закрепленной в его втулке.

В яме для хранения № 4 землянки № 1 среди других вещей находился обломок от края кельта (рис. 20—3), отлитого в обычной двухсторонней форме, на что указывает шов на боковой его стороне. На внешней части широкого края кельта тоже заметен шов, свидетельствующий о том, что стержень («шишка»), образующий полость внутри кельта, имел порожек и утолщение наверху для плотного его укрепления в литейной форме.

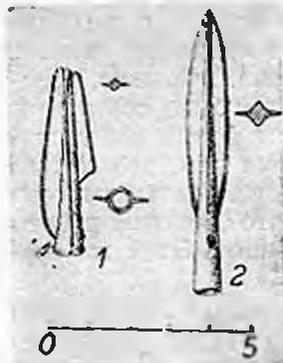

Рис. 33. 1. Найдено у южных границ жертвенного места. 2. Возле сточной Казахстана, село Васильчиково.

На южной окраине площади, занятой жертвоприношениями, недалеко от границ поселения, был найден литой бронзовый наконечник двусторонней стрелы (рис. 33—1). Несомненно, что этот предмет являлся литейным браком: стрела была винтообразно согнута по оси, что, возможно, произошло при обламывании от ее конца литка. Одно перо было частично обломано. Поверхность совершенно не подвергалась обработке: как лезвия перьев, так и отломанный от слитка конец не были заточены. Вдоль конусообразной втулки с обеих сторон проходило ребро — след стыка двух створок литейной формы. Внутренняя полость втулки у конца несколько расширялась для плотной насадки наконечника на древко, как это наблюдается на некоторых скифских стрелах.

Но наряду с этими орудиями на площади поселения были найдены вещи, несомненно, изготовленные посредствомковки. Приемыковки и отковкилитыхзаготовоксохранялись для некоторых видов орудий совершенно неизмен-

ными с древнейших времен до конца бронзовой эпохи. Так, например, оба четырехгранных шила, найденные в землянках № 1 и № 2 (рис. 34—1 и 2), были сильно откованы, если не кованы целиком. Труднее решить, как были выделаны два одинаковых орудия (рис. 12—3 и 4), похожих на вилки, из станицы Андрюковской Кубанской области²¹. Они были найдены в большом северном зольнике близ землянки № 1. Эти бронзовые предметы, согнутые из круглой проволоки с заостренными концами, могли быть первоначально отлиты и лишь в процессе отделки подвергались ковке. К таким же сильно откованным предметам относится небольшой ножичек листовидной формы (рис. 13—4), найденный на поверхности культурного слоя у западных окраин поселения, как и нож из коллекции, собранной Б. В. Соколовым на развешенной площадке могильника²². Об употреблении чеканших и клепаных изделий, может быть, посуды, можно судить по наличию пластинчатой прямоугольной заклепки с круглым прибитым отверстием (рис. 12—1).

Только немногие из бронзовых украшений были сделаны посредством литья. Эти ювелирные изделия андроновской культуры несомненно отличаются от таковых же карасукской культуры. К несомненно литым украшениям надо отнести биконические бусы, найденные в погребениях № 13 и № 9 (рис. 35—10 и 36—1 и 2) и в ограбленном погребении № 7. И те и другие бусы, совершенно сходные по форме, различны по технике изготовления. Для отливки бус из погребения № 13 могла употребляться двусторчатая матрица, или, что вероятнее, их литье производилось через посредство восковой модели. Бусы же из погребений № 7 и № 9 не представляют собой целой компактной массы: каждая из них имеет бокковую щель, так как все они согнуты из отдельных отрезков литой остролинейной пластины.

Все остальные бронзовые украшения, которых особенно много было найдено на покойнице из погребения № 13, были кованными или тиснеными, повидимому, на твердой основе (басма). Эти приемы изготовления ювелирных изделий, весьма распространенные в андроновской культуре, достигли высокого развития, особенно в ее западных районах. К чеканным украшениям можно отнести следующие, найденные в погребении № 13: четыре выпукло-вогнутых несомкнутых браслета с откованными и загнутыми в спираль концами (из них три на рис. 37—1, 2, 4), совершенно подобные найденным Б. В. Соколовым на площадке могильника. Довольно близкие к ним массивные литые браслеты с откованными и загнутыми в спираль концами были найдены в Каратугайском²³, Аджкульском²⁴ и Урал-Сайском (обломок) могильниках. Наиболее сходным с алексеевскими браслетами надо считать выпукло-погнутый браслет содной обломанной спиралью, происходящий из Саратовской области²⁵. Значительно шире распространены как в андроновской, так и в срубной культурах выпукло-вогнутые браслеты с незамкнутыми концами, подоб-

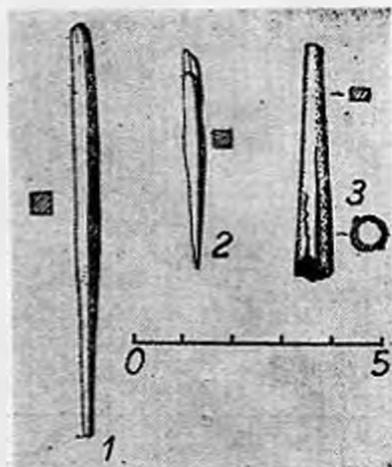

Рис. 34. 1. Землянка № 2.
2. Землянка № 1. 3. Землянка № 5.

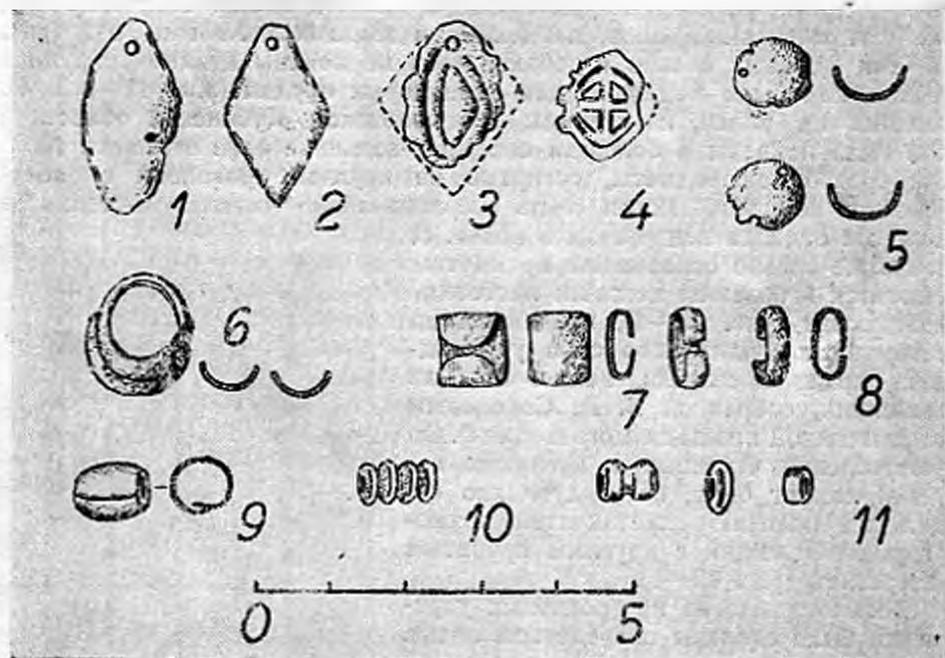

Рис. 35. Погребение № 13.

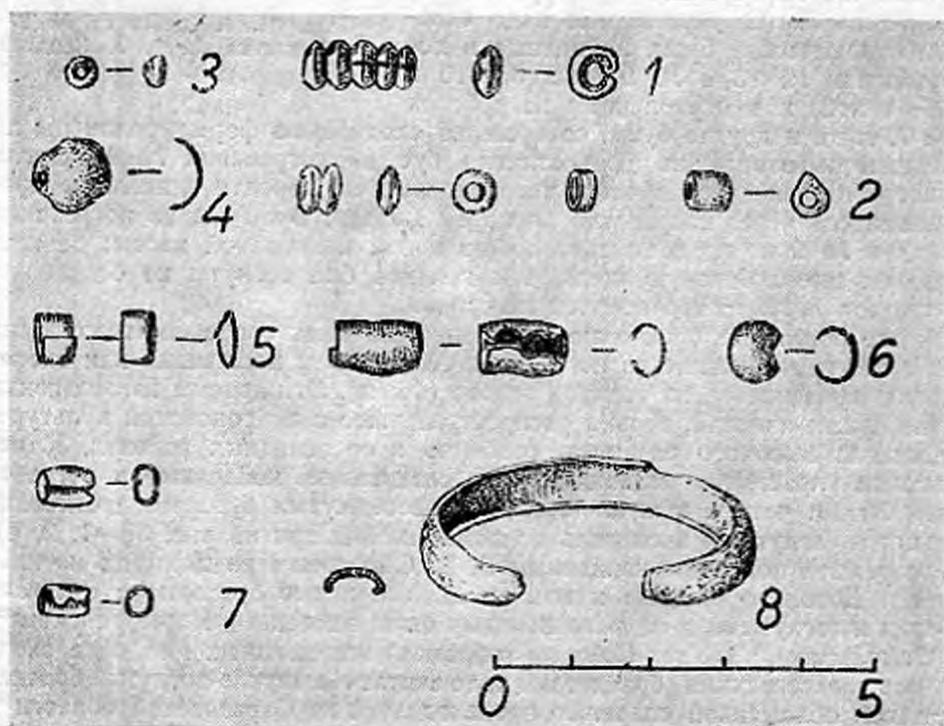

Рис. 36. 1—2. Погребение № 9. 3—6. Погребение № 7. 7—8. Погребение № 20.

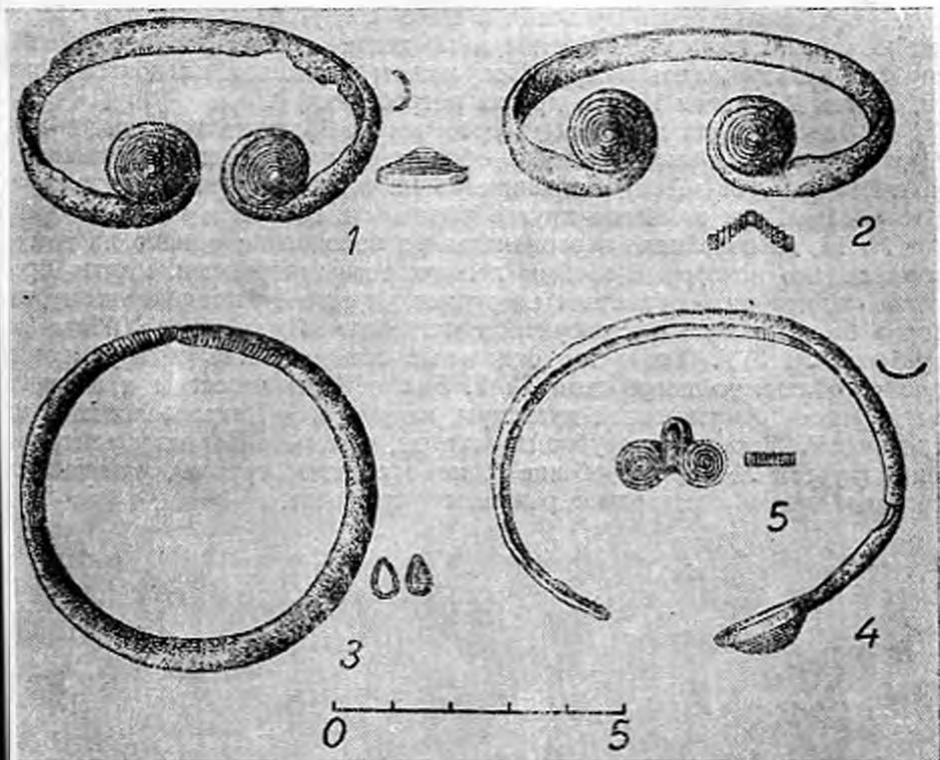

Рис. 37. Погребение № 13

не найденному в детском погребении № 20 (рис. 36—8). Очень похожа на эти браслеты тоже вышукло-вогнутая гривна из погребения № 13 (рис. 38—1). На ее незамкнутых закругленных концах пробито два прямоугольных отверстия.

Внутри желоба сохранились остатки шерстяного шнурка, который, вероятно, продевался в эти отверстия. Близкая к этой гривна входит в состав Верхне-Кизильского клада, третья была найдена в Алакульском могильнике.

К этой же серии относятся височные украшения, целые и в обломках, лежавшие в области головы погребения № 13 (рис. 38—2, 3). Подобная им была найдена на разновременных погребениях

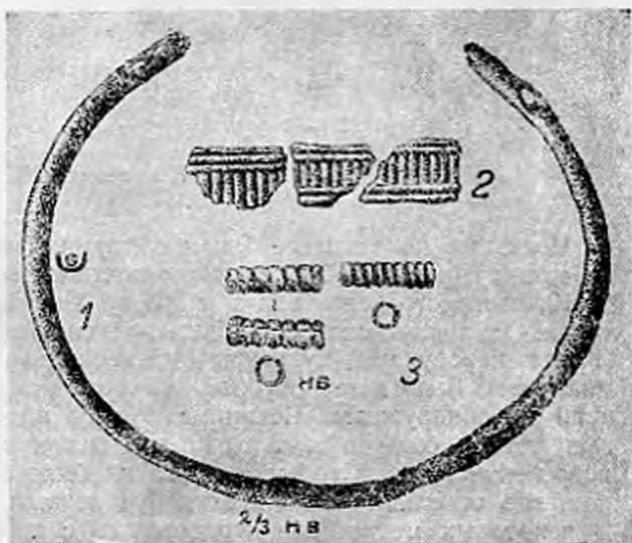

Рис. 38. Погребение № 13.

В. В. Соколовым. Эти привески в виде согнутой в полтора оборота желобчатой пластижки известны в пределах как андроновской, так и срубной культуры (например, в Покровском курганном кладбище курган 19, курган 7, курган 15 и в других погребениях)⁷².

В области груди и головы погребения № 13 лежали рядами выпуклые четырехугольные чекашние обоймы с загнутыми закругленными концами (рис. 35—7, 8). Большинство их имело внутри остатки ремня. Эти обоймы, как и многие другие украшения головы и шеи в погребении № 13, не сохранили первоначального положения; однако на том основании, что некоторые обоймы лежали тесными рядами, можно предполагать, что они составляли нагрудное украшение, подобное тому, которое было найдено в карасукском могильнике близ улуса Уйбата (погребение № 3)⁷⁴. Такие же отдельные обоймы были обнаружены в двух ограбленном погребениях № 7. Эти обоймы известны и в других могильниках андроновской культуры, например, в Петропавловском могильнике⁷⁵. В пределах срубной культуры, в том же Покровском могильнике (курган № 15, погребение 3, юго-восточная группа), из них было сделано сложное нагрудное ремненное украшение.

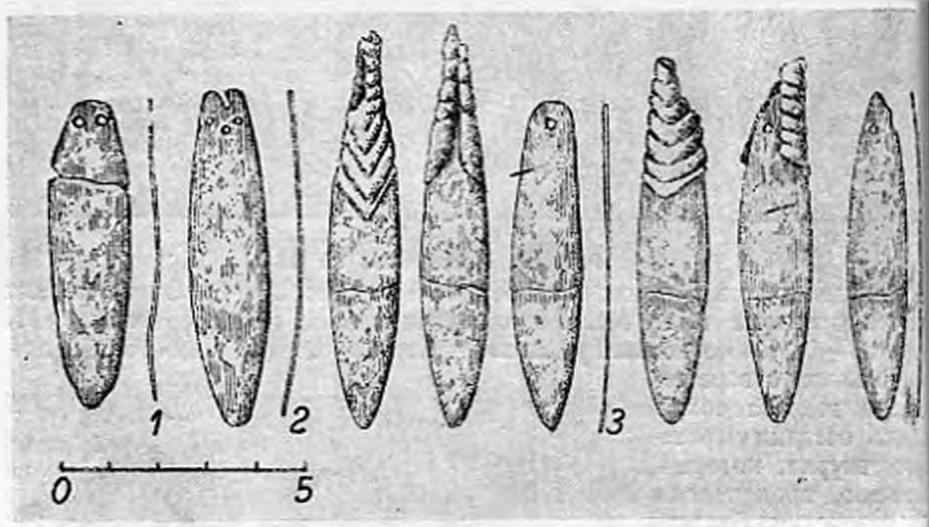

Рис. 39. Погребение № 13.

Чеканшие полушарные бляхи с двумя дырочками для пришивки к одежде (рис. 35—5), лежавшие почти по всему костяку в погребении № 13, распространены как в андроновской, так и в карасукской культурах. Одна такая же бляха была найдена на дне могилы № 7. В погребениях карасукской культуры они несколько крупнее (до 2—2,5 см в диаметре). В пределах срубной культуры эти бляхи до настоящего времени не обнаружены. Чеканшие бусы в виде боченка (рис. 35—9) с выпуклой и согнутой пластижки покрывали тоже почти весь костяк в погребении № 13. Особенно много их было найдено в области позвоночника, где отдельные снизу этих бус лежали в ненарушенном порядке. В некоторых местах они чередовались с крупными пастовыми бусами. Эти бусы (2 шт.) были также обнаружены в разграбленном погребении

№ 7 и у шейных позвонков в погребении № 9. В других могильниках андроновской культуры эти бусы встречаются в меньшем количестве.

К чеканным же украшениям можно отнести ромбовидные бляхи без орнамента (рис. 35—1 и 2) с дырочками для пришивки их на одежду и привески для кос в форме лаврового листа (рис. 39). Эти украшения были вырезаны из ровной раскованной пластинки. Ромбовидные бляхи лежали на спине и на ступнях покойницы в погребении № 13. Такие же бляхи были найдены в Алакульском могильнике. За пределами андроновской культуры эти бляхи до сих пор не обнаружены. Привески для кос (две с обоями и две без обоев) лежали вместе на спине у позвонков покойницы в погребении № 13. Пока известна только одна аналогия подобным привескам в области срубной культуры из раскопок П. С. Рыкова в 1936 г.

Пока единственными как в андроновской, так и в других культурах бронзовой эпохи являются бронзовые перстни (рис. 40), лежавшие в области истлевших кистей рук, возле четырех браслетов. Оба перстня были согнуты из острореберной в разрезе проволоки и охватывали палец в два оборота. Концы проволоки были откованы в узкие пластинки, закрученные спиралью²⁹. По массивности и технике выработки эти перстни напоминают браслеты из Каратугайского могильника.

Очевидная привеска (рис. 37—5), найденная у ступней ног покойницы в погребении № 13, была согнута из бронзовой пластинки шириной в 3 миллиметра. Подобные привески в пределах андроновской культуры известны и в Петропавловском и в Алакульском могильниках. В области срубной культуры они пока не найдены.

На площади стоянки обломки украшений были встречены только в двух случаях: в землянке № 1, в яме № 8, лежало 12 совершенно одинаковых чешуек в виде выгнутых лепестков с одним заостренным концом (рис. 12—7). Второе украшение представляло плоскую листовидную пластинку, похожую на привески для косы. На одном конце края пластинки были загнуты (рис. 12—2). Обломками чеканных украшений вероятно являются изогнутые пластинки из землянки № 5 (рис. 12—5 и 6).

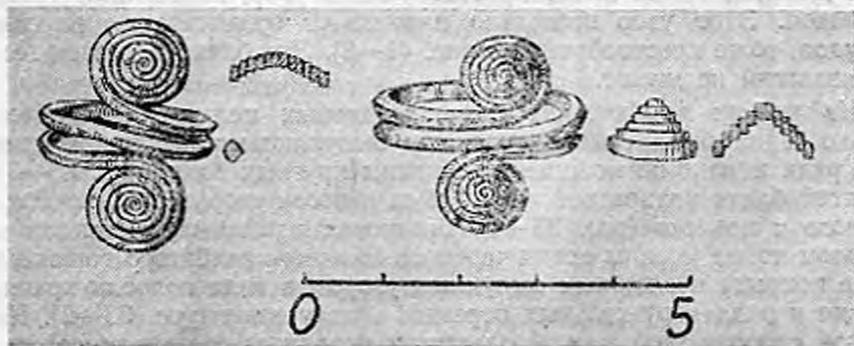

Рис. 40. Погребение № 13.

Все эти украшения объединены общими техническими приемами их выработки. Все они не имеют орнаментации и для изготовления их применялась только чеканка и ковка. Несомненно, что в состав инструментов древних ювелиров должны были входить маленькие наковаль-

ни и небольшие разнородные молоточки, как с плоским, так и с выпуклым рабочим концом.

С той же покойницы погребения № 13 были сняты разнообразные бронзовые украшения, покрытые выгнутыми орнаментами. К простейшим из них относятся круглые бляхи, ромбические бляхи, привески для кос и обломок пластины. Круглые бляхи, лежавшие в беспорядке в области груди покойницы, по-видимому первоначально представляли собою обшивку одежды. Это подтверждается тем, что на краях семи экземпляров были пробиты по четыре пары дырочек, расположенных крестообразно (рис. 41—2); на двух с разрушенными краями, вероятно, было не более двух дырочек (рис. 41, 1). Восемь блях покрыты узором

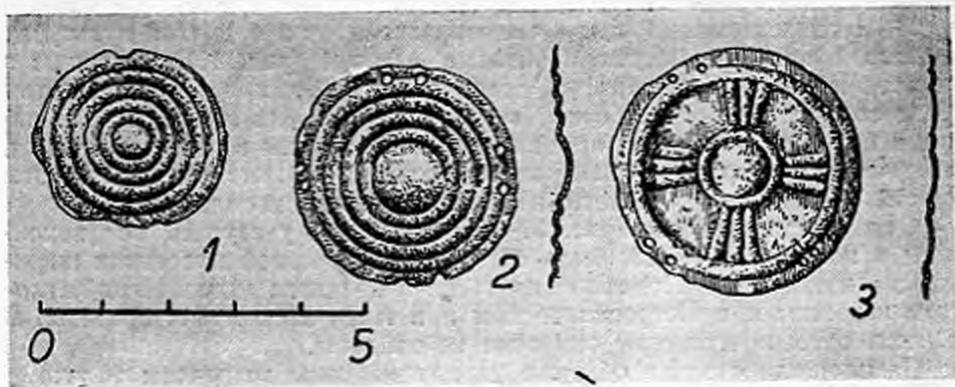

Рис. 41. Погребение № 13.

в виде выпуклых concentрических кругов, тесно прилегающих друг к другу. На обратной стороне пластины заметны соответствующие углубления. Шесть блях совершенно одинаковы во всех деталях орнаментации. Девятая бляха имеет крестообразный узор, нанесенный такой же техникой. Этот узор несколько напоминает орнаментацию на днищах сосудов, тоже крестообразную (рис. 41—3). Эти бляхи в настоящее время аналогий не имеют.

Из восьми ромбических блях, найденных целыми и в обломках, только одна была орнаментирована выпуклинками, расположенными в два ряда и напоминающими выпуклины круглых блях (рис. 35—3). На девятой бляхе квадратной формы был нанесен узор в виде креста, вписанного в квадрат (рис. 35—4). Бронзовая пластина, лежавшая в восточном конце могилы среди черепков большого разбитого горшка, была тоже покрыта несложным выпуклым узором в виде полос по краям пластины и ряда вертикальных отрезков между ними (рис. 38—2). На обратной стороне этой той же пластины выходящие соответствующие выпуклости.

Две из четырех привесок для кос имеют у основания обоймочки в виде согнутых тонких пластинок, украшенных вдавленным елочным орнаментом (рис. 39—3 и 4).

Кроме этого почти на всех костях погребения № 13 лежали ребристые пронизи (рис. 38—3), представляющие собою согнутые в трубки пластины, покрытые поперечными выпуклыми валиками. Таким же об-

разом выделаны концы двух серебряных кольцеобразных серег (рис. 37, 3), принадлежавших той же покойнице. Эти серьги лежали вместе с гривной у шеи и, повидимому, сохраняли свое первоначальное положение. Они представляют собою вычеканенные трубки, один конец которых сильно сужен, а другой сведен на острие. В естественном положении серьги острый конец заходит в отверстие другого конца. Обе серьги прекрасно сохранились и до настоящего времени пружинят при разъединении концов. Уже по способу замыкания можно судить о назначении этого украшения: это не височные кольца, обычно не требующие такой глухой застежки. Последние были найдены несколько выше в области головы покойницы и имели другую форму. На внутренней стороне серег заметен шов согнутой пластинки. Обломки такого же рода серег были найдены Б. В. Соколовым на площади Алексеевского могильника²⁰. Кроме того, они были найдены в раскопках М. П. Грязнова на р. Урале²⁰ и в Кожумбердынском могильнике, где они, может быть, представляли собою браслеты. Внутри трубок всех этих колец находились обугленные прутики, служившие основой, на которую была накована металлическая пластинка. Такая же техника прослеживается и на детском браслете (?) из Кожумбердынского могильника с той лишь разницей, что здесь в трубку был продет не деревянный прут, а толстый стебель травы, в настоящее время насквозь пропитавшийся жисью меди.

Техника наковки металлических пластин на твердую основу была широко распространена у ювелиров андроновской культуры. Таким же образом были сделаны кольцеобразные серьги с раструбом, ромбическая привеска из могильника на Малом Койтасе²¹ и браслет, происходящий из кургана № 5 на р. Нуре, близ Караганды²². И в том и в другом случаях тонкие золотые пластинки были накованы на массивную бронзовую основу.

Каким же образом наносился выпуклый орнамент на бронзовых украшениях Алексеевского могильника и других, аналогичных ему? Применялись ли обычные способы чеканки или, может быть, более сложные приемы? Для решения этого вопроса необходимо принять во внимание, что шесть круглых блях с узором из концентрических кругов (рис. 41, 2) совершенно сходны в деталях их обработки. А это не могло получиться, если бы ювелир чеканил бляхи без определенного, заранее изготовленного трафарета. Таким трафаретом могла быть наковальня в виде матрицы с вырезанным рельефом всего украшения или части узора. На эту матрицу накладывалась тонкая пластинка, которая вдавливалась путем тиснения во все ячейки и углубления формы. Такая техника изготовления так называемой басмы применялась для ювелирных изделий в XVI и XVII вв. русскими мастерами.

Однако эти предположения основываются не только на изучении украшений с рельефным орнаментом, но и на некоторых других данных. В западной половине землянки № 4 был найден каменный предмет небольших размеров — почти прямоугольный брусочек с углублениями на четырех сторонах (рис. 42). По первому впечатлению этот предмет можно было считать за литейную форму для изготовления украшений, однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что целый ряд данных противоречит этому определению.

Этот брусочек (дл. 6 см, макс. шир. 3,7 см, выс. 2 см) имеет только одну совершенно выравненную поверхность. На остальных поверхностях заметны следы сглаживания и стачивания, которые привели к тому,

что все поверхности приобрели неправильные, то выпуклые, то вогнутые очертания.

На одной из широких сторон была вырезана матрица в виде квадрата, по углам которого находились ячейки полушарной формы. Очертания квадрата были выполнены глубокими бороздами с поперечными насечками; такая же борозда была проведена по диагонали. От одной из угловых ячеек был проведен неглубокий канальчик, не доходящий до края формы. Рядом с канальчиком находилась маленькая высверленная ямка. Подобные ямки, но больших размеров встречаются на литей-

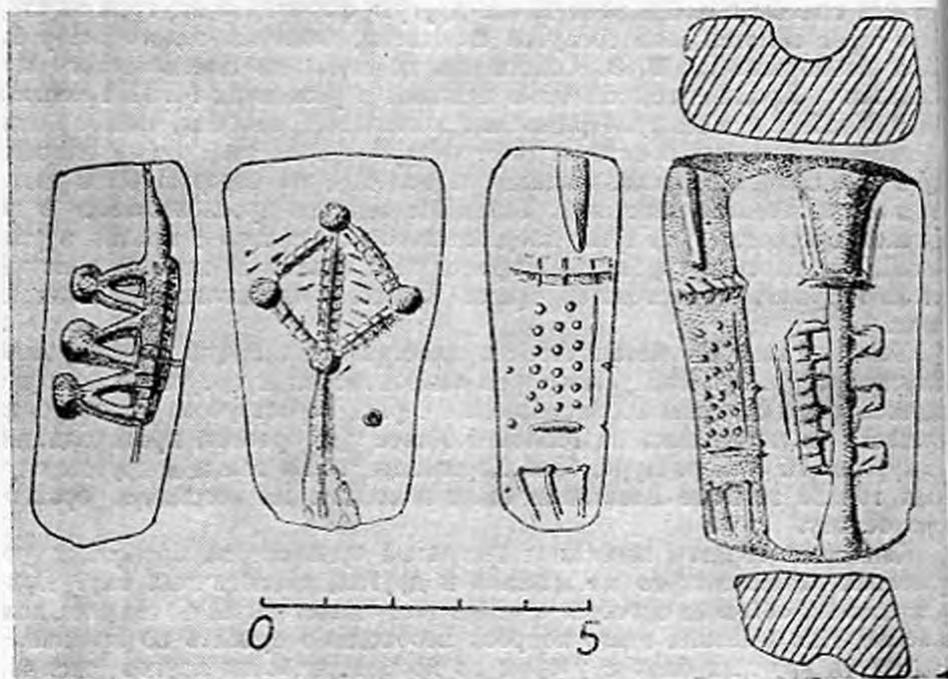

Рис. 42. Землянка № 4.

ных формах, где назначение их совершенно ясно. В них вставляются соединительные штифты для того, чтобы правильно были сложены обе створки формы. Но многое заставляет думать, что эта форма не могла служить для отливки металлических вещей. Во-первых, совершенно неровная, а у широкого конца выпуклая поверхность формы едва ли могла совпасть всеми точками с поверхностью второй створки. Во-вторых, неглубокий и недоведенный до края канал не мог служить для вливания в него расплавленного металла, а полушарные углубления по углам фигуры были вырезаны небрежно и имели боковые впадины, из которых залившийся металл не мог быть извлечен в застывшем состоянии. В пределах четырехугольника на неуглубленной плоскости имеется ряд насечек, которые при литье были бы совершенно бессмысленны, так как не могли быть залиты металлом.

Но эта матрица могла быть легко использована в качестве твердой основы, на которую набивалась или, скорее, вдавливалась тонкая металлическая пластинка для нанесения на нее выпукло-вогнутого орнамента.

Совершенно несообразна с основными принципами литейной формы и одна из узких сторон, на которой вырезаны два несвязанных друг с другом узора, оба неполных. В середине неглубокого и зацарапанного прямоугольника нанесено три ряда ямочек, причем одна сторона прямоугольника представляет собою борозду с поперечными насечками. С одной стороны этого узора вырезаны три бороздки с едва заметными углублениями на концах; на противоположном конце находится неглубокий канальчик, который однако не мог служить для вливания металла, так как не доведен до углублений матрицы. К тому же вся плоскость формы частью погнута, частью бугриста и едва ли могла совпасть с плоскостью второй створки.

Такую же неровную поверхность мы видим на другой узкой стороне, где вырезана третья матрица. Углубление представляет собою негативное изображение украшения в виде ребристого стерженька с тремя треугольными привесками с шариками на концах. К углублению для формовки стержня подходит сбоку неглубокий и неровный каналец, который едва доходит до внешнего края формы. У противоположного выпуклого конца углубления заметна царапина, являющаяся как бы продолжением канальчика. На литейных формах подобные канальчики могли служить для вкладышей, образующих отверстие пролизы. Но данный канальчик настолько неглубок и к тому же искривлен, что едва ли он мог служить углублением для какого бы то ни было стержня. Его назначение неясно. Матрица для совершенно такого же украшения была вырезана на четвертой широкой стороне, но она была стерта для выреза на новой поверхности формы, несомненно служившей уже для отливки некоего-то гвоздеобразного предмета. Поверхность для этого выреза была совершенно выравнена, что обеспечивало ее полное прилегание ко второй створке. Канал для отливки вырезан в виде глубокого и широкого воронкообразного жолоба. На одном краю этой стороны бруска нанесены две зарубки, которые могли служить для правильного складывания двух створок формы.

Итак, только об одной стороне этой формы можно сказать с уверенностью, что она предназначалась для литья металла. О трех других матрицах можно предполагать, что они служили для другой техники производства металлических предметов, повидимому для тиснения на тонкой металлической пластинке выукло-вогнутых узоров. Это представляется вероятным еще по другим соображениям. Почти все украшения андроновской культуры, известные в настоящее время, выделаны чеканной или близкой к ней техникой. Исключением являются биконические бусы и некоторые отдельные части украшений, как, например, острореберная проволока на перстнях из погребения № 13 и ободки браслетов Каратугайского могильника. Если бы в землянке № 4 Алексеевского поселения вырабатывались литые украшения, то, вероятно, они нашлись бы в погребениях Алексеевского могильника или в других погребениях.

Разнообразные и устойчивые формы андроновских ювелирных изделий, высокая техника их изготовления свидетельствуют о том, что ко времени возникновения Алексеевского поселения и могильника в южном Приуралье уже сложились прочные традиции ношения украшений, в некоторых случаях покрывавших всю одежду (погребение № 13). В противоположность этому в могилах соседней срубной культуры Поволжья подобные украшения встречаются единицами. Так, из немногочисленных андроновских могильников в настоящее время известно более 30-ти ви-

дов металлических украшений, в то время как из курганных кладбищ срубной культуры Поволжья, исследования которых в некоторых случаях носили массовый характер²², можно насчитать только 3 отдельных видов таких украшений; при этом 7 из них настолько совпадают по формам с андроновскими, что приходится думать не о местном производстве, повторяющем восточные формы, а о проникновении в Поволжье ювелирных изделий из Приуралья в уже готовом виде. Восьмое же украшение представляет собою массивный бронзовый браслет из согнутого, несомненно, литого прута с зажатыми концами (Покровский могильник, курган № 35, погр. № 2, курган № 15, погр. № 1)²³. Подобные браслеты пока еще неизвестны в андроновских погребениях; им свойственны более легкие украшения, для выработки которых применялась сложная техника рознородного чекана. В Нижнее Поволжье они могли попасть из области киммерийской культуры.

Повидному, вместе с металлическими украшениями из андроновской культуры в Поволжье распространялись и пастовые бусы, изредка встречающиеся в срубных погребениях на Волге.

Проникновение андроновских украшений или, возможно, местное производство по образцам этих украшений наблюдается и в абашевской культуре Среднего Поволжья. Здесь, наряду с собственными выработанными формами (например, бронзовые розетки для нашивки на одежду), встречаются ребристые проици, полушарные бляхи и выпукло-вогнутые браслеты и гривны, совершенно сходные с андроновскими. Из этого перечня только ребристые проици приобрели в абашевских могильниках свои специфические формы. Они мелкоребристы и гофрировка располагается не по всей поверхности трубочки, а только у ее концов.

Распространение характерных андроновских украшений отражается главным образом Средним и северной частью Нижнего Поволжья, а в Южное Поволжье они повидному не заходили. В пределах Дона известны только один случай находки выпукло-вогнутого браслета. Срубная культура Дона и левобережного Приднепровья, вероятно, совершенно не знала этих украшений.

Что касается орудий, то несомненно, что давние сношения между племенами Поволжья и южного Приуралья привели к тому, что уже в ранние периоды для некоторых орудий повсюду выработались одинаковые формы. К ним относятся ножи с намечающимся перекрестием, столь распространенные в могильниках срубной культуры. Эти ножи известны и в андроновских погребальных комплексах, например, в Кожумбердынском могильнике (кольцо Л, могила № 3) и в Алексеевском могильнике (сборы Б. Н. Соколова, погребение № 2). Наиболее развитой формой ножа этого типа является нож-кинжал, относящийся, однако, к сравнительно раннему периоду развития культуры из могильника на Малом Койтасе (раскопки В. И. Каменского 1910 г.)²⁴. В пределах абашевской культуры подобные ножи входят в состав Верхне-Кичицкого клада. Позднее, в хвалынской культуре, в Поволжье и в Приуралье бытовали одинаковые «серпы» сосново-мазинского типа. Эти орудия в несколько видоизмененной форме можно встретить и в Восточном Казахстане²⁵.

О сношениях между племенами Поволжья и Приуралья можно судить не только на основании изучения форм металлических украшений и орудий. Об этом же свидетельствуют некоторые керамические изделия, найденные как в андроновской культуре, так и в культурах, граничащих с нею с запада. Сюда относятся острорезберная посуда, столь ча-

сто встречающаяся в западных пределах андроновской культуры и, очевидно, распространившаяся в ней под влиянием срубной культуры. В Алексеевском комплексе ее довольно много (рис. 52—5 и 2; 53—24; 54—4). Несомненно, следствием сношений с племенами абашевской культуры является сосуд, найденный вблизи от очагов №№ 1 и 2 землянки № 6 (рис. 43). Его подробное описание и сравнение его с посудой абашевской культуры приведено в главе VI. Сходство между ними и сосудом из кургана № 5 Абашевского могильника настолько очевидно, что его можно объяснить только тем, что гончару, выполнившему этот сосуд, были известны формы абашевской посуды³⁷.

С другой стороны, среди посуды срубной культуры имеются формы, чрезвычайно близкие андроновской керамике. Особенно много подобных горшков было найдено в Покровском могильнике, близ г. Энгельса³⁸. Как уже было сказано, из этих же курганов происходят многие украшения андроновского типа (височные привески, ребристые проижи, нагрудное ремешное украшение и пастовые бусы). Некоторые горшки Покровского могильника буквально совпадают как по профилю, так и по орнаменту, с горшками Алексеевского могильника и жертвенного места. Особенно интересно в этом могильнике наличие хорошо выделанных горшков с уступчатым плечом.

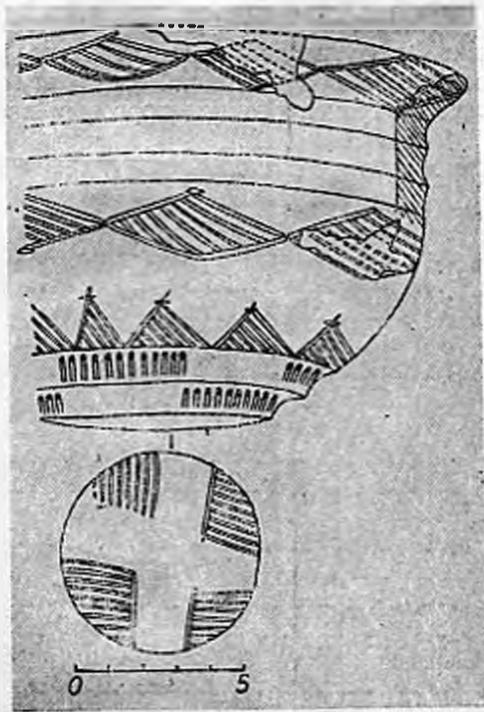

Рис. 43. Землянка № 6.

Аналогии, проведенные между металлическими украшениями и керамикой андроновской и срубной культур, можно продолжить и в области изделий из камня. В срубной культуре хорошо известны кремневые стрелы типа скорняжовских. В состав скорняжовского комплекса входят четыре наконечника без черешков, плоских и длинных с неглубокой выемкой у основания, и один с широким, к концу заостренным черешком. Последняя форма стрел особенно распространена в Поволжье и в андроновской культуре (например, два наконечника с Алексеевского поселения и один из сел. Бос-Гумер близ г. Иргиза), причем здесь они короче, толще и почти во всех случаях сделаны из кварцита и яшмы. Треугольному наконечнику, найденному в землянке № 2 (рис. 45—4) аналогичен наконечник из Пугачевского района, Саратовской области (хранится в Куйбышевском музее)³⁹.

Повидимому, основными двигателями сношений являлись торговые связи между Приуральем и Волгой. Развита металлургия, бронзолитейное мастерство совершенно несомненно и в срубной, и особенно в хвалынской культурах. Однако месторождения меди в Поволжье известны

лишь в немногих пунктах, и едва ли они могли удовлетворить потребности в металле населения того времени. Естественно предположить, что богатый медной рудой южный Урал и прилегающие к нему степи могли служить сырьевой базой не только для племен андроновской культуры, заселявших эти пространства, но и для соседних племен, занимавших Среднее и Нижнее Поволжье. А вместе с металлом, вероятно, проникали и андроновские украшения, и некоторые другие предметы.

Интересно, что в состав костного материала Алексеевского поселения входят кости верблюда, вероятно уже прирученного, а это дает возможность предположить, что в эту эпоху он уже мог служить для далекого транспорта при торговых сношениях того времени.

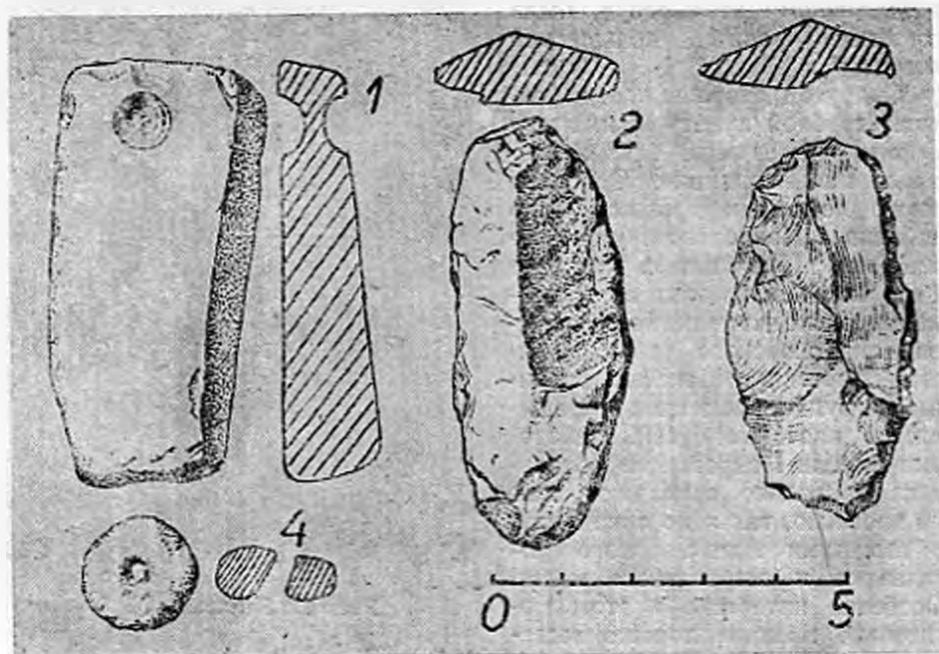

Рис. 44. 1, 2, 3. Землянка № 5. 4. Землянка № 1.

Переходя к рассмотрению орудий, сделанных из камня, должна заметить, что, несмотря на то, что Алексеевское поселение относится к эпохе развитой бронзы, на его площади было найдено довольно много разнообразных каменных предметов. Большинство их вполне обычно для поселений этого времени. К ним, например, относятся песты, зернотёрки, молотки и мотыги разнообразной формы, ступки и тому подобные предметы, в большинстве случаев тщательно выделанные и зашлифованные. Вполне естественно наличие на поселении каменных наконечников стрел, употреблявшихся на протяжении всей бронзовой эпохи. Кроме того, в некоторых землянках были найдены скребки и скребла, изготовленные чрезвычайно примитивно, в некоторых случаях путем тесанной техники. Сюда относятся два орудия из ямы № 4 землянки № 1. Одно из них (рис. 17—2) представляет собою остроконечник с небрежно обработанной путем нанесения сколов поверхностью. Второе орудие (рис. 17—1) было обработано таким же образом; при его изго-

товления основное внимание, повидимому, было обращено на образование острого края. Орудиями непонятного назначения, но, несомненно, одородными являются три каменных предмета овальной формы со сколотыми поверхностями и заостренным краем (землянки №№ 4 и 5). На одном из них (рис. 44—2, землянка № 4) на боковых поверхностях и из ребре оставлена гладкая корка. Для работы, вероятно, предназначались концы этих орудий; так, один из концов сильно стерт (пришлифован), на другом же много мелких щербин.

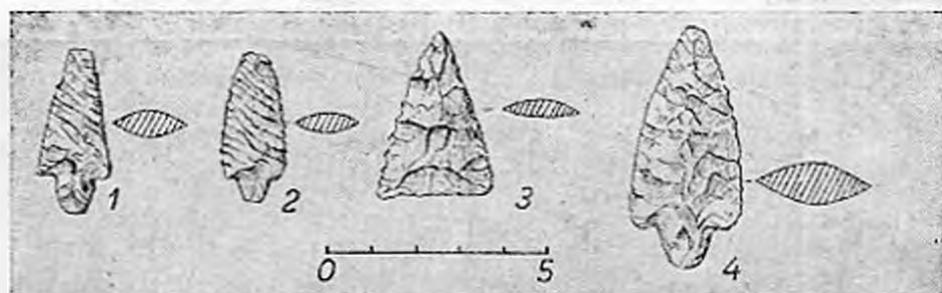

Рис. 45. 1 и 3. Землянка № 2. 2. Близ землянки № 1. 4. Зольник близ казаны.

Гораздо тщательнее были обработаны стрелы (рис. 45), поверхность которых покрыта челкой ретушью, в некоторых случаях струйчатой (рис. 45—1 и 2). Очевидно, для обработки подобных каменных орудий применялся ретушор, найденный в землянке № 6.

Все остальные каменные орудия и предметы в большей или меньшей степени подвергались шлифовке. В некоторых случаях вещи были лишь слегка прошлифованы. К ним относятся округлые и плоские камни из землянок № 4 и № 6 с очень неровной поверхностью, диаметром около 8 см. Четыре камня почти шарообразной формы с шероховатой поверхностью размером 3—5 см в диаметре. Подобные камни обычно принято называть пращевыми. Один из молотов (из землянки № 5) обработан также небрежно. Другие два молота из землянки № 1, ямы № 4 (рис. 19) и из землянки № 2 (рис. 46—2) имеют совершенно правильные очертания и хорошо зашлифованные поверхности. Назначение первого из них сомнительно. Это орудие клиновидной формы, в долевом разрезе строго овальное, не имеет никаких желобов или углублений для скрепления с рукоятью. Второй, несомненно, мо-

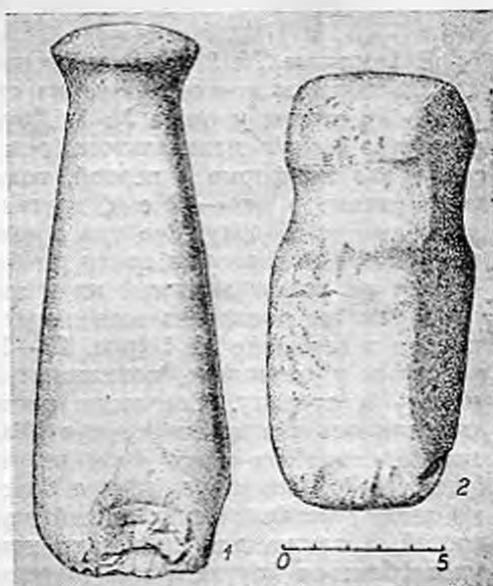

Рис. № 46. Землянка № 2

лот, из зернистого плотного камня с широким и плоским обухом, имеет два боковых жолоба и овальное углубление для привязи Г-образной рукояти.

Великолепно отшлифованный пест был найден близ углубления землянки № 2 (рис. 46—1). Он имел один совершенно плоский (рабочий), другой выпуклый — «пестообразный» конец и «правильно-круглое» поперечное сечение. Другое орудие (из землянки № 1), которое могло служить в качестве песта и клина для разбивания руды (рис. 28—4) было описано выше.

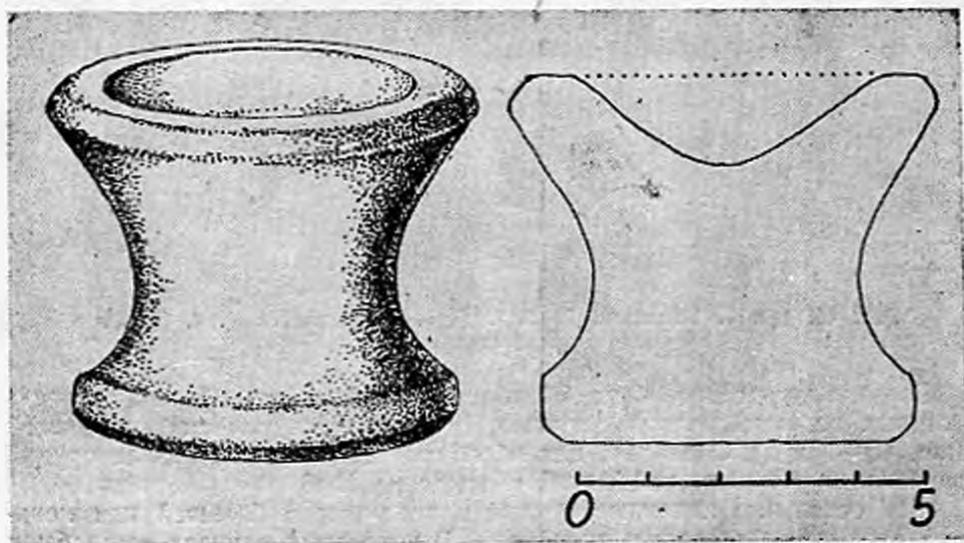

Рис. 47. Землянка № 2

В землянке № 2 были найдены три ступки, служившие, вероятно, для растирания красок. Одна из ступок, целая, рюмкообразной формы (рис. 47), стояла у очага № 1. Другие две были разбиты и их осколки рассеяны вокруг центрального очага № 2. Одна из разбитых ступок совпадала по форме с первой, только несколько превышала ее размерами (диаметр дна—12 см), другая имела вид невысокого цилиндра с углублением изверху. Все три предмета совершенно правильных очертаний были заполированы почти до блеска. Насколько известно, подобные ступки не имеют аналогий ни в андроновской, ни в других культурах.

К тем же прекрасно выделанным предметам относится булава, найденная в землянке № 1 (рис. 28—3); сверление ее доведено только до половины и оставлено, повидимому, вследствие того, что сверло уклонилось в сторону. Сверление производилось целым сверлом, которое применялось и в других случаях. Так, например, таким же сверлом было начато сверление двух ямок на точильном бруске из землянки № 5 (рис. 44—1). Он, как и другие бруски, мог предназначаться для заточки лезвий металлических ножей или серпов. Для обработки же поверхностей, а также для шлифовки некоторых каменных предметов, могли употребляться другие камни, плоские, часто совершенно бесформенные, сделанные из буроватого песчаника. Их можно встретить во всех землянках и зольниках.

К каменным орудиям, особенно широко распространенным в культурах бронзовой эпохи, принадлежат мотыги, многочисленные зернотерки и куранты для растирания зерна. Но иногда эти последние бывает трудно выделить из множества других курантов, имеющих иное назначение: одни могли употребляться для растирания краски, другие для толчения и растирания талька, раковин и других примесей при изготовлении глины для гончарного производства.

Последними каменными орудиями, о которых следует упомянуть, являются лоцила для полирования поверхности сосудов. Эти орудия представляют собою совершенно необработанные камни, чаще всего речные гальки. Следы же стертости на их краях появились уже вследствие работы. Подробное описание лоцил приведено в главе VI при описании обработки глиняной посуды.

Итак, все изделия из камня представляют собою различные орудия: исключением является только одна привеска или буса (рис. 44—2), округлая и плоская, с отверстием в центре, сделанная из желтоватого зернистого камня. Кроме того, во всех землянках было много мелких и крупных обломков от полированных орудий, из которых наиболее интересным является приведенный на рис. 48—2 из землянки № 5.

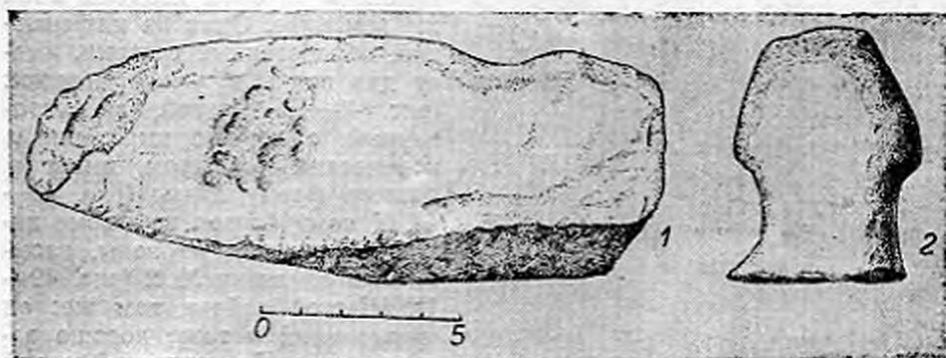

Рис. 48. 1. Землянка № 3. 2. Землянка № 5.

Кроме керамики, каменных и металлических предметов, в культурном слое Алексеевского поселения довольно хорошо сохранились разнообразные, но немногочисленные изделия из кости. Их сохранность не всюду одинакова в зависимости от того, находились ли они в культурном слое или в зольниках, где кость разрушалась меньше. Из костяных орудий Алексеевского поселения наиболее значительными являются так называемые скребла для обработки шкур, сделанные из челюстей лошади. В некоторых случаях их края сильно стертые, а выпуклые поверхности зглолированы до блеска. Повидимому, они служили не столько как скребла, сколько в качестве гладилок для обработки поверхности кожи. Эти орудия, целые и в обломках, были обнаружены в землянках №№ 2, 5, 6. Особенно хорошо сохранились два совершенно одинаковых скребла, лежащие вместе близ углистой гряды в землянке № 6 (рис. 24). Отсутствие сравнительного материала из андроновских поселений не дает возможности проследить распространение подобных орудий в районах этой культуры. Зато они хорошо известны в пределах срубной

культуры, особенно в срубных поселениях Среднего и Нижнего Поволжья.

Кроме каменных и металлических наконечников стрел на Алексеевском поселении было найдено шесть костяных наконечников разных форм и разной техники их обработки. В противоположность костяным стрелам срубной культуры Поволжья, где преобладают трех- и четырехгранные втульчатые стрелы⁴⁰, стрелы Алексеевского поселения все черешковые и значительно больших размеров. Две из них схожи между собой. Они имеют широкий сужающийся книзу черешок, непосредственно переходящий в основную часть наконечника. Первый наконечник (рис. 49—3), найденный в восточном зольнике землянки № 1, плоский и почти листовидной формы. Поверхность его не заполирована и на обеих сторонах заметны узкие срезы. Второй наконечник из землянки № 6 (рис. 49—4) обработан таким же способом. Он немного толще и имеет на одной стороне ребро, проходящее по его оси. Третий и четвертый наконечники были найдены в той же землянке. Один из них плоский, обработанный срезами, имеет два шипа и узкий черешок (рис. 49—5). Другой, заполированный, с хорошо выраженным коническим черешком, имеет в разрезе форму линзы (рис. 49—6). К нему близок по форме пятый наконечник из золы, засыпанной землянку № 2 (рис. 49—1). Шестой найден там же; он трехгранный и тоже хорошо заполирован. По оси его граней проходят едва заметные ребра. Его короткий черешок со следами срезов почти не отделяется от клинка (рис. 49—2).

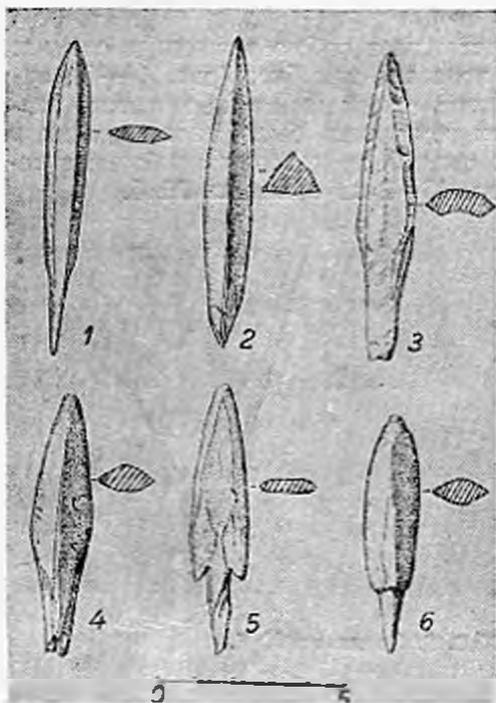

Рис. 49. 1, 2 Землянка № 8. 3. Восточный зольник близ землянки № 1
4—6. Землянка № 6.

Первая овальной формы, имеет на концах полушарные выпуклости, на которых нанесены циркулем по три концентрических круга. Такой же циркульный орнамент в виде двух рядов фестонов нарезан на боках пронизи. Интересен способ, которым было прорезано ее отверстие. Предмет был просверлен четырьмя сверлилами, расположенными в ряд, затем были удалены промежутки между ними, а поверхности заровнены, но настолько небрежно, что на обеих внутренних стенках остались следы сверлин. Судя по излому на второй пронизи, ее отверстие было прорезано таким же образом. В киммерийской культуре этот способ применялся при вырезке брусков из талькового сланца, предназначенных для литейных форм. На их боковых поверхностях иногда наблю-

Из этого же зольника происходят две, вероятно ременные пронизи, одна целая (рис. 22—3), другая обломанная (рис. 22—2).

даются неполностью заглаженные ряды сверлин⁴⁴. Очевидно подобная техника в конце бронзовой эпохи распространялась и на выделку костяных изделий.

Обломок второй пронизи представляет собою примитивно вырезанную конусную голову с чолкой и гривой, обозначенными рядами треугольников. Такой же ряд треугольников проведен внизу, по шее. На лбу над чолкой и соответственно этому внизу на шее нанесены поперечные нарезки. Пронизи, подобные этим, пока не имеют аналогий в культурах бронзовой эпохи, но резной орнамент и даже узоры в виде рядов треугольников встречаются в отдельных случаях на костяных предметах этого времени.

Кроме этих изделий, в землянках и в зольниках были найдены некоторые костяные изделия, назначение которых не совсем ясно. К ним относятся следующие предметы.

Три трубочки, отрезки трубчатых костей, может-быть служившие игольниками; одна из них, описанная выше, была найдена в яме № 105 землянки № 1 (рис. 22—4), две другие — в землянке № 6 (из которых одна на рис. 22—1). Костяная обоймочка в виде цилиндра из восточного зольника землянки № 1 представляет собою тоже отрезок трубчатой кости. Из углистого слоя землянки № 6 происходит отрезок крупной головки бедра полушарной формы, срезанный и заточенный с двух сторон; в центре предмет просверлен. Возможно, что он представляет собою какое-то навершие (рис. 22—5). У очага № 2 землянки № 2 лежало костяное кольцо в 5,7 см в диаметре (рис. 22—6). Его поверхность хорошо зашлифована, форма совершенно правильная, почти циркулярная. Кроме того, в землянке № 1 была найдена небольшая костяная привеска, плоская с одной стороны, с просверленным ушком.

Среди обломков костяных изделий, найденных на поселении, выделяется только один. Это — довольно крупный фрагмент и несколько мелких осколков от плоского предмета округлой формы; его поверхность с одной стороны хорошо отполирована. По краю предмет окаймлен выпуклым бортиком. Интересно широкая костяная пластина, вырезанная из крупной трубчатой кости и, повидимому, представляющая собою среднюю часть сложного лука (рис. 16—2), найденная в восточном зольнике близ землянки № 1.

Если все эти костяные изделия встречались на поселении единицами, то игры из астрагалов свец были рассеяны во всех жилищах и за пределами их. В трех случаях были найдены целые игры. Такая игра из восьми астрагалов лежала под горшком № 48 на жертвенном месте. В другом случае игра из 20 одинаковой величины астрагалов козовы лежала компактной кучей в юговосточном углу землянки № 1. На поверхностях астрагалов заметны тонкие царапины и следы нарезки, которые могли получиться при очистке астрагалов от мяса. Интересно игра, найденная в неглубокой ямке в северозападном конце землянки № 2. Она состоит из 33 астрагалов овцы, из которых четыре пришлифованы с двух сторон, а три с одной широкой стороны. Два из числа последних насквозь просверлены в двух местах. Такие же две сверлины, но не доведенные до конца, находились на одном целом астрагале. Конечно, все эти отличительные знаки имели какое-то определенное значение в системе игры. При этом количество астрагалов в каждом наборе, повидимому, не было постоянным.

Остальные астрагалы встречались единицами. Многие из них были просверлены и зашлифованы с одной или двух сторон.

VI. Керамика

Особенно много на площади селища, жертвенного холма и в могилах Алексеевского культурного комплекса было найдено глиняной посуды, как в целом, так и в фрагментарном виде. Она представляла собой основную массу находок.

Анализ ее форм, орнаментики, а также некоторые особенности техники ее изготовления дают возможность не только отнести древнее поселение и могильник к западному, собственно казахстанскому варианту андроновской культуры, но и сопоставить их с аналогичными памятниками бронзовой эпохи в Восточной Европе, и определить с достаточной вероятностью время их существования. То обстоятельство, что Алексеевское поселение и могильник, а также холм, на котором совершались жертвоприношения, существовали одновременно и принадлежали одному коллективу людей, дает возможность выделить формы посуды, имевшей различное применение как в простом домашнем быту (керамика найденная на поселении), так и при религиозных обрядах захоронения покойников и жертвоприношений. Учитывая эти две стороны назначения посуды, приходится ставить ее описание в зависимости от них, а именно противопоставить керамику могильника и жертвенного места керамике, найденной на поселении.

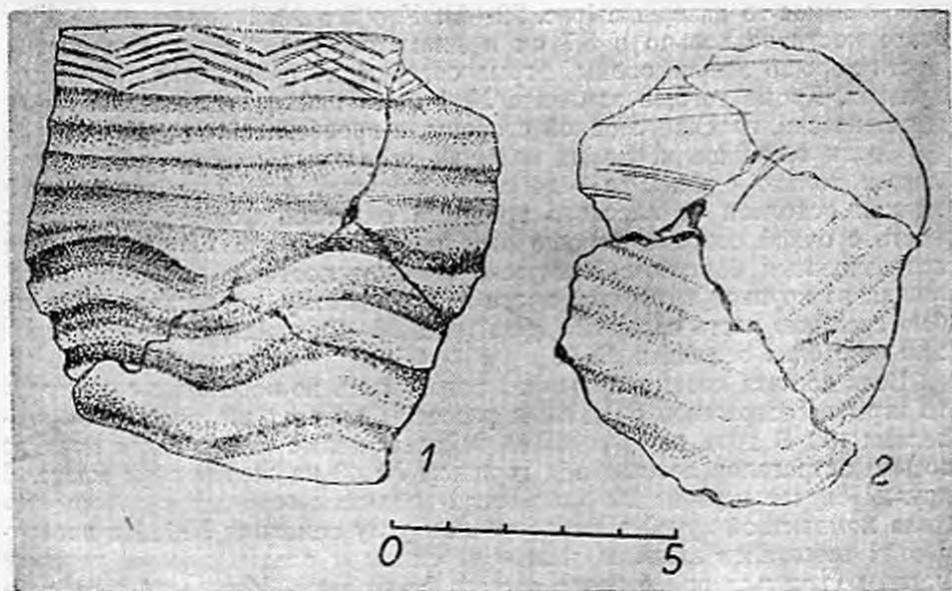

Рис. 50. 1. Жертвенное место № 27. 2 Жертвенное место № 39.

Как уже было сказано, почти во всех погребениях, находившихся на площади могильника и жертвенного холма, была поставлена пища, обычно в двух глиняных горшках. Совершенно однородны с ними многочисленные горшки, найденные на жертвенном месте. Последние отличались от могильной посуды только большим процентом горшков средних и небольших размеров. Двадцать четыре из пятидесяти девяти жертвенных горшков были покрыты крышками — крупными черепками

больших сосудов (рис. 50). Они дают полное представление как о форме, так и о характере орнамента этих сосудов, так что могут быть включены в общий керамический материал, относящийся к памятникам культуры.

Всю керамику могильника и жертвенного места можно подразделить на два основных типа сосудов. Одна из них — общеизвестный простой баночный горшок с почти прямыми или со слегка выпуклыми стенками (рис. 51—1 и 2; 52—18, 54—10).

Рис. 51. Жертвенное место. 1—№ 40, 2—№ 1, 3—№ 9, 4—№ 19, 5—№ 48, 6—№ 3, 7—№ 35, 8—№ 41, 10—№ 45, 11—№ 51, 12—№ 42, 9—погребение № 16.

Подобного типа горшки широко распространены не только в андроновских могильниках; они всегда преобладают на поселениях и в могильниках срубной культуры и их можно считать основной формой ее керамики. Другой, менее распространенный тип посуды особенно характерен как для керамики Алексеевского могильника, так и для других могильников западного варианта андроновской культуры. Это горшок — с прямой, иногда слегка отогнутой шейкой, занимающей одну треть или одну четверть высоты горшка, край которой просто закруглен или слегка уплощен. Между шейкой и плечом сосуда находится небольшой уступ или ребро. Плечи и бока горшка выражены плавной выпукло-закругленной линией, переходящей в слегка вогнутую и выпрямляющуюся у плоского дна (рис. 51—11, 12; 52—1, 4, 8, 9, 15, 19; 54—4, 7, 10—13, 15, 20; 54—9, 12, 15, 17). Подобный тип посуды можно назвать горшком с уступчатым плечом. По форме эти горшки значительно отличаются от типичных остроредерных горшков, характерных для керамики срубной культуры, с которыми они сходны по своему назначению.

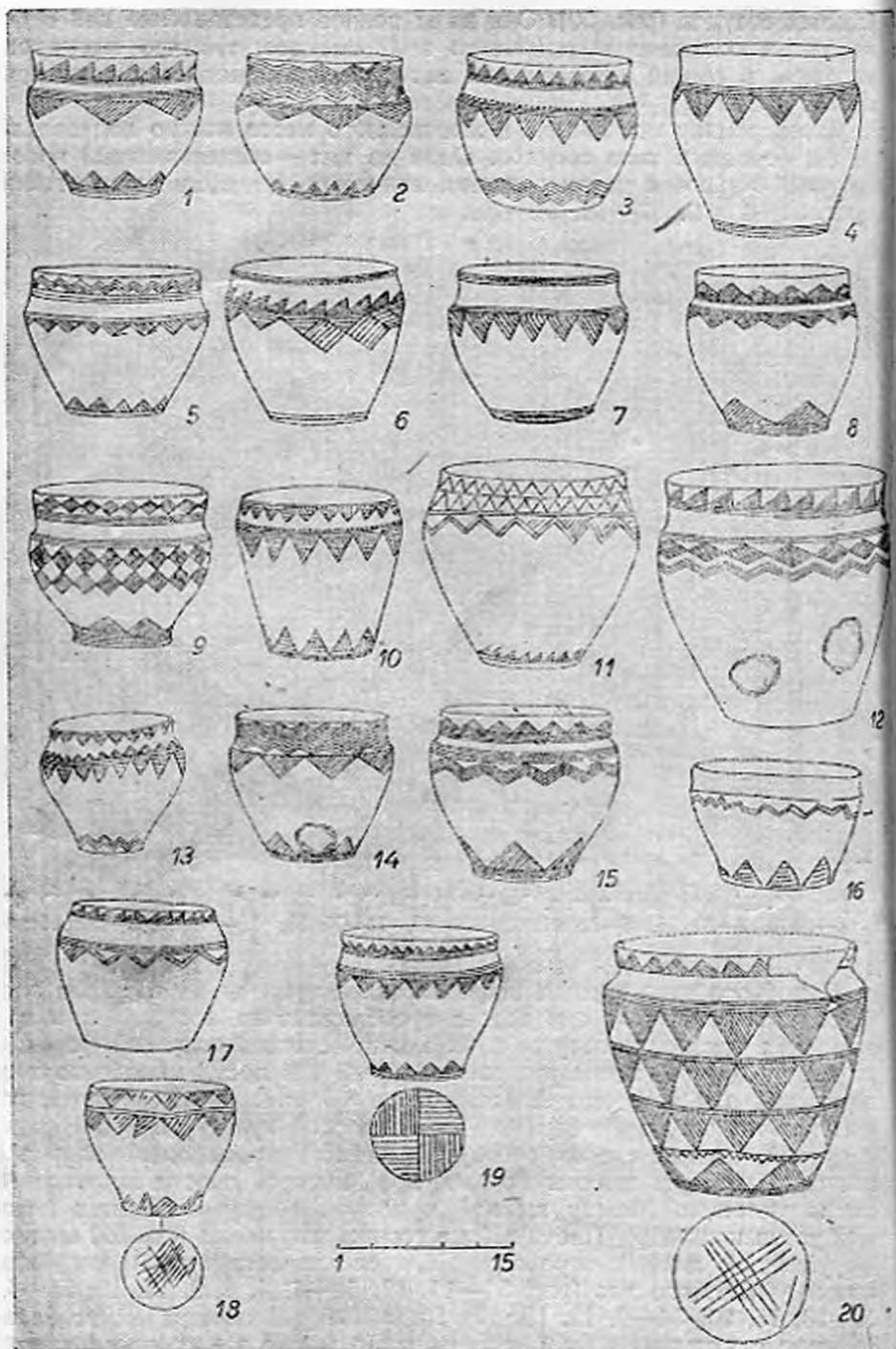

Рис 52. Жертвенное место. 1—№ 10, 2—№ 28, 3—№ 47, 4—№ 26, 5—№ 57, 6—№ 8, 7—№ 17, 8—№ 4, 9—№ 6, 10—№ 37, 11—№ 31, 12—№ 13, 13—№ 36, 14—№ 30, 15—№ 12, 16—№ 2, 17—№ 5, 18—№ 22, 19—№ 15, 20—дно на площади, расположенной к востоку от землянки № 1.

Кроме этих двух основных типов посуды могильника, значительное количество горшков занимает среднее между ними место, приближаясь, в зависимости от степени выуклости их боков и наличия шейки, отделенной уступом, то к первому, то ко второму типу (рис. 52—3, 10; 52—3, 6, 13, 17; 53—2, 9, 17). Некоторые из них имеют боковое ребро при почти совершенно прямых боках, что делает их особенно сходными с острорезными горшками срубной культуры (рис. 52—20; 53—1, 21; 54—11). Надо заметить, что острорезные горшки встречаются только на западе андроновской культуры, что можно объяснить близостью районов распространения обеих культур и постоянными сношениями между населением Тобола, Приуралья и Поволжья.

Горшки с уступчатым плечом обладают исключительной правильностью и законченностью форм и хорошо отделанной поверхностью, для обработки которой применялось преимущественно лощение. Их орнамент всегда тщательно выполнен и в большинстве случаев нанесен мелкозубчатым штампом. Сложные меандровые и меандридные узоры, заштрихованные треугольники и ромбы, реже зигзаги, расположенные в две или в три зоны: на шейке, на боках ниже ребра и реже у дна. Такое зональное расположение орнамента, связанного с наличием уступа, отделяющего шейку от плеч сосуда, было отмечено еще в 1928 г. М. П. Грязновым, как особенно характерное для западного варианта андроновской культуры¹².

Эта посуда с выработанным и устойчивым профилем, хорошо отделанная и орнаментированная, встречается почти во всех могильниках андроновской культуры Западного Казахстана. Несомненно, она является наиболее роскошной посудой, имевшей ограниченное употребление, как и острорезные орнаментированные горшки срубной культуры. В данном случае ею пользовались при погребальных обрядах и для жертвоприношения.

Баночные горшки и близкие к ним по форме, которых значительно больше, чем баночных, выделаны менее тщательно. Хорошее лощение их поверхности встречается редко; преобладает простое сглаживание и замывка поверхности. Чаще всего эти горшки украшены несложным орнаментом в виде рядов горизонтальных зигзагов или елочного узора. При орнаментации этой посуды нередко нарушается правильность деления узора на зоны. Некоторые же горшки или совсем не орнаментированы, или покрыты однородным, обычно елочным узором по всей поверхности. Елочный орнамент в разнообразных его вариантах и горизонтальные ряды зигзагов в одну, две, три и в четыре линии можно считать наиболее распространенным на посуде Алексеевского могильника и поселения (рис. 53 и 54). Он связывает собою позднюю андроновскую керамику с посудой раннего, еще доандроновского периода.

В настоящее время в пределах Казахстана известен целый ряд могильников, сходных по формам и орнаментации керамики с Алексеевским могильником. В большинстве случаев это все те же хорошо выделанные горшки с уступом, отделяющим шейку от плеч, и с более или менее строгим расположением орнамента по двум или трем поясам.

К подобным могильникам, повидному, относятся четыре кладбища на реке Киргильде и на реке Терекле (раскопки М. П. Грязнова 1927 г. близ г. Орска)¹³; Петропавловский могильник (раскопки Аргентовского 1911 г.), Алакульский могильник близ г. Челябинска (раскопки К. В. Сальникова 1938 г.), а также погребение в кургане близ поселка Нержинки в Чкаловской области (раскопки Б. Н. Гракова 1928 г.).

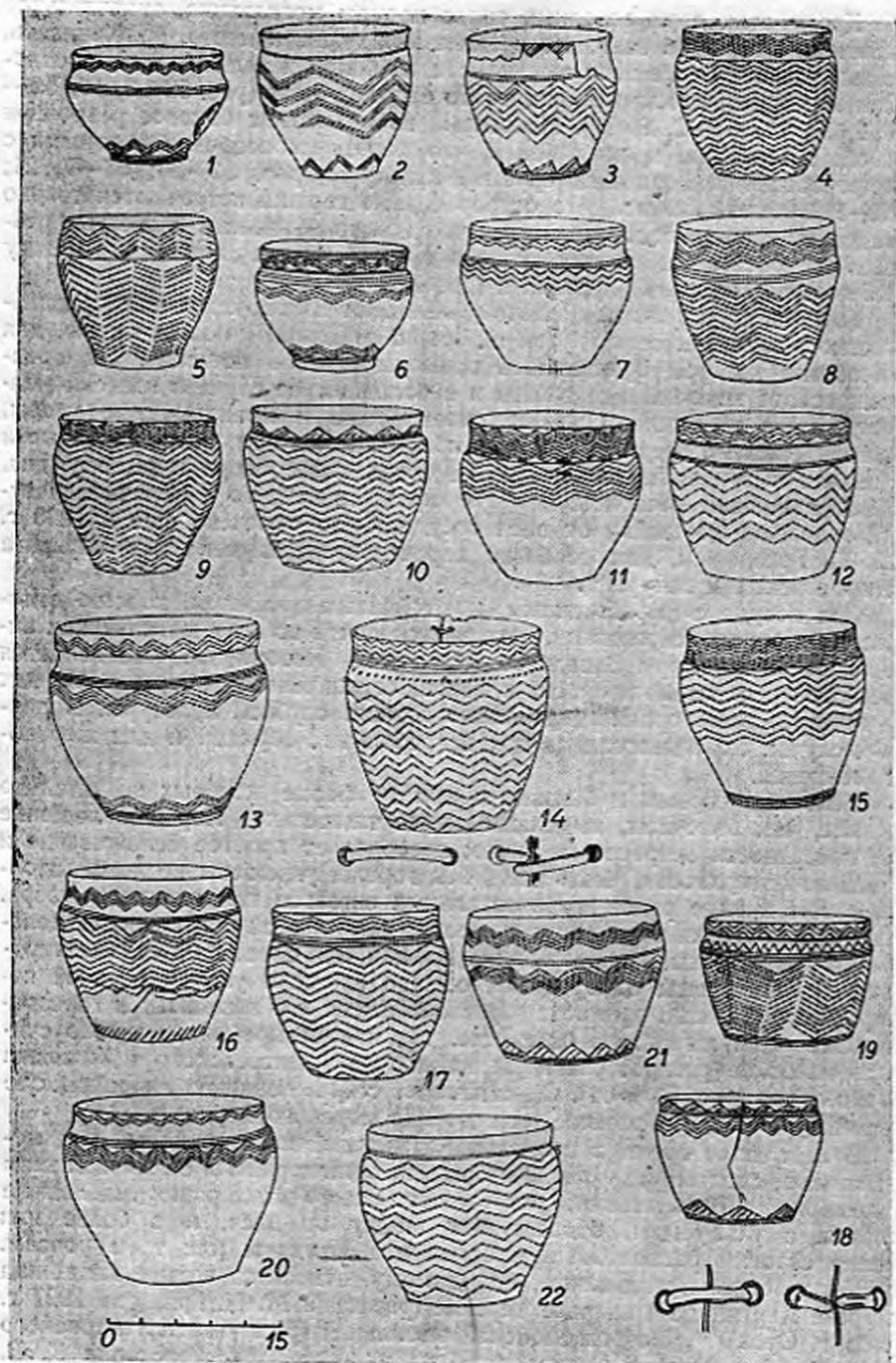

Рис. 53. Жертвенное место. 1—№ 53, 2—№ 38, 3—№ 33, 4—№ 21, 5—№ 32, 6—№ 46, 7—№ 59, 8—№ 54, 9—№ 34, 10—№ 24, 11—№ 44, 12—№ 43, 13—№ 23, 14—№ 7, 15—№ 29, 16—№ 25, 17—№ 16, 18—№ 50, 19—№ 49, 20—№ 14, 21—№ 39, 22—№ 52.

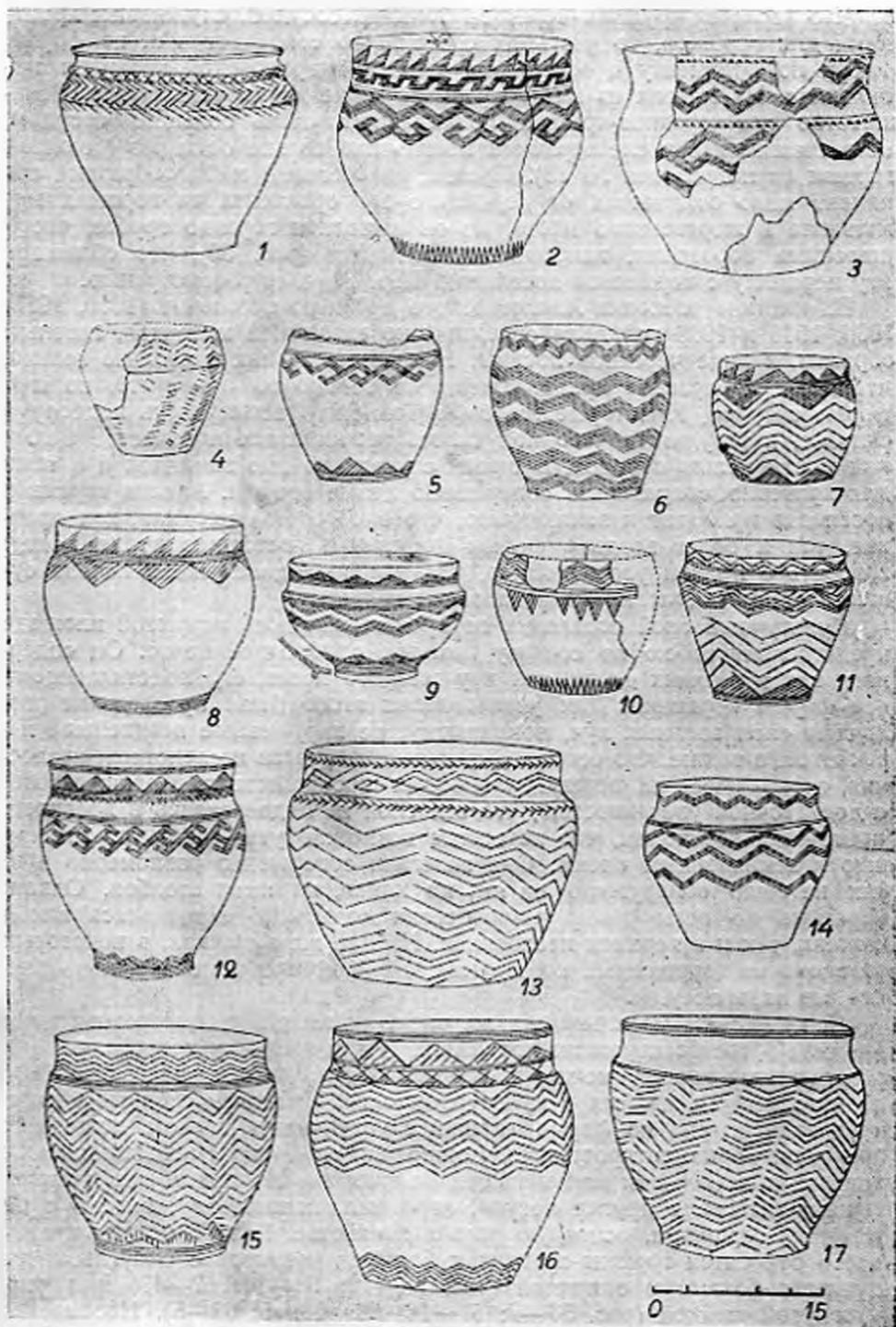

Рис. 54. 1—погребение № 18; 2, 3—погребение № 4; 4, 5—погребение № 10; 6, 13—погребение № 9; 7—погребение № 12; 8, 9—погребение № 13; 10—погребение № 11; 11, 12—погребение № 14; 14, 17—погребение № 20; 15, 16—погребение № 19.

Что касается крупных черепков больших сосудов, служивших крышками для горшков, то часть их совершенно совпадает как по форме, так и по орнаменту с основными типами андроновской керамики могильника. На многих из них сохранился даже двухъярусный узор. Большинство же черепков-крышек принадлежит очень большим сосудам, встретившимся в числе керамики могильника только один раз (большой горшок из погребения № 13). Правда, их обычный зигзагообразный орнамент мало отличается от подобного же орнамента на горшках могильника и жертвенного места, но он выложен гораздо грубее, часто широкими бороздами, напесанными пальцами (рис. 50), что сближает эту керамику с керамикой поселения. Перейду к ее рассмотрению.

Пятилетние раскопки Алексеевского древнего поселения (1930, 1935, 1936, 1938 и 1939 гг.) дали огромный керамический материал, главным образом, в виде черепков посуды. Некоторые из них настолько велики, что дают прекрасное представление не только об орнаменте, но и о форме сосудов. Некоторые же было возможно подвергнуть подбору и склейке, в результате чего получилось значительное количество целых или почти целых сосудов. В шести случаях на дне землянок и в ямах для хранения сохранились совершенно целые сосуды. Анализ керамики поселения приводит к заключению, что в ее состав входили, как древние, так и более поздние формы посуды. В настоящее время можно говорить с полной уверенностью, что эти последние уже в начале существования поселения были известны человеку.

Культурный слой поселения на протяжении всей вскрытой площади представляет собою по составу находок однородное целое. Он содержит, как в верхних слоях, так и у желтого песка, его подстилающего, все формы керамики. Для установления этого были прослежены различные слои зольных куч, повидимому, не нарушенные позднейшей перекопкой, а также, что особенно существенно, были исследованы наслоения, скопившиеся на междуземляночных пространствах. Можно сказать с достаточной уверенностью, что эти слои не подвергались в древности повторным перекопкам, что не всегда возможно утверждать по отношению к земляночным слоям. Они залегали совершенно равномерно и в них не было обнаружено ни ям, ни канав, ни ямок столбов. Однако керамика во всем своем разнообразии одинаково встречалась как в нижних, так и в верхних наслоениях. На дне же землянок, в некоторых заведомо не нарушенных комплексах, тоже можно было встретить вместе все виды посуды.

Вся керамика могильника и жертвенного холма, рассмотренная нами, входила в состав керамики поселения. Почти каждому погребальному и жертвенному горшку можно подобрать очень близкие аналогии из числа черепков, найденных в культурном слое. Простые баночные горшки и близкие к ним по форме горшки с уступчатым плечом, дощечные и прекрасно орнаментированные, можно встретить во всех землянках и зольниках в большем или меньшем количестве. Но кроме них и наряду с ними бытовала другая посуда, иррациальная, повидимому, вместе с баночными горшками, основную роль в хозяйстве. К этой посуде прежде всего относятся горшки средних и больших размеров с округлыми выпуклыми боками и с прямой (рис. 55—12; 56—10; 57—15) или чаще отогнутой шейкой (рис. 56—7; 57—16; 58—1 и 5; 60—5). Несомненно, они связаны происхождением со всей основной, особенно баночной керамикой, так как можно проследить целый ряд промежуточных, как бы переходных форм, соединяющих их с нею.

Основной отличительный признак этой посуды заключается в своеобразной орнаментации, представляющей собою рядяный валик шириную

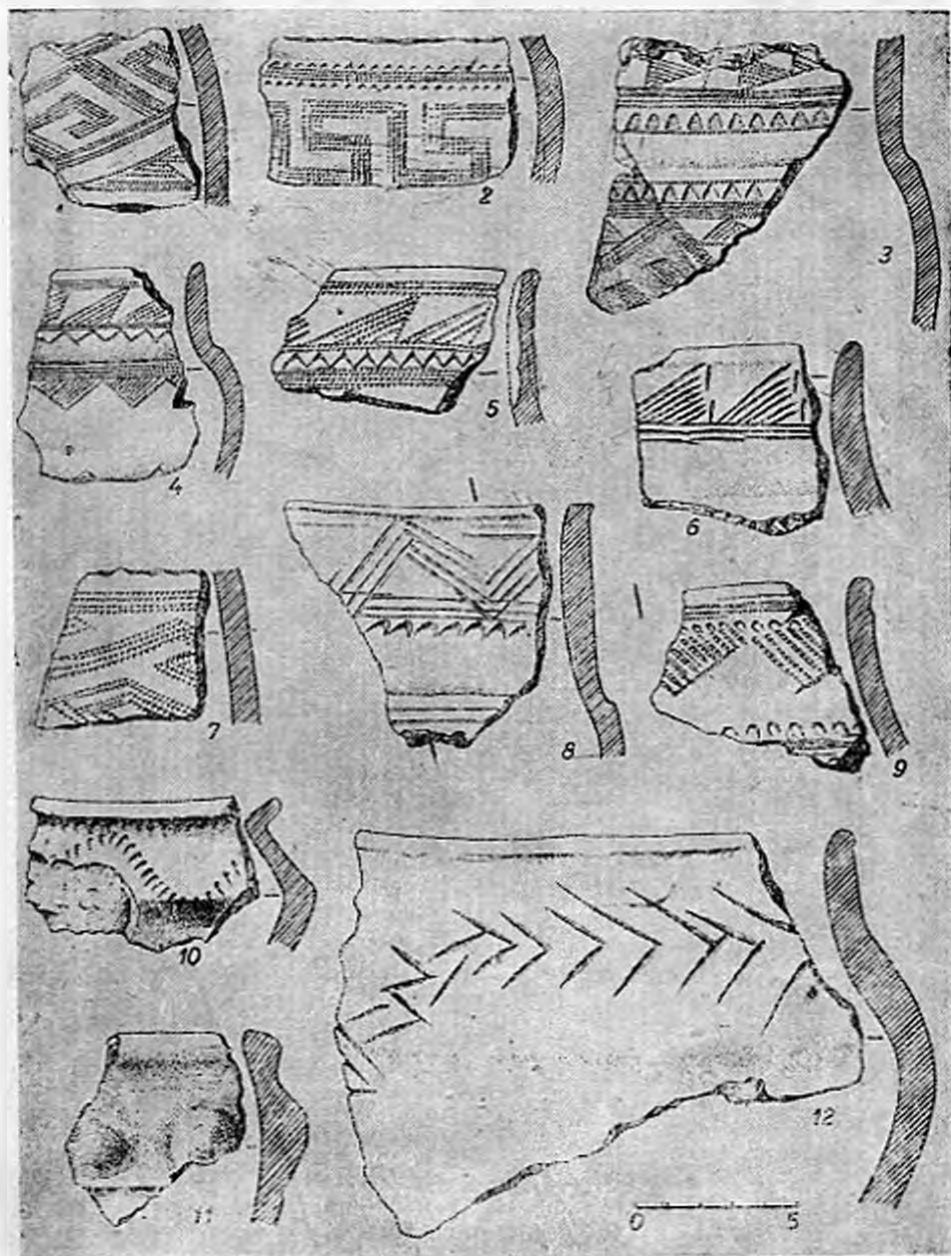

Рис. 55. Керамика из землянки № 1.

от 1 до 1,5 см, покрытый узором в клетку, елочным (рис. 56—10, 13, 14; 59—14, 15, 17, 18; 58—1), зигзагами или косым нарезом. Чаще всего этот валик помещается на границе шейки и плеч, в некоторых же слу-

чаях несколько выше. Иногда налел тянется вдоль острого края посуды, образуя, таким образом, более или менее выпуклый бортик (рис. 58—8). Для нанесения узоров на валики применялся главным об-

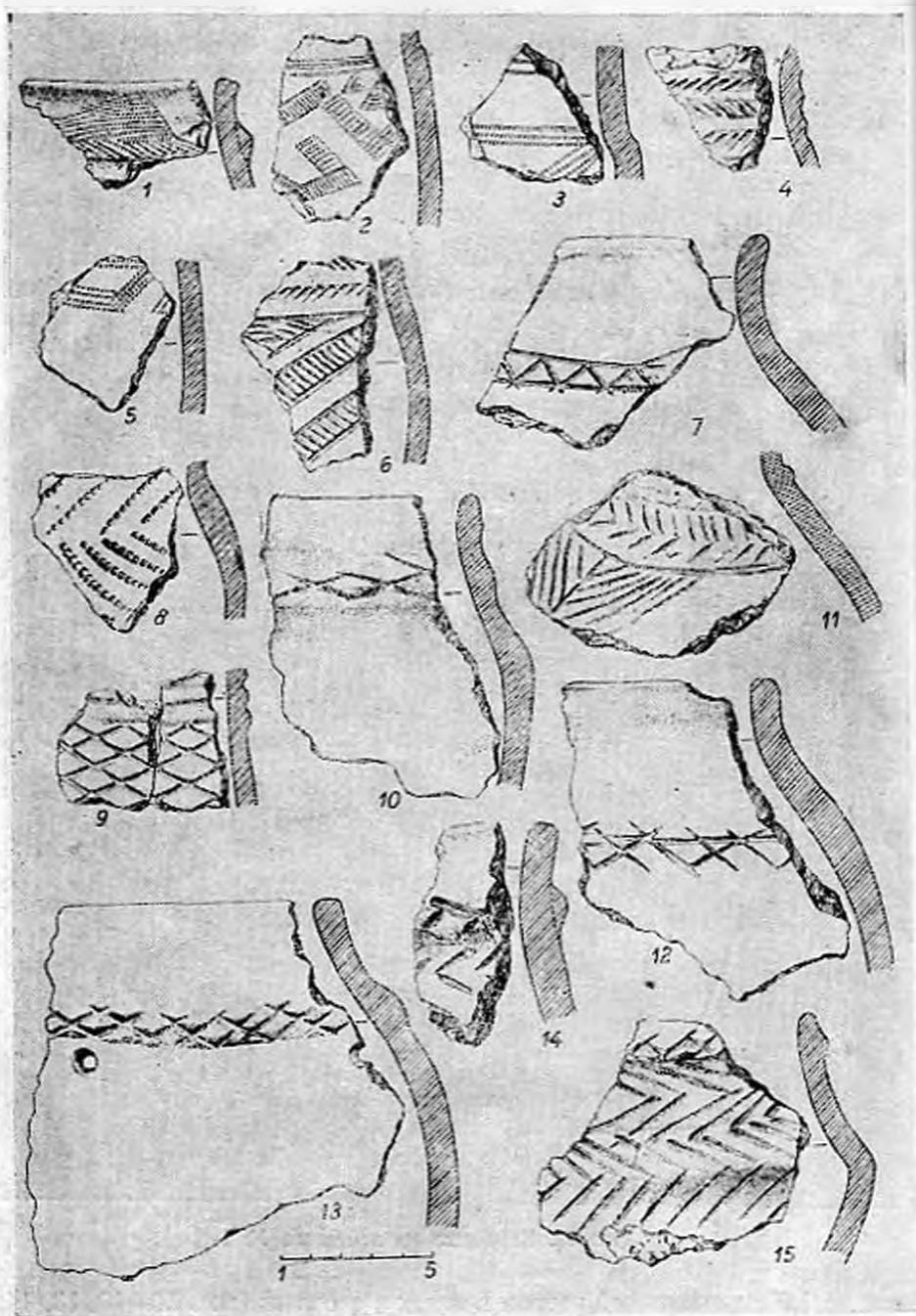

Рис. 56. Керамика из землянок № 1.

разом зубчатый штамп, реже нарезы. Орнамент на подобной посуде обычно ограничивается одним валиком, иногда же располагается и ниже по плечам и бокам сосудов. Некоторые сосуды были украшены

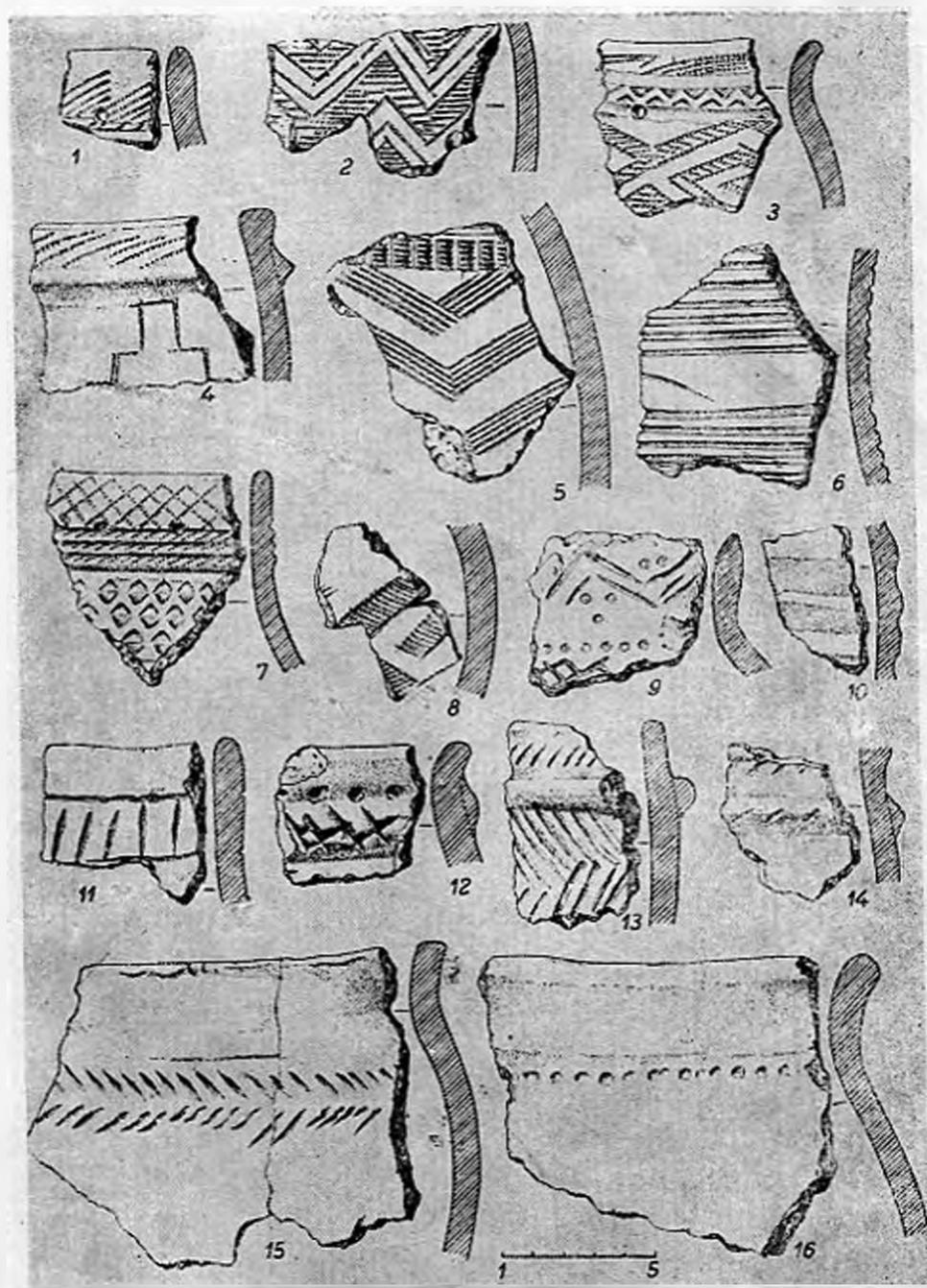

Рис. 57. Керамика из землянки № 4.

ны низкими не палевыми палками (напр., рис. 56—10). В отдельных случаях, когда валик вообще отсутствовал, на месте его ниже шейки был расположен узор в ежу или косую клетку (рис. 56—12), покрывающий обычно валики. Вся эта посуда выделана довольно небрежно. Лощение ее поверхности встречается очень редко.

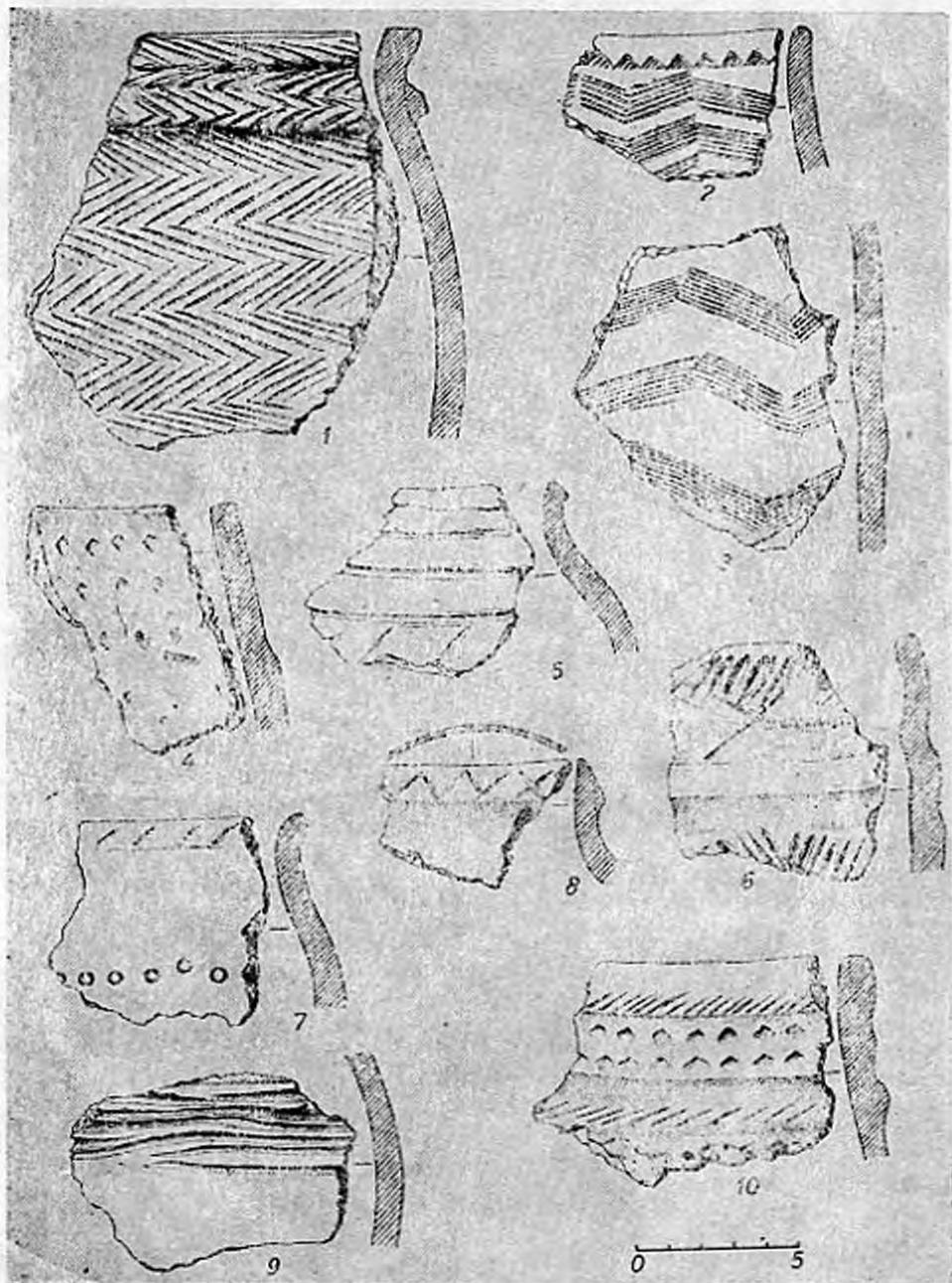

Рис. 58. Керамика из землянки №№ 3 и 8.

В пределах могильника подобная керамика была встречена только один раз в погребении № 18, где стоял плохо выделанный горшок с налепным валиком, покрытый в верхней своей части елочным узором (рис. 54, 1).

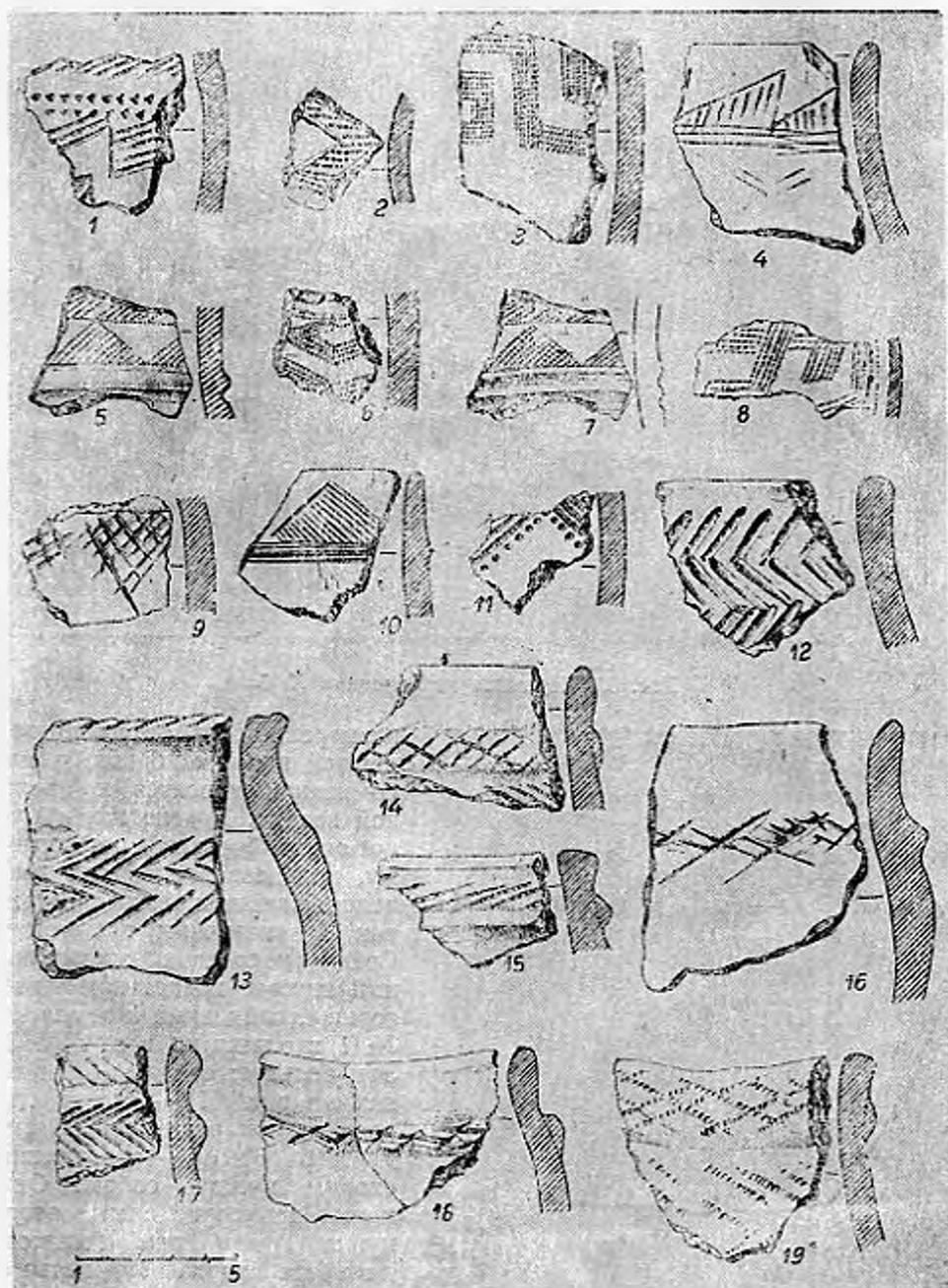

Рис. 59. Керамика из землянки №№ 3 и 8.

Эта посуда имеет различные варианты, связанные, по-видимому, с разнообразным ее назначением. Некоторые из горшков, особенно средних

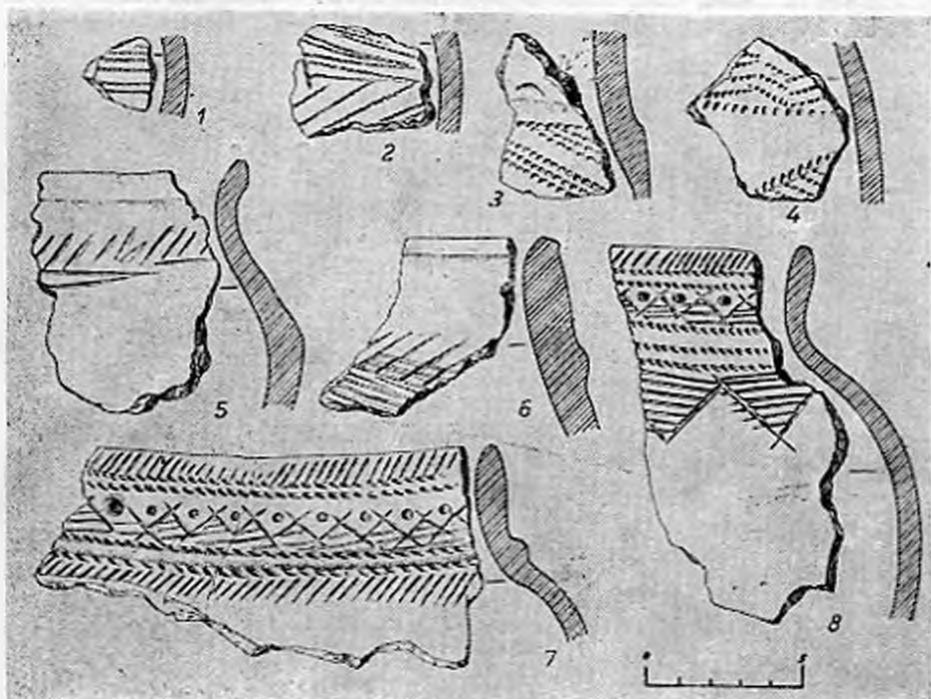

Рис. 60. Керамика из землянки № 5.

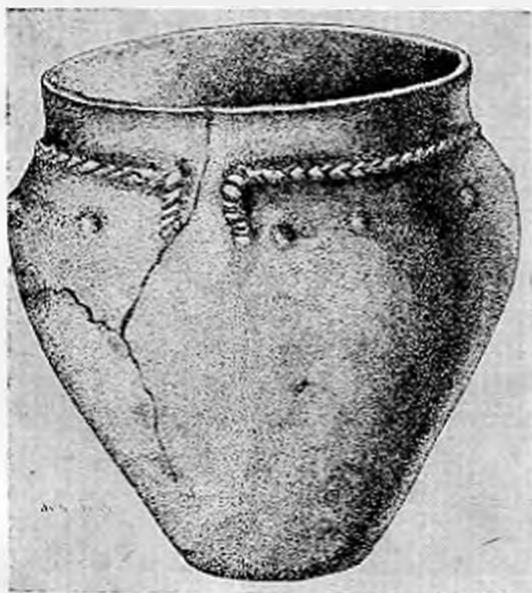

Рис. 61. Землянка № 1, яма № 3.

размеров, носят следы пригоревшей пищи и копоти, и, несомненно, относятся к очажной посуде. Другие же, обычно очень большие, по-видимому, предназначались для хранения как пищевых запасов, так и различных предметов. Среди последних значительный интерес представляют два горшка, найденные в землянке № 1 вкопанными в яму № 3. Эти большие сосуды (один из них на рис. 61) — высота одного из них равнялась 28 см, другого 30 см — совершенно сходны между собою. Они имеют невысокие слегка отогнутые шейки при большом диаметре горла (у первого 26,6 см, у второго — 29 см), округлые, не очень выпуклые бока и относительно небольшое

дно (12,5 и 14 см в диаметре). Шейка первого из них отделена от боков налепным валиком, покрытым тремя рядами косых нарезов. Концы валика не сходятся, а спускаются вниз почти под прямым углом. Ниже валика расположен ряд налепных шишек (10 шт.). Второй горшок онойсан ниже шейки невысоким валиком, покрытым елочным узором, нанесенным незубчатым штампом. Поверхность обоих сосудов сглажена и слегка прилощена.

Большой горшок, найденный в землянке № 6 (рис. 26—1), очевидно, тоже предназначался для хранения. Он сходен с только что описанным сосудом, но имеет слабо выраженную шейку и еще меньшие размеры дна. При высоте 36,7 см диаметр его горла равен 32,5 см, а диаметр дна — 14,5 см. Его орнамент состоит из двух налепных валиков, отделяющих шейку от плеч, покрытых небрежно нанесенным узором в виде косых отрезков, спускающихся по плечам.

Среди могильной керамики посуда таких размеров была встречена только один раз при погребении № 13. Но стоявший у изголовья покойницы большой сосуд все же по форме и по тщательно выполненному елочному орнаменту ближе к могильной посуде. Налепные валики на нем совершенно отсутствуют.

О наличии в хозяйстве значительного количества больших горшков для хранения свидетельствуют отдельные фрагменты этой посуды, а также большие донья с нижней частью стенок, сохранившие первоначальное положение и находясь в нижних слоях землянок. Особенно много их было в землянках № 2 и № 5.

Четвертый тип посуды, встречающийся на поселении относительно редко, и совершенно отсутствовавший среди могильной керамики, представляет собою, по видимому, наиболее позднюю форму развития андроновского горшка. Восстановить сосуд этого типа в более или менее целом виде удалось всего только два раза. Первый из них узкогорлый горшок, найденный у глинобитного очага землянки № 1 (рис. 62). Заостренные края его шейки (диам. 11 см) были сильно отогнуты. По внешней стороне вдоль края тянется налепной бортик. Шейка переходит непрерывно изогнутой линией в очень выпуклые плечи и бока, наибольший диаметр которых равняется 32,3 см. Внизу бока сильно суживаются; небольшое плоское дно имеет в диаметре 10,5 см, при общей высоте сосуда в 31 см. По его плечам расположен орнамент, нанесенный довольно небрежно простым нарезом, часто напоминающим царапины. Узор состоит из одного ряда крупных зигзагов, заключенных между двумя горизон-

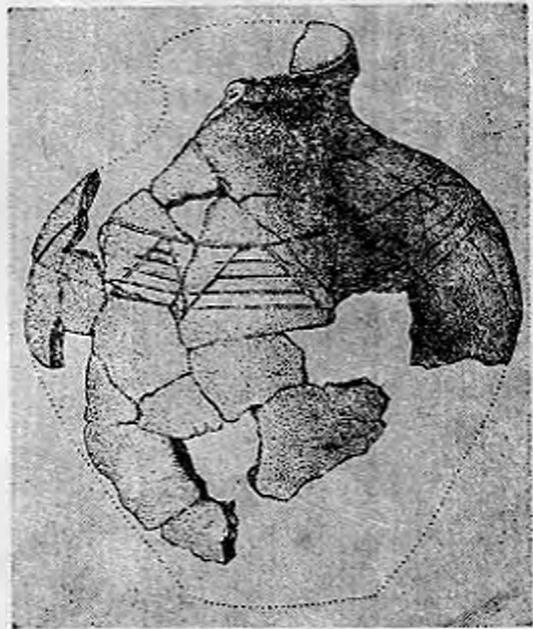

Рис. 62. Землянка № 1, очаг № 1.

тальными линиями, образующими, таким образом, ряд прилегающих друг к другу треугольников, обращенных вершинами то вверх, то вниз.

Возле этого же очага был найден фрагмент второго, тоже узкогорлого сосуда небольших размеров. Третий узкогорлый сосуд был обнаружен в нижних наслоениях культурного слоя землянки № 2. Он тоже довольно грубо выделан и, что особенно характерно для этой посуды, орнаментирован по плечам рядом крупных треугольников. В этой же землянке, в верхних слоях, был найден черепок от малогабаритного узкогорлого сосуда, покрытого по плечам узором в виде треугольничков (рис. 56—11). Подобные узкогорлые сосуды представляют собою не случайное явление в алексеевской керамике. Они развились из существовавших там издавна форм путем постепенного сужения шейки. Об этом процессе свидетельствуют некоторые переходные типы посуды.

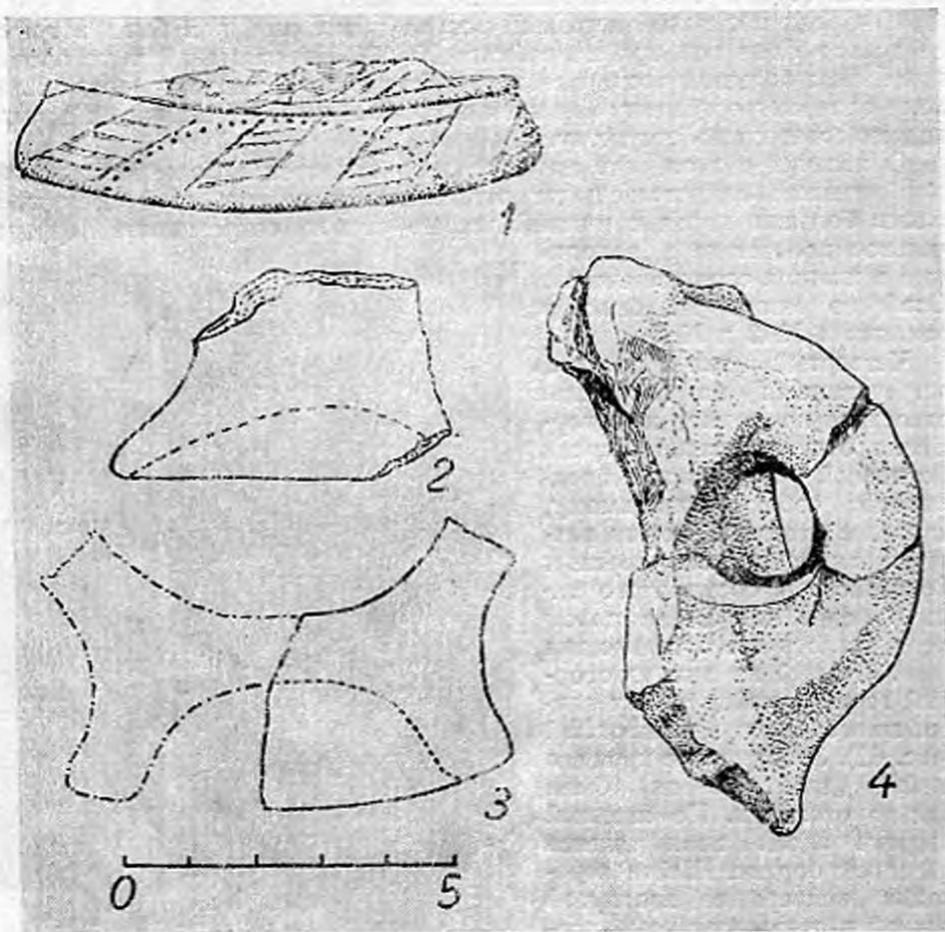

Рис. 63. 1 и 4—землянка № 3, 2—землянка № 6, 3—землянка № 1.

В землянках № 3 (рис. 63—4) и № 6 были найдены обломки прилегающих ручек от сосудов, образующих как бы петлю, и имеющих в сечении овальную или почти круглую форму.

Тахими же единичными находками, как и ручки от сосудов, были фрагменты поддонов, попадавшие среди керамики поселения. Три поддона из землянок №№ 1 (рис. 63—3), 6 (рис. 63—2) и 3 (рис. 63—1), представляют собою уже достаточно выработанные подстажки, позидиному, для кубкообразных сосудов. Возможно, что они получили свое развитие из левысоких ободообразных поддонов, встречающихся в редких случаях на горшках с уступчатым плечом: маленький горшок из погребения № 13 (рис. 54—9), и горшок с жертвенного места № 6 (рис. 52—9).

Остается сказать о некоторых сосудах, найденных в пределах землянок и окружающих их зольниках, оригинальных как по своей форме, так и по орнаментике. Особенно интересен горшок из землянки № 6, найденный в юговосточной части у черного каменного очага (рис. 43). Детали его обработки, изготовление массы для его формовки, обработка поверхности путем лощения, указывают на обычные приемы, применявшиеся при выделке посуды на Алексеевском поселении. Но его своеобразный профиль, придающий ему сходство с колоколовидными круглодонными абашевскими горшками, способ расположения узора по всей его поверхности, тоже напоминающий орнаменту абашевской керамики, выделяет этот горшок из ряда обычной андроновской посуды. При его сопоставлении с колоколовидным сосудом из кургана № 5 погребения № 5 Абашевского могильника⁴⁴ можно заметить, что в том и другом случае для правильного нанесения орнамента по поверхности их были предварительно намечены зарубки, а преобладающим узором являлись пытая и угтые заштрихованные ромбы и метлообразный орнамент. Для достижения сходства дно было округлено, для чего у самого дна были вдавлены две горизонтальных желобчатых полосы. Дно этого сосуда также было покрыто орнаментом в виде креста.

Фрагменты двух сосудов из северного зольника землянки № 1 дают представление о посуде, не встречающей аналогий в андроновской керамике. Один из них, остроресберной формы, покрыт выше ребра горизонтальными широкими желобообразными бороздами (рис. 64). Другой, небольших размеров, от которого сохранился фрагмент, был украшен по плечам крупными округлыми выпуклостями (рис. 55—11).

Интересны два фрагмента сосуда с перевощным орнаментом, найденные в пределах пятой землянки. Как известно, отпечатки черенки очень редки на керамике позднебронзовой эпохи Поволжья и Сибири. И в срубной, и в андроновской культурах они встречаются единицами. К этим пока исключительным случаям относятся оба фрагмента из землянки № 5 (рис. 60—7, 8). Техника их выработки, а также некоторые детали орнамента, как, например, валик,

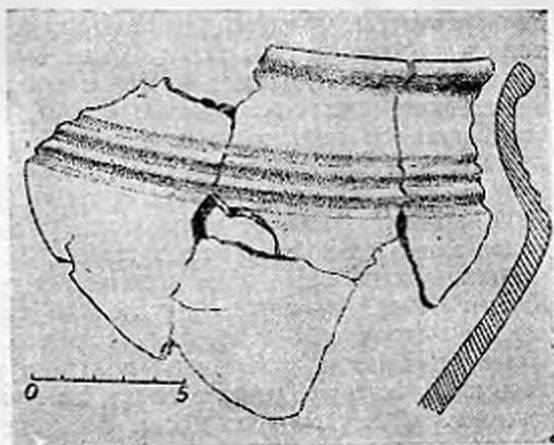

Рис. 64. Землянка № 1.

отделяющий шейку от плеч, роднят их с алексеевской керамикой, но почти прямые шейки при шарообразно округлых плечах и боках делают эти сосуды совершенно несхожими с андроновской посудой. Это подчеркивается узором, необычным для андроновской керамики, представляющим собою тесно расположенные ряды косых отрезков, чередующихся с зигзагами, по которым расставлены крупные ямки с горизонтально заштрихованными треугольниками и, наконец, с параллельными линиями, нанесенными отпечатками веревки. Этим двух фрагментам, свидетельствующим о существовании какой-то новой, довольно устойчивой формы керамики, в настоящее время трудно подобрать аналогию. Попытки сблизить их с карасукской керамикой можно считать неудачными. Орнаментака этих сосудов совершенно несходна с карасукской, а отсутствие черенков от дна не дает возможности восстановить их полный профиль и сопоставить их с шарообразными, круглодонными или плоскодонными формами карасукской керамики.

Переходя к описанию технических приемов изготовления посуды Алексеевского культурного комплекса, надо заметить, что, как в окрестностях поселения, так и на значительном расстоянии вверх и вниз по Тоболу, совершенно отсутствуют выходы глины, пригодной для гончарного дела. Местные гончары для изготовления посуды привозили глину из мест, расположенных за 50 километров. Таким образом, по имеющимся данным невозможно определить, какой именно глиной пользовалось население Алексеевских землянок для изготовления своей посуды.

Изучение керамики культур бронзовой эпохи показало, что масса, приготовленная для лепки посуды, в большинстве случаев была плохо промешана. То же явление наблюдается и на керамике Алексеевской стоянки. Большинство сосудов сделаны из глины, не представляющей собою однородной компактной массы. Обычно они расслаиваются и крошатся. При изготовлении пластической массы широко употреблялись различные примеси для ее отощения. Одной из наиболее употребительных примесей был тальк. В некоторых случаях он применялся в таком большом количестве, что с внешней стороны сосуд производил впечатление сделанного не из глины, а из талька. Отдельные куски этой примеси найдены в землянке № 1. Там же, недалеко от талька, лежали в кучке обыкновенные речные раковины, которые в толченом виде тоже служили примесью к глине. Около 45% керамики землянки № 1 и окружающих ее землянок было сделано из глины с более или менее значительной примесью талька, 30% падает на примесь толченой раковины, остальные 25% черенков и горшков имели другие примеси. К ним относятся крупный и мелкий песок, слюда и шамот. Примесь слюды встречается относительно редко. Примесь шамота содержится, главным образом, в керамике позднего типа, обнаруженной на поселении, и значительно реже в глине, из которой была сделана посуда могильника и жертвенного места. Возможно, что этот технический прием распространился с новыми формами посуды, так как в Причерноморье примесь шамота встречается именно в керамике с налетными валиками и отогнутой шейкой в поздних поселениях бронзовой эпохи.

При лепке андроновской, в частности алексеевской, посуды применялась широко распространенная в бронзовую эпоху так называемая ленточная техника, когда весь сосуд формировался из отдельных слоев глины, прижатых один к другому. На существование этого способа формовки сосудов на Алексеевском поселении указывают много-

численные черепки, да и некоторые целые горшки, распавшиеся по краю лент (например, горшок с жертвенного места № 29). Остановившись подробно на описании ленты горшков ленточным способом не следует, так как она ничем не отличается от общезвестной ленты хотя бы грубой керамики, наиболее близкой андроновской. Здесь же надо отметить другой технический прием изготовления андроновской посуды. Следы этой техники хорошо заметны на горшке, найденном в разбитом виде близ землянки № 1, недалеко от углистых куч (рис. 52—20). Это островерхий горшок средних размеров, вылепленный из глины с большой примесью толченых раковин. Вся поверхность горшка ниже ребра разделена на четыре орнаментальных пояса, из которых три верхних заполнены рядами заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вниз, в противоположность нижнему ряду, треугольники которого обращены вершинами вверх. По плечу выше ребра оставлено свободное от орнамента поле, по прямой же шейке, резко отделяющейся от плеча, тоже нанесен ряд заштрихованных треугольников. Как по форме (это островерхость особенно подчеркнута), так и орнаменту горшок отличается от всех сосудов могильника и стоянки, так как на алексеевских горшках обычно для нанесения сплошного орнамента применялись зигзаги, часто переходящие в елочный узор. Интересно, что и дно горшка тоже орнаментировано крестообразным узором, встречающимся в отдельных случаях почти по всем большим коллекциям андроновской посуды. Такая орнаментация дна в алексеевском комплексе керамики встречена еще два раза, на горшках №№ 15 (рис. 52—19) и 22 (рис. 52—8) с жертвенного места. На внутренней поверхности горшка, на дне и на боках, до половины его высоты хорошо заметны отпечатки ткани (рис. 29). Эта ткань, род грубого репса, была соткана из шерстяных ниток и имела толстую основу и толстый уток. По дну горшка ткань располагалась совершенно нормально: нити основы и утка лежали под прямыми углами. На боках же, особенно в некоторых местах, ткань была сильно вытянута, как будто натянута на что-то твердое. Это могло произойти только в том случае, если при формовке горшка глина накладывалась на твердую болванку, обтянутую тканью. Не исключена возможность, что при подобной лентке глина накладывалась отдельными горизонтальными лентами, т. е. лентами. Очевидно, болванка имела форму баночного сосуда. На приотделенном таким образом горшке и шейка, и плечи естественно должны были наделаться позднее; иначе невозможно было бы снять с болванки готовый сосуд. Какую же роль при этом процессе играла ткань? Ею, как уже отмечалось, была обтянута болванка, и при отсутствии ткани невозможно было бы отделить от нее уже подсохшую и плотно прилипшую глину. С тканью же вместе глина оплывала свободно, а оторвать ткань от внутренней поверхности горшка не представляло уже затруднения. После отделения сосуда от болванки внутренняя поверхность его подвергалась дальнейшей обработке. Гончар пытался удалить отпечатки ткани путем заглаживания поверхности зубчатым штампом. Об этом свидетельствует легкая штриховка, след штампа, которой покрыта верхняя половина внутренней поверхности сосуда. Ниже, вероятно, по небрежности, остались отпечатки ткани.

О том, что подобные приемы выделки сосудов на Алексеевском поселении были довольно устойчивы и не ограничивались приведенным примером, свидетельствуют многократные находки черепков с отпечатками различных тканей на их внутренней поверхности.

Уже было упомянуто о применении зубчатого штампа при обработке поверхности сосудов. Этот прием, весьма обычный в культурах Восточной Европы — ямной, катакомбной и срубной, в андроновской культуре применялся относительно редко. Поверхность посуды алексеевского культурного комплекса подвергалась простой замывке подою и реже — лощению по внешней поверхности. На богато орнаментированных горничках лощение выполнялось с особой тщательностью. В некоторых случаях между отдельными участками орнамента были вылощены очень узкие полоски. Это явление само по себе указывает на то, что орудие, которым производилось лощение, должно было быть небольших размеров. Изучение поверхности лощеной керамики привело к тому же заключению. Отдельные штрихи, оставленные лощилом, были обычно небольшие и очень узкие. Все эти наблюдения нашли прямое подтверждение в находках каменных лещил в большем или меньшем количестве почти

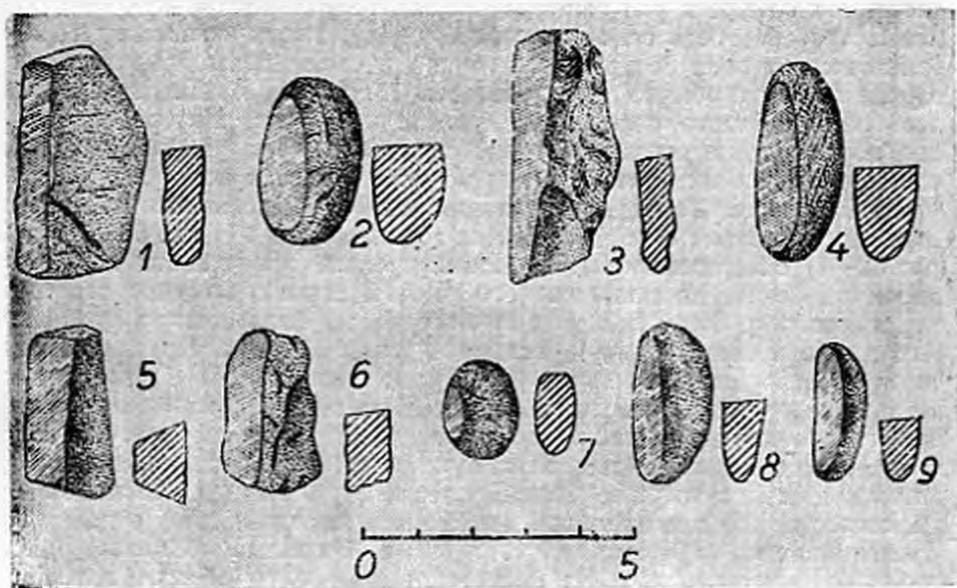

Рис. 66. Землянка № 5.

во всех землянках поселения (рис. 65). Особенно много их было обнаружено в нижних слоях землянки № 5, где они попадались единицами и отдельными кучками, по три и по четыре штуки. В этой землянке всего их было найдено 59 штук. Такое обилие лещил кажется особенно удивительным в связи с тем, что культурный слой землянки № 5 был очень слабо насыщен остатками керамики, особенно лощеной. В землянках № 1 и № 2 лещила встречались довольно часто (в землянке № 1 их было найдено 15 шт., в землянке № 2—25). Зато в землянке № 6, несмотря на наличие лощеных черепков и целых горничков, выработки такого рода посуды, по-видимому, занимались мало, так как в ней было встречено всего только пять лещил.

Большинство лещил представляло собою круглую или овальную гальку размером от 1,2 см до 4 см. Подобные гальки во множестве встречаются на берегу Тобола поблизости от стоянки. С одной узкой

стороны лощила были пришлифованы; степень стертости зависела от большего или меньшего применения орудия. Некоторые гальки только слегка зашлифованы сбоку, другие стерт почти до половины. Иногда на гальках заметны небольшие сколы, нанесенные предварительно для уплощения одной поверхности гальки. Такие гальки находятся в одних кучках с лощилами и их можно считать заготовками для лощил. Иногда вместо овальных и округлых галек лощила приготавливались из камней в виде плоских плиточек.

Подобные лощила, сделанные из небольших камней и галек, встречены нами впервые в землянках Алексеевского поселения, а потому, в настоящее время затруднительно привести им достаточно близкие аналоги.

Нанесение орнамента на посуде Алексеевской стоянки и могильника в большинстве случаев производилось зубчатым и незубчатым штампом и нарезом. Сложные узоры на лощеных горшках с уступчатым плечом обычно наносились мелкозубчатым штампом. Для выполнения простого орнамента чаще применялся штамп с зубцами средних размеров. Отпечатки же крупнозубчатого штампа, столь обычные на керамике срубной культуры, как на Алексеевской посуде, так и вообще в андроновской культуре, встречаются относительно редко. За все время раскопок не удалось найти ни одного орудия для нанесения орнамента такого рода и выяснить, из какого материала делались штампы. Повидимому, для выделки тонких и мелких штампов употреблялась кость, как материал легко поддающийся тонкой обработке. Почти полное отсутствие изогнутых дугообразно штампов свидетельствует о том, что штампы не выделывались из роковины.

При нанесении орнамента одним и тем же штампом применялись различные приемы. Кроме обычных вдавлений штампа, бывают случаи, когда линия узора образуется широкой полосой (до 1 см шир.), получаемой в результате проведения гребенчатого штампа по еще сырой поверхности глины (рис. 58—2 и 3). При этом иногда вдавления штампом бывают настолько глубокими, что на внутренней поверхности сосуда получаются выпуклости, соответствующие полсам орнамента.

Нередко встречаются ряды углубчатых вдавлений, нанесенных прямым углом незубчатого или зубчатого штампа. В последнем случае по одной стороне уголка бывают заметны отпечатки мелких зубцов (рис. 25—8). Различные комбинации подобных уголков иногда входят в состав довольно сложных узоров (рис. 25—9, 10; 55—3; 57—3, 7).

Орнамент, выполненный нарезом, тоже бывает разнообразен. В некоторых случаях аккуратно нанесенный нарез напоминает по внешнему виду незубчатый штамп; в других же случаях нарез бывает похож на небрежные царапины, как, например, на узкогорлом горшке, найденном близ первого очага землянки № 1.

Кроме этих основных приемов нанесения орнамента, следует указать на относительно редкие случаи ямочного орнамента, нанесенного или палочкой с закругленным концом, или острием (рис. 55—9, 57—9). Особый интерес представляют собою налепные валики, которые обычно встречаются на посуде, обнаруженной во всех землянках поселения. В большинстве случаев эти валики представляют собою полоску почти треугольную в разрезе, примазанную к поверхности сосуда. Такие налепные валики бывают хорошо заметны в изломах черепков и на полуразрушенных поверхностях горшков. Реже попадаются низкие ненаlepные валики, внешне мало отличающиеся от налепных.

Вся посуда Алексеевского поселения и могильника, повидимому, была обожжена просто на открытых кострах. Равномерно и достаточно хорошо прокаленная керамика встречается редко. В большинстве случаев, особенно в изломах, заметна разная окраска поверхности и основной массы глины. Обычно цвет поверхности на глубину, редко превышающую 1 миллиметр, желтоватый и красноватый, а основной массы глины — темносерый и черноватый. Это объясняется только недостаточной прокаленностью стенок сосуда, происходящей от неравномерного и слабого обжига.

На Алексеевском поселении значительно чаще, чем на других поселениях бронзовой эпохи, встречались случаи починки разбитой посуды, причем приемы этой починки были довольно разнообразны. Как на поселении, так и в могилах и на жертвенном холме были найдены горшки с глубокими трещинами, скрепленные при помощи узких бронзовых пластинок. Для этой цели по обе стороны трещины просверливались дырочки, в которые и пропускались концы пластины, а затем загнались на внутренней стороне (рис. 53—14, 18)⁴². Подобный способ починки посуды до сих пор практикуется у среднеазиатских народов. Черепки фаянсовой посуды просверливаются по краю рядами дырочек, а затем как бы сшиваются медной проволокой или пластинками. Интересно, что сверление в таких случаях производится при помощи сверла с лучковой передачей.

Выврошившиеся поверхности на двух горшках с жертвенного места были аккуратно замазаны глиной (рис. 52—12 и 14), а на третьем было заново вмазано выбитое дно. При этом глина горшка и глина замазки были совершенно разнородны по составу, так как последняя содержала значительно большую примесь талька. Повидимому, все три горшка с позднейшей подмазкой подвергались дополнительному обжигу, так как инкрустированные части всегда носят следы прокаленности.

Кроме посуды в состав керамики Алексеевского поселения входят следующие немногочисленные предметы. Небольшая глиняная льячка (дл. 7 см) из землянки № 1 в виде глубокой ложечки или черепка (рис. 32—1) и фрагмент другой более крупной льячки из землянки № 3 (рис. 32—2). Первая льячка снабжена глиняной ручкой, а край ее отогнут в виде желобка.

Во всех землянках в большом количестве были найдены кружочки более или менее правильной формы, сделанные из черепков глиняной посуды (рис. 66). Края их небрежно отбиты, или шлифованы. Такие

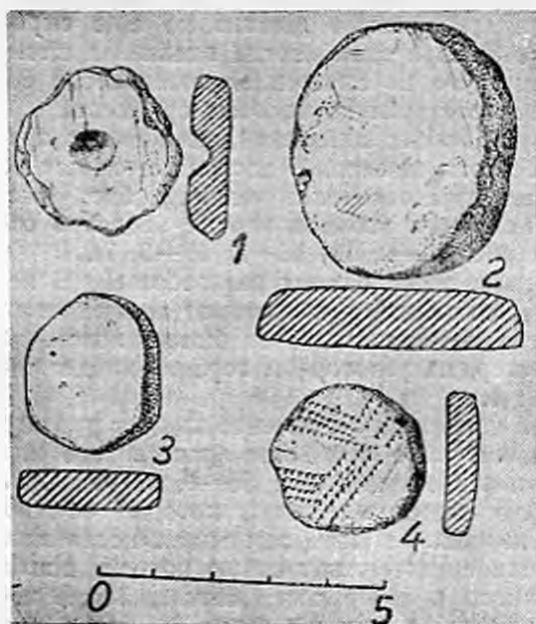

Рис. 66. Землянка № 5.

кружочки можно встретить в самых разнообразных культурах вплоть до настоящего времени, где они употребляются для игры, подобно игре в камушки. Повидимому, в древности они имели то же назначение.

Кроме этих небрежно выделанных кружочков было найдено несколько хорошо пришлифованных кружочков со сверльной в центре. Сверлина всегда цилиндрической формы. Эти предметы, повидимому, предназначались для прядения в качестве пряслиц для веретен. Кроме пряслиц из черепков, один раз (в землянке № 1) был найден фрагмент лепного пряслица цилиндрической формы с цилиндрическим же отверстием. Отверстие было проткнуто еще в сырой глине и в диаметре (0,8 см) равно сверлинам на пряслицах, сделанных из черепков, но пропорции лепного пряслица другие: его диаметр равен 2,8 см при высоте 2,3 см. Очевидно, оба типа пряслиц употреблялись одновременно. Так же как и на стоянках срубной культуры лепные цилиндрические пряслица встречаются наряду с приготовленными из черепков. Диаметр всех кружочков разнился 3—4 см. Исключением является большой, хорошо пришлифованный кружок (рис. 21) со сверлиной в центре из ямы № 103 землянки № 1, диаметр которого равен 12,2 см. Назначение этого предмета неясно.

Непонятно также назначение маленького шарика из обожженной глины diam. в 2 см, найденного в яме № 8 той же землянки.

В землянке № 6 был найден предмет из обожженной глины в форме несколько сплющенного конуса. Один сужающийся конец этого предмета был обломан. Назначение его определить затруднительно.

В конце перечисления предметов, сделанных из глины, необходимо упомянуть о двух черепках очень толстостенного сосуда (1,6 см в изломе), сделанного из глины с большой примесью гальки. Оба черепка были использованы для непонятных целей, причем каждый из них был сильно пришлифован в изломе. О первоначальном назначении этого сосуда судить по черепкам трудно, но можно предположить, что они являются обломками тигля, не бывшего в употреблении, о чем свидетельствует полное отсутствие шлакировки его поверхности.

VII. Хронология

Если профиль сосуда с уступчатым плечом является одним из основных критериев выделения западного варианта андроновской культуры, то для могильников восточного района ее распространения на Бнисее и на Алтае характерна посуда с непрерывно изогнутой линией профиля, при котором ничем не отделяющаяся шейка непосредственно переходит в округлые бока. В большинстве случаев эта посуда более массивна и не имеет той четкой законченности пропорций, которой обладают горшки с уступчатым плечом западного варианта. Но возникает вопрос, всегда ли и в западных районах андроновской культуры эта посуда имела такие совершенные формы, и не является ли этот тип горшков не столько территориальным вариантом, сколько признаком более позднего времени. Недостаточное количество исследованных могильников не позволяет до настоящего времени принимать окончательные обобщающие выводы. Все же мы располагаем некоторым материалом, дающим возможность судить об этом, хотя бы предположительно.

Здесь имеется в виду керамика Кожумбердынского могильника⁴⁶, которая состоит из семи целых (склеенных и заглазованных) сосудов и

черепков от восьмого сосуда, дающих достаточное представление об его форме. Все они хорошо сделаны, имеют гладкую лощеную поверхность и тщательно выюлненный сложный орнамент, нанесенный незубчатым и мелкозубчатым штампом. Орнамент расположен двумя поясами

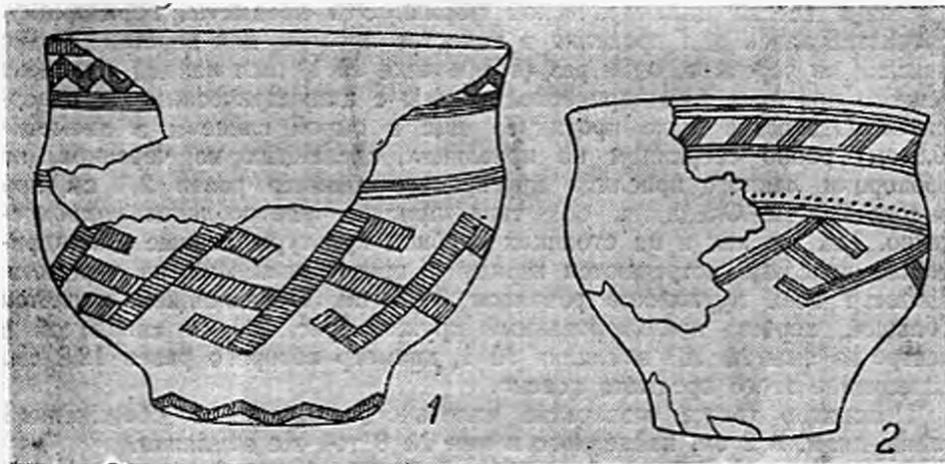

Рис. 67. Кожумбердынский могильник. 1—кольцо Д, погреб. № 2; 2—Кольцо Ж.

на шейке и на плечах и иногда спускается довольно низко, покрывая весь корпус сосуда почти до самого дна (сосуд из могилы № 2, кольцо Д, рис. 67, 1). Почти на всех сосудах наблюдается зональное расположение орнамента. Совершенно не орнаментированы только два горшка (кольцо Б и кольцо Д, могила 1, рис. 68—1 и 2). Таким образом,

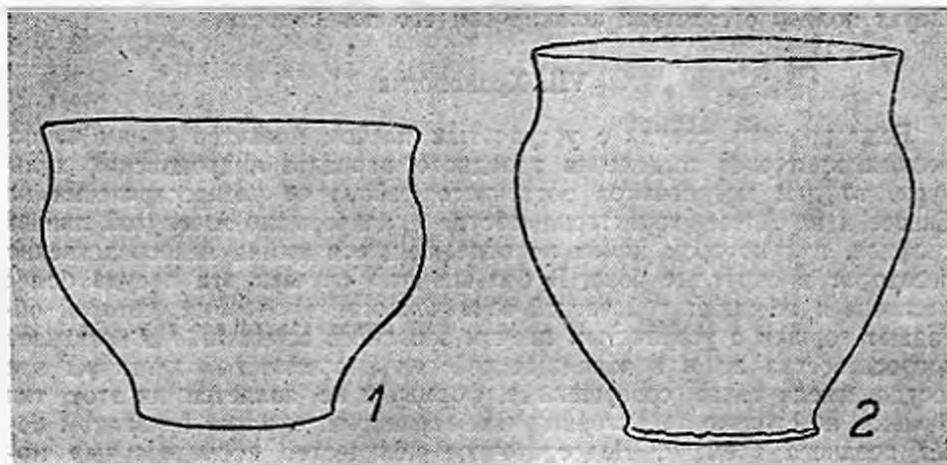

Рис. 68. Кожумбердынский могильник. 1—кольцо Б; 2—кольцо Д, погребение № 1.

общий принцип орнаментации Кожумбердынского и Алексеевского могильников сходен. И все же керамика первого имеет существенные от-

личия, позволяющие относить его к более отдаленному времени, чем Алексеевский культурный комплекс. Основное отличие заключается в форме горшков, в особых их пропорциях и профиле. Правда, линия профиля четырех сосудов (рис. 69) довольно близка к профилю гор-

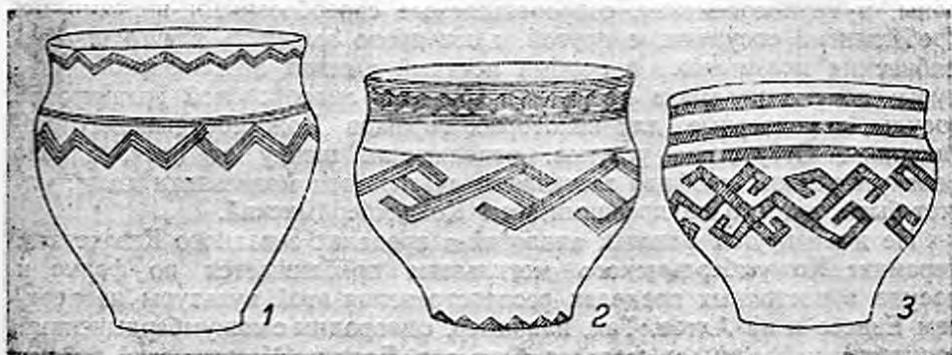

Рис. 69. Кожумбердынский могильник. 1—кольцо Д, погреб. № 2
2—кольцо А. 3—кольцо Д.

шков с уступчатым плечом. Черепки одного из них (рис. 70) дают полное представление о почти прямой шейке, отделенной от плеч вполне четко выраженным уступом. Еще более это сходство подчеркнуто на

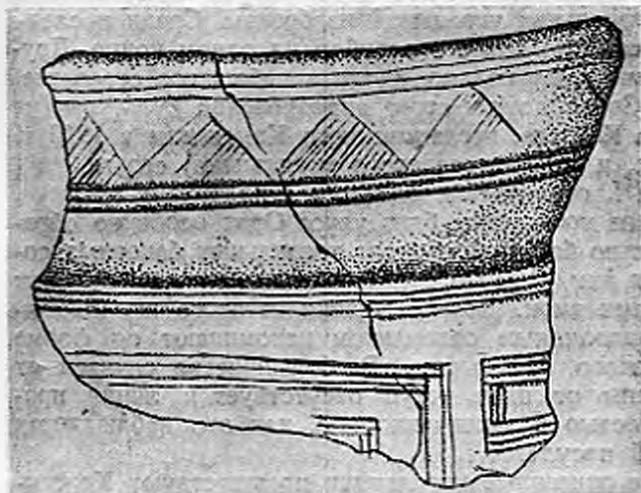

Рис. 70. Кожумбердынский могильник. Кольцо Е.

трех целых сосудах (рис. 69), где не только шейка и уступ, но и изгиб боков напоминают лучшую посуду из Алексеевского могильника. Но все же и эти сосуды отличаются от алексеевской керамики своими пропорциями: два из них (рис. 69—2 и 3) значительно шире и приземистее. Эта массивность еще более подчеркнута на других горшках (рис. 67). Их как бы раздутые бока нависа-

ют над почти выпрямленными у дна стенками; при этом их шейки ничем не отделены от плеч, так как уступ или отсутствует, или почти отсутствует. Таким образом, переход от шейки к плечам образует в профиле изогнутую кривую. Наличие подобного типа посуды дает возможность выделять Кожумбердынский могильник из других западных могильников андроновской культуры, как более древний памятник. Из всего большого ряда посуды Алексеевского могильника ближе

всего к ней подходят по формам и расположению орнамента два горшка из погребения № 4 (рис. 54—2 и 3).

К тому же периоду, что и Кожумбердынский могильник, относятся некоторые курганные могильники в окрестностях Челябинска⁴³. Захоронения в курганах, не обложенных каменными кольцами, с одной стороны, и трупосождения, сопровождаемые своеобразными низкими погребальными сосудами, с другой, дают право выделить эту группу челябинских могильников в особый местный вариант андроновской культуры; но его керамика носит все признаки андроновской архаической посуды, характерные для некоторых горшков Кожумбердынского могильника. Отсутствие уступов, отделяющих шейку от плеч, плавно изогнутая линия профиля заставляют считать эти могильники даже, может-быть, еще более древними, чем Кожумбердынский.

Не имея других близких аналогий в пределах западного Казахстана, керамика Кожумбердынского могильника приближается по форме к посуде в восточных пределах распространения этой культуры на верховьях Енисея и на Алтае. Так, например, однородны с кожумбердынскими сосудами, найденные в могилах близ сел. Батопы (Микулинский район), на песчаных выдувах «Ярки»⁴⁴; при этом особенно характерен сосуд из могилы № 35; его раздутые широкие бока, нависающие над почти прямыми стенками нижней части сосуда, у дна, делают его сходным с сосудом из могилы № 2 кольца Д Кожумбердынского могильника.

К этому же времени, а, может-быть, к еще более раннему, относится могильник близ улуса Орак I, исследованный Г. П. Сосновским в Ачинском районе⁴⁵. Коллекция из этих раскопок, неизданная до настоящего времени, хранится в Гос. Эрмитаже и МАЭ и состоит из значительного количества горшков и нескольких украшений из бронзы. Среди последних находятся серьги в виде кольца с раструбом на одном конце. Другой заостренный конец замыкает кольцо, входя в небольшое отверстие, сделанное на раструбе. Среди других серег андроновской культуры (из могильника близ Малого Койгаса, исследованного Каменским в 1910 г. в б. Семипалатинской обл., и из Алексеевского могильника) серьги, найденные близ улуса Орак I, относятся к наиболее отдаленному времени. При изучении керамики из могильника близ улуса Орак особенно обращает внимание относительно большой процент правильных баночных сосудов и форм, близких к ним. Обычно они украшены простым елочным орнаментом, иногда рядами ямок. Другие горшки из этого же могильника с прекрасным меандронным орнаментом напоминают по форме керамику Кожумбердынского могильника. В большинстве случаев их шейки ничем не отделены от плеч, уступ отсутствует и линия профиля не обладает строгостью и законченностью, как это наблюдается на относительно поздней посуде.

Если принять, что все описанные могильники предшествуют Кожумбердынскому или близки ему по времени, а он, в свою очередь, предшествует Алексеевскому, то последует вывод, что в древнейший период своего существования андроновская культура обладала более или менее однородной керамикой на всем своем протяжении от Енисея до Оры и Урала. В дальнейшем, вероятно в последней четверти II тысячелетия до н. э., в восточных пределах культуры нормальный ход развития керамики был нарушен появлением извне казасукской круглодонной посуды, о чем подробнее будет изложено ниже. Но как распространение, так и влияние этой культуры охватывало, главным образом, бассейн верхнего Енисея, Алтай и восточные области Казахстана. Уже

в пределах Карагандинской области карзуская керамика встречается в сильно видоизмененных формах и почти вся плоскодонная⁴⁰. Далее же к западу она вообще не встречается. Здесь, в бассейне верхнего Тобола, Урала и Ори, в это время продолжается естественный ход развития андроновской культуры. При этом андроновские горшки древнейшего типа, представленные Кожумбердынским могильником, постепенно видоизменяясь, приобретают стройные законченные пропорции, появляется уступ, отделяющий шейку от плеч, все более и более подчеркивается зональное расположение орнамента.

Наряду с этой посудой продолжает жить, почти не изменяя своей формы, исконная керамика андроновской культуры,—простые баночные горшки. Такое сосуществование двух основных типов андроновской посуды, а также разнообразие средних форм прослеживается с самого начала ее развития из остродонной керамики.

Все стадии формирования плоского дна можно проследить на развитии катакомбной керамики из остродонной ямной, а также на примерах образования баночных сосудов полтавкинской и срубной культуры из остродонной керамики средневожского варианта ямной культуры. Еще с большей четкостью прослеживается развитие баночной плоскодонной посуды на материале поздних погребений афанасьевской культуры.

Рассмотрим такой же процесс на территории Минусинского края и Алтая со времени афанасьевской культуры, известной по теперь уже многочисленному могильному материалу.

Афанасьевская культура охватывает приблизительно тот же период развития, как и ямная и катакомбная культуры Придонья и левобережного Приднепровья. Но в то время как в Восточной Европе этот период делится на две обособленные ступени: ямную культуру с остродонной керамикой и катакомбную культуру с плоскодонной⁴¹, в афанасьевской культуре остродонная и круглодонная посуды до конца ее существования. Преобладающей и, вероятно, исконной формой этой посуды является остродонный горшок. В последней фазе развития афанасьевской культуры, которая уже достаточно освещена археологическими исследованиями, кроме остродонной, значительное место занимает круглодонная керамика разнообразных форм и размеров. По внешнему виду она соответствует катакомбным сосудам с относительно большими, широкими, как бы раздутыми боками и округлыми плечами. Однако во всех пока известных случаях эта афанасьевская посуда остается круглодонной, в то время как катакомбная керамика представляет собою уже вполне развитую форму горшка с установившимся плоским дном.

Развитие плоского дна в афанасьевской керамике идет по другому пути и приводит к появлению совершенно нового типа посуды. Здесь появление плоского дна связано прежде всего с преобразованием остродонного яйцевидного сосуда в обыкновенный баночный горшок. Этот процесс почти полностью проходит и заканчивается в пределах афанасьевской культуры, где наряду с остродонными входят в употребление горшки с уплощенным (по С. А. Теплоухову—с «приплюснутым») дном, и совершенно плоскодонные, непосредственно происшедшие от первых. Однако эти последние, как и древнейшая катакомбная посуда, часто сохраняют орнаментированное дно. Очевидно, человек не сразу мог привыкнуть к этой части сосуда, как к чему-то обособленному, потерявшему значение постоянно видимых боков. Сосуществование плоскодонной и остродонной керамики в афанасьевских могильных комплексах встречается неоднократно. Примером может служить инвентарь могилы

VI Афанасьевского могильника²², где с четырьмя остродонными яйцевидными сосудами были поставлены один круглодонный сосуд и одна баночной формы с плоским дном. Другой баночный сосуд с орнаментированным дном стоял в могиле VIII того же могильника.

Подобные же явления наблюдаются и на Алтае, о чем свидетельствуют исключительно интересные находки С. В. Киселева в могильнике афанасьевской культуры близ аула Курота²³. Здесь в одних комплексах с обыкновенными остродонными горшками стояли два плоскодонных горшка. Один из них почти полностью сохраняет очертания яйцевидных сосудов с отогнутой под углом шейкой, но имеет небольшое плоское дно. Другой же представляет собою баночный горшок с вполне выработанным плоским дном относительно большого диаметра. И этот горшок сохраняет профиль верхней части обычных остродонных сосудов без шейки. Оба эти горшка, отличные друг от друга по форме, указывают на то, что уже в афанасьевской культуре, наряду с баночными сосудами, вырабатываются и другие типы плоскодонной посуды.

Недостаточно обследованные западные районы андроновской культуры не дают пока материала, позволяющего проследить весь путь развития древнейшей керамики и образования плоского дна на западе. Однако по отдельным отрывочным данным можно предположить, что на верхнем Тоболе андроновской культуре непосредственно предшествовала другая культура, с нею связанная генетически. Скучный материал развешенных дюнных стоянок далеко недостаточен для характеристики этой культуры, но если при дальнейшем изучении ее эти предположения подтвердятся, то вопрос о западном происхождении андроновской культуры и о ее появлении в Минусинском крае в результате продвижения с запада на восток получит новое освещение.

В древнейших андроновских могилах на территории Минусинской котловины значительный процент керамики состоит из баночных горшков, близких по форме плоскодонной посуде предшествующего периода. Дно некоторых из них тоже покрыто орнаментом. Особенный интерес представляет собою один баночный горшок, плоское дно которого покрыто орнаментом, являющимся непосредственным продолжением рядов ямок, покрывающих бока сосуда²⁴. Во всех же остальных известных нам случаях орнамент дна представляет собою узор, так или иначе расположенный крестообразно. Такая традиция орнаментации дна оказалась устойчивой на всем протяжении андроновской культуры. В отдельных, правда, редких случаях можно встретить эти крестообразные узоры в весьма поздних андроновских комплексах. Так, например, среди многочисленных горшков Алексеевского поселения и жертвенного места три обладают подобным же орнаментом на дне (рис. 52—18, 19, 20). При определении относительной древности андроновских могильников необходимо учитывать общее количество простейших форм баночной посуды в составе их керамики. Таким образом, одним из основных признаков, позволяющих относить могильник близ аула Орак к древнейшему периоду андроновской культуры, является многочисленная баночная посуда, сохранявшая древние формы и орнаментацию.

К такому орнаменту андроновской керамики, сохранявшему традиции предшествующей стадии развития, несомненно, надо отнести елочный орнамент, особенно составленный из вертикальных зигзагов, образованных из рядов косых отрезков, покрывающих всю или почти всю поверхность сосуда. Сюда же, повидимому, относятся однородные ряды ямок и черточек, столь обычных на афанасьевской керамике. Меандровые

узоры, заштрихованные ромбы, треугольники и целые полюсы получили свое начало и развитие уже в пределах андроновской культуры.

Как уже было сказано, в восточных районах андроновская культура в чистом виде довольно рано закончила свое существование. Уже в последней четверти II тысячелетия до нашей эры на Енисее и на Алтае ее сменила карасукская культура.

Изучение культур бронзовой эпохи юговосточной Европы, Сибири и Казахстана приводит к заключению, что при нормальном ходе развития андроновская керамика Минусинского края должна была бы пройти тот же путь, что и керамика близкой и родственной ей срубной культуры. Действительно, в западных пределах андроновской культуры это наблюдается полностью: здесь андроновская посуда проходит все стадии развития плоскодоного горшка вплоть до узкогорлых сосудов с крутыми широкими боками и небольшим диаметром дна. В дальнейшем изложении этот процесс развития посуды будет рассмотрен подробнее. В Минусинском крае он, несомненно, был нарушен появлением карасукской керамики, круглодонной и почти сферической.

Работы С. В. Киселева вполне убедительно показали, что карасукская культура проникла в Минусинский край из пределов Северного Китая. Повидимому, это проникновение совершалось постепенно. Совершенно несомненно, что оно было связано с появлением на Енисее и на Алтае нового населения, что можно считать вполне доказанным антропологическими исследованиями Г. Ф. Дебеца, который установил признаки монголоидности, отличающие карасукских покойников от европеоидных андроновских. Развиваясь на новой почве, пришедшая карасукская культура, вероятно, постепенно расширяла свою территорию, пришельцы смешивались сaborитенным населением и частично воспринимали старые формы материальной жизни. Этим и объясняется наличие отдельных элементов андроновской керамики в карасукской посуде.

Почти все формы карасукских орудий и украшений отличаются большим своеобразием, как, например, коленчатые ножи и трехлопастные привески для кос. Коленчатые ножи находят прямые аналоги только в культурах бронзовой эпохи Китая. Для изготовления карасукских украшений почти исключительно применялось литье, в то время как почти все украшения андроновской культуры — кованные и чеканные. Эта сложная техника в западных районах культуры сохраняется до позднего времени.

Этапы развития андроновской культуры в западных районах, на Урале и на Тоболе, в частности, определение времени Алексеевского поселения, могут быть прослужены только при постоянном сопоставлении с развитием срубной культуры в Восточной Европе и особенно в соседних областях Поволжья. Ее границы с андроновской культурой прослеживаются несколько западнее Чкалова, о чем свидетельствуют, с одной стороны, многочисленные находки в его окрестностях памятников андроновской культуры, с другой, наличие поселения срубной культуры на границе бывшей Самарской и Оренбургской губ. Поселения и курганы этого типа распространяются вплоть до Уральска, что мы видим по разведкам в его окрестностях А. И. Тереножкина (1932 г.) и по материалу Уральской экспедиции Саратовского областного музея (1925 г.)⁵³ Северные границы срубной культуры в Поволжье доходят до южных пределов Татарской республики, где в Маклашеевском могильнике встречены погребения с керамикой этой культуры⁵⁴. Западные границы срубной культуры уходят далеко за пределы Поволжья и достигают право-

бережья нижнего Днепра. На всем этом протяжении срубная культура объединена совершенно однородными основными формами керамики, образующей в отдельных случаях некоторые местные варианты²⁷, и более или менее однородным обрядом захоронения в срубках или в простых грунтовых и впускных ямах.

Изучение срубной культуры во всех ее территориальных вариантах привело к заключению, что весь период ее развития можно подразделить на две основные стадии. Особенно четко эти стадии прослеживаются в Поволжье, где развитие этой культуры с начала ее возникновения и вплоть до поздних периодов не было ничем нарушено. К первой стадии относятся многочисленные поселения, особенно хорошо изученные в Куйбышевской и Саратовской областях. Из числа коллекций, собранных на поселениях бронзовой эпохи и хранящихся в местных музеях, большинство относится именно к этому времени. Так, по материалам Куйбышевского музея (№№ стоянок дальние даны по описям этого музея) к первой стадии можно отнести следующие древние поселения: культурные слои близ Егорьевска и с. Сопляжи. Наличие кружкового орнамента (в Егорьевске) и отпечатков перевитой веревки (в обоих поселениях) заставляет относить их к древнейшему периоду развития культуры, что подтверждается значительным количеством кремневых орудий и пряслицем с биконическим сверлением, распространенным в эпоху катакомбной культуры. Кроме этих двух поселений к первой же стадии принадлежат Солонцовское и Хрящевское, Малая Глушица и стоянка у кирпичного сарая, против поворота железной дороги к ст. Безымянке (нижний слой), селище Сорочинское, хутор Гуров, близ сел. Державина, ст. Урень, с. Исаклы и культурный слой между Колокольцовкой и Буянами, три культурных слоя (№№ 11, 15 и 18) на Крестовом городище и два между с. Ягодным и с. Хрящевкой (слои №№ 2 и 3), близ с. Кундурги (культурные слои №№ 32 и 33), Елоховый куст, Гвардейцы-Богдановка и многие другие. В Саратовской области стоянки у поселения Надеждино и у Елани относятся к этой же стадии культуры.

Отличительным признаком этих стоянок и в большинстве случаев единственным, на котором приходится базироваться, является керамика, строго повторяющаяся в своих формах и орнаментации во всех культурных наслоениях этого времени. Всю посуду этих поселений можно подразделить на два основных типа. К первому относятся горшки баночной формы с прямыми или слегка скругленными боками. Большая часть этих горшков выделана плохо и относительно бедно орнаментирована. Второй тип древнейшей срубной посуды представляет собою общеизвестные остросереберные горшки с более или менее отчетливо выраженным ребром. Обычно эти горшки хорошо сформованы и в верхней части покрыты довольно сложным орнаментом в виде зигзагов, треугольников и разных других мотивов. Узоры на обоих типах посуды выполнялись при помощи зубчатого и незубчатого штампов и простого нарезки. Штамп крупнозубчатый. Мелкозубчатый штамп встречается редко и почти исключительно на остросереберных сосудах. Кроме этих двух основных форм существует целый ряд средних, приближающихся, в зависимости от большей или меньшей выпуклости стенок, то к баночным, то к остросереберным горшкам. Такие сосуды или покрыты бугатым узором, или, что встречается чаще, слабо орнаментированы и довольно небрежно выделаны.

Основная масса посуды в поселениях первой стадии состоит из баночных и близких к ним по форме горшков. Остросереберная, хорошо

орнаментированная посуда встречается единицами. Большое количество баночных горшков разных размеров и пропорций свидетельствует о том, что эта посуда имела самое широкое употребление в хозяйстве того времени. В противоположность ей острореберные горшки представляли собою роскошную посуду, употреблявшуюся, повидимому, в исключительную роскошную посуду, употреблявшуюся, повидимому, в исключительных горшках наблюдается во всех поселениях этого периода. До сих пор не обнаружено ни одного культурного слоя, где острореберная посуда преобладала бы над баночной. Возникнув одновременно с начала существования культуры, обе формы сохранили свое количественное соотношение на всем протяжении ее первой стадии.

Такой однородный состав керамики с начала существования срубной культуры объясняется происхождением последней из так называемой *Poltavkaer Stufe*, бытовавшей в Поволжье в предшествующую эпоху. Эта культура была определена и охарактеризована П. Д. Рау⁵⁸ как первоначальная стадия развития культур бронзовой эпохи Среднего и Нижнего Поволжья. Анализ ее керамики приводит к заключению, что уже в ее пределах были выработаны формы баночной и острореберной посуды⁵⁹. Но здесь наряду с ними продолжала существовать круглодонная и остродонная керамика. Наличие в ее составе неорнаментированных сосудов без шейки с уплощенным дном дает полное представление о развитии баночной формы из простых яйцевидных горшков⁶⁰. Интересно, что такие же баночные сосуды со слегка уплощенным дном попадаются и в погребениях орубной культуры. Они входят в коллекцию керамики, происходящей из курганных погребений близ сел. Каибелы (курган № 4, погреб № 1). Таким образом, процесс образования плоскодонной керамики протекал в Поволжье с той же закономерностью, как и в афанасьевской культуре. При этом в обоих случаях прежде всего вырабатываются из остродонных яйцевидных форм простые баночные сосуды.

Такое однородное образование плоского дна в Западной Сибири и в Поволжье дает возможность предполагать, что вообще в процессе выработки плоскодонной посуды культур бронзовой эпохи прежде всего появляются баночные и близкие к ним по форме горшки.

Возникает вопрос, каким же образом появилась срубная культура на Украине? Ведь керамика катакомбной культуры всегда плоскодонная, с развитыми и законченными формами, не имеет никаких признаков, позволяющих связать генетически с нею посуду срубной культуры, сменявшую ее. Происхождение простых баночных форм из катакомбных горшков с прямой, хорошо развитой шейкой и выпуклыми плечами не представляется возможным. Это дает повод предполагать, что срубная культура в этих местах появилась извне. Развившись во второй четверти II тысячелетия в Поволжье, она уже позднее распространилась в пределах Украины. Это подтверждается сменой формы погребального обряда. В районе Николая с развитием катакомбной культуры возникает довольно устойчивый обычай погребения покойников в вытянутом положении; это один из характерных признаков ипсолопольского варианта катакомбной культуры. В сменявшей ее в этом районе срубной культуре этот обычай совершенно отсутствует; вместо него снова появляются скорченные погребения, типичные для всех районов распространения срубной культуры, очевидно надвинувшейся с востока в пределы нижнего Днепра.

К первой стадии срубной культуры относятся также большие курганные кладбища, хорошо известные как в Поволжье, так и на Украине. В Государственном Историческом музее и во всех музеях нашего юга хранятся многочисленные коллекции керамики, происходящей из погребений этого времени. Изучение этой посуды приводит к заключению, что в могилы обычно ставили те же самые горшки, которые употреблялись в простом домашнем быту. Встречаются те же баночные и остророберные формы, с той лишь разницей, что в могилах процент последних несколько выше, чем на поселениях. Вторая отличительная черта могильной керамики заключается в том, что в ее составе совершенно отсутствуют большие толстостенные баночные сосуды, всегда грубо выделанные. Естественно, что для погребального ритуала производился отбор посуды, причем в некоторые могилы было принято ставить наиболее роскошные остророберные горшки. Если сравнить керамику, привезенную в 1925 г. В. А. Городцовым из курганных могильников близ сел. Кайбелы, Андресвки и хутора «Красная Звезда»⁶¹, с керамикой многочисленных поселений Куйбышевской и Саратовской областей, а также более отдаленной, происходящей с верхнего Хопра⁶², то окажется, что все горшки, найденные в Кайбелах в погребениях различных типов, имеют полные аналоги в однородных комплексах однослойных стоянок.

Такой состав погребальной посуды, несомненно, бытовавшей одновременно, заставляет внимательнее отнестись к хронологической периодизации этих погребений. Так, например, погребения в срубах, в которых преобладает остророберная посуда, едва ли можно выделить в древнейшую группу, хотя большинство подобных погребений являются основными в курганах. Далеко не все впускные погребения в ямах с простыми баночными горшками или вообще без керамики можно отнести к более позднему периоду, к новой стадии развития культуры. Материал, собранный на поселениях, заставляет предполагать одновременность этих погребений со срубными, несмотря на разное устройство могильных ям и соответственно различное расположение их в кургане. Возможно, что богатые погребения в срубах с хорошей и часто многочисленной посудой принадлежали членам больших родовых семей, пользовавшимся особым почетом. Такие погребения ложились в основание семейного кладбища, для них насыпался курган, в который позднее впускались погребения рядовых членов семьи. Различие во времени между основным и впускными погребениями могло быть совсем незначительным. Обычный волжский курган бронзовой эпохи в среднем содержит не более 10—15 погребений, а для их совершения далеко не всегда были необходимы столетия.

Таким образом, в классификацию погребений этого времени, исследованных В. А. Городцовым в б. Изюмском и Бахмутском уездах, следует внести некоторые изменения. Большинство погребений, выделенных в отдельные группы «погребений в насыпи и на горизонте», «поздних погребений в ямах», одновременно срубным погребениям и принадлежат к той же срубной культуре. В них также не наблюдается существенной разницы между формами керамики, так как во всех группах в большем или меньшем количестве встречаются и остророберные и баночные горшки, а также промежуточные между ними формы посуды. Характеризуя некоторые срубные погребения, например, близ сел. Камышевахи б. Бахмутского у. (кург. № 7, погр. № 1), В. А. Городцов пишет следующее: «...при другом взрослом оказалось семь горшков. Большинство

из них являлось с острыми или слегка округлыми плечами и только два сосуда имеют баночную форму»⁶¹. Такой пестрый состав керамики в погребениях срубной культуры представляется вполне закономерным.

К этому надо прибавить, что основные приемы выделки посуды, находимой в погребениях в насыпи и на горизонте, однородны. Но внося в классификационную схему В. А. Городцова некоторые изменения, которые вернее могут быть названы дополнениями, основанными на изучении обширного материала, накопившегося главным образом за последние два десятилетия, я должна отметить, что основные принципы его деления культур бронзовой эпохи остаются в силе до настоящего времени. А. М. Тальгрэн в своем обзоре бронзовой эпохи Восточной Европы, пытаясь отказаться от классификации В. А. Городцова, взамен нее, однако, не дает никакой новой. Считая недостаточно обоснованным принцип деления по конструкциям могильных сооружений (ESA, II, стр. 38), в дальнейшем своем описании культур бронзовой эпохи он остоянно возвращается именно к этому делению, к погребениям в ямах, катакомбах и срубках⁶². Так, описывая керамику (ESA, II, ст. 119 и сл.), А. М. Тальгрэн подразделяет ее на посуду, типичную для погребений в ямах, катакомбах и срубках. Нельзя согласиться с А. М. Тальгрэном и в его понимании «хвалынской» культуры, основанном главным образом на классификации бронзы Поволжья П. С. Рыкова. Такое выделение срубной культуры в Поволжье в обособленную «хвалынокую» культуру, как уже было отмечено, не имеет достаточных оснований для первого периода развития срубной культуры.

Формы бронзовых орудий и украшений первой стадии срубной культуры немногочисленны. Основным предметом, характерным также и для андроновской культуры, является бронзовый нож с намечающимся перекрестием. К концу этого периода могут относиться погребения Покровского могильника с копьями сэйминского типа⁶³, которые однако могли существовать и во второй стадии срубной культуры.

Украшения, сопровождавшие покойников полтавкинской культуры, совершенно отсутствуют в срубной. Эти украшения, формы которых выработались под влиянием северокавказской и катакомбной культур, уже в первой стадии срубной культуры могли быть вытеснены восточными формами, появившимися под влиянием андроновской культуры (см. гл. V — металлургия). Первая стадия срубной культуры переходит во вторую в конце II тысячелетия до нашей эры.

К второй стадии относятся поселения, хорошо известные в Поволжье и в Причерноморье и характеризующиеся новыми формами и орнаментикой керамики. Эти поселения связаны генетически с поселениями первой стадии, о чем свидетельствует постоянное наличие в составе их посуды древних форм, типичных для первой стадии, а также то, что некоторые сосуды второй стадии полностью сохраняют старые технические приемы, как, например, характерное сглаживание поверхностей зубчатым штампом. На некоторых поселениях старые формы посуды преобладают над новыми, что может стоять в зависимости от большей или меньшей древности памятника.

Основные признаки новой керамики заключаются в следующем. Появляются сосуды с округлыми выпуклыми плечами и отогнутой шейкой, иногда совсем не отделенной от плеч. Вероятно из баночных форм вырабатываются очень большие сосуды с относительно малым диаметром диа. Примером такой посуды могут служить два горшка (рис. 71)

из Ивановки, Хвалынского района⁶⁶. В некоторых поселениях, наряду с этими формами, появляются сосуды на поддонах, но, как и в Алексеевском поселении, они немногочисленны⁶⁷. Но основным отличием новой керамики являются новые приемы орнаментации; становится все больше и больше сосудов, украшенных изленным валиком, обычно отделяющим шейку от плеч сосуда.

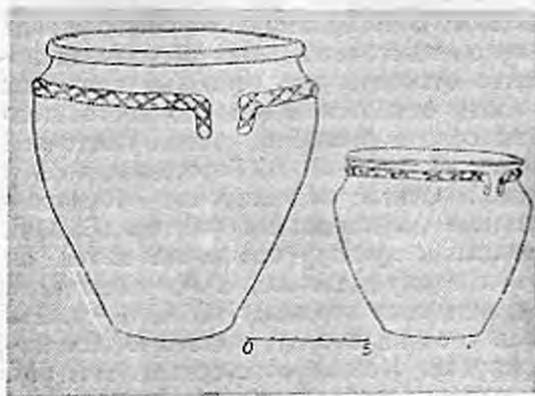

Рис. 71. Ивановка близ г. Хвалынска.

Иногда этот валик проходит немного ниже края и реже он расположен по краю. В последнем случае он образует бортик, часто с острым краем. Валик редко остается неорнаментированным; обычно он бывает покрыт сплошным узором, зигзагами, косыми зарубками, иногда защипами и ямками от вдавления пальцев. Керамика, характеризующая вторую стадию срубной культуры, в основном однородна как в Поволжье, так и на Украине. В Причерноморье, особенно в поздних комплексах, налип-

ной орнамент становится особенно выпуклым и сложным (Варваровка близ Николаева, Красномаяцкий клад-мастерская, найденный под Одессой). Ко второй стадии срубной культуры, несомненно, относятся следующие древние поселения Куйбышевской области: Тургеневское селище, Белозерское селище № 2, с. Подбельщино (городище 7-е, культурный слой 25), Кривая Лука и культурный слой у Процева сада на реке Самарке⁶⁸. В Саратовской области к подобным поселениям принадлежит Ивановское⁶⁹.

К этому периоду относится появление посуды, сделанной из металла. Она представляет собою большие котлы на поддонах, склепанные из широких раскованных бронзовых полос, расположенных горизонтальными рядами. Эти котлы встречаются редко, что может быть объяснено драгоценностью металла и возможностью его переплавки. В настоящее время известно не более четырех экземпляров, из которых три, изученные мною, находятся — один в Куйбышевском и два в Николаевском музеях⁷⁰. Первый котел⁷¹ наиболее интересный и, по-видимому, наиболее древний, по профилю близок большим сосудам с поселений второй стадии, что представляется вполне естественным, так как первоначальные формы металлической посуды могли выработаться по образцам глиняных горшков. Еще более это сходство подчеркивается орнаментацией котла: его слегка отогнутая шейка отделяется от плеч выпуклым чеканным валиком, под которым проходит зигзаг, выполненные таким же способом. Вдоль края шейки нанесен ряд косых овальных ямок, напоминающих ряды отпечатков штампа на шейках глиняных сосудов. Ниже следует ряд шишечек, похожих на налипные шишечки на большом горшке из землянки № 1 Алексеевского поселения (рис. 61). Интересно, что техника выделки этих котлов путем последовательного приклепывания широких раскованных полос напоминает собою ленточную технику лепки посуды бронзовой эпохи.

Такое сходство форм, орнамента и способа производства металлической и глиняной посуды — не случайно. Представляется вполне вероятным, что валики на керамике второй стадии могли появиться в связи с развитием производства металлической посуды: они подражают чеканным рельефным узорам бронзовых котлов. Возможно, что с формой этих котлов связано и появление рюмкообразных сосудов на поддонах.

Погребения этой эпохи не всегда бывает легко выделить из общей массы срубных погребений. В большинстве поздних впускных погребений совершенно отсутствует керамика — основной критерий для определения культур бронзовой эпохи. При этом все другие подробности погребального ритуала — форма могильной ямы, скорченное положение покойников — остаются неизменными, сохраняющими традиции древнейших времен. Не всегда поддаются определению и те погребения, которые сопровождаются керамикой. Формы посуды почти во всех впускных могилах весьма архаичны и в большинстве случаев приближаются к баночным. Эти формы иногда сохраняются даже в тех случаях, когда орнаментация представляет собою налезные валики. Примером могут служить два горшка совершенно одинаковой техники изготовления из Серогоз²². Один из них простой, баночный, небольших размеров, другой тоже баночный с налезным орнаментом вдоль венчика (рис. 72—1 и 2). Такая устойчивость традиций в погребальном ритуале представляется

Рис. 72. Серогозы.

воплотить естественной. В то время как в быту появляются и развиваются новые формы посуды, при погребениях покойников продолжают употребляться давно установившиеся архаические формы баночных горшков.

Повидимому, к этому последнему периоду бронзовой эпохи относится и погребение с рюмкообразным сосудом на поддоне, обнаруженное В. А. Городцовым в 1903 г. близ хут. Камешки²³, а также небольшая коллекция сосудов из погребений, найденных на острове Хортице (Днепровские пороги). В ее состав входят рюмкообразный сосуд на поддоне с отогнутой шейкой и округлыми боками и простой баночный горшок. Группа погребений, выделенных В. А. Городцовым в б. Бахмутском уезде под названием «погребения в каменных ящиках», тоже несомненно относится к позднему времени, как и курганный могильник близ сел. Вольского под Днепропетровском. Некоторые погребения этого могильника тоже лежали в каменных ящиках. Могильник особенно интересен тем, что он связывается с близлежащим поселением кимме-

рийской эпохи. Керамика этого поселения с налепными валиками вполне типична для этого времени, а бронзолитейная мастерская, найденная на поселении, лишним раз свидетельствует о том, что в Днепропетровской области в киммерийскую эпоху находился самостоятельный очаг производства бронзовых орудий.

Ко второй стадии срубной культуры относится расцвет металлургии бронзовой эпохи в Поволжье и в Причерноморье. Материалом для ее изучения прежде всего служат многочисленные клады и мастерские древних литейщиков, которыми особенно изобилует наш юг. Несмотря на то, что металлические предметы только в редких случаях находятся в культурных наслоениях, связать поселения этого времени с комплексами кладов представляется вполне возможным. Керамика, которая в некоторых случаях входит в состав кладов, по формам и орнаменту совершенно сходна с керамикой поселений второй стадии. Она представляет собою фрагменты сосудов с прямой или отогнутой шейкой, украшенной налепными валиками (например, Кордашинская мастерская, раскопки А. К. Тахтая под Херсоном; Красномаяцкий клад — мастерская, найденный под Одессой). А это дает возможность связать разнообразные типы бронзовых предметов из этих и подобных им кладов с поселениями второй стадии.

В Поволжье к этому времени относится Сосново-Мазинский клад. Он несомненно одновременен Ивановскому поселению, расположенному поблизости от него в том же Хвалынском районе. Связь между обоими памятниками устанавливается следующим образом: керамика Ивановского поселения представляет собою обычную для второй стадии посуду с налепными валиками. Совершенно сходную с нею керамику содержал культурный слой, обнаруженный В. В. Гольмстен близ Грачева сада на р. Самарке. На этом основании оба поселения можно считать одновременными. Кроме того, в этом культурном слое была найдена форма для отливки так называемых «серпов», составляющих основную массу находок Сосново-Мазинского клада. Отсюда следует, что и другие предметы, входящие в состав этого клада (кинжалы с прорезной рукоятью, желобчатые литые долота и кельты), одновременны поселению Грачева сада и Ивановскому и тоже относятся ко второй стадии срубной культуры.

Эти сопоставления подтверждаются материалом Причерноморья. О Красномаяцкой бронзолитейной мастерской, в которой была обнаружена лоздная керамика бронзовой эпохи, говорилось выше. Кинки и перекрестия кинжалов этой мастерской близки по форме кинжам и одному перекрестию кинжалов Сосново-Мазинского клада. Кроме того, в обоих комплексах находятся литые желобчатые долота, распространенные преимущественно в конце бронзовой эпохи.

По количеству бронзовых предметов и разнообразию их форм причерноморские клады и мастерские значительно богаче поволжских. Там в конце II и в начале I тысячелетия до нашей эры для некоторых предметов выработались настолько своеобразные формы, что в настоящее время представляется возможность выделения обособленной группы позднепричерноморской бронзы. Сюда относятся наконечники копий с широкой втулкой и узкими изогнутыми перьями, кинжалы с листовидными клинками и с черешками для насадки рукояти, разнообразные кельты и многие украшения. Среди последних часто повторяются булавы с косым отверстием в шарообразной головке и массивные литые кольцообразные браслеты. Кроме того, на многих формах этого времени

были вырезаны матрицы для отливки мелких, вероятно votивных кинжалов с прямыми параллельными лезвиями. Если некоторые формы бронзовых предметов этой эпохи уже полностью сложились в конце II тысячелетия, то развитие большинства этих форм падает на первые два-три столетия I тысячелетия до нашей эры. Близкое значение для датировки Красномяцкого клада имеет форма для отливки напершья в типе скифских прорезных напершья. Она дает возможность отнести всю серию предметов не далее, чем в прескифскую эпоху. Этот период в Причерноморье был выделен В. А. Городцовым¹ в обособленную киммерийскую культуру.

Своеобразные формы пока еще немногочисленных орудий второй стадии поздней бронзы Поволжья дают возможность объединить все памятники этого времени в отдельную группу под названием хвалынской культуры. Под этим названием подразумевается не весь период развития срубной культуры в Поволжье, а, как это было предложено В. А. Городцовым, лишь только период, характеризующий эпохой бронзы Сосново-Мезинского клада, т. е. последней стадией развития культуры. Время этой стадии, как и в Причерноморье, определяется концом II и первыми столетиями I тысячелетия до нашей эры, т. е. тоже предскифским периодом. Датировка Алексеевского поселения и могильника стоят прежде всего в зависимости от того, какой стадии срубной культуры соответствуют по времени оба памятника. Близость керамических форм и мегалитических изделий обеих культур позволяет основывать это определение на привлечении довольно большого материала.

Если бы материал раскопок близ пос. Алексеевского ограничивался одним могильником и жертвенным холмом, эти памятники пришлось бы отнести к средней поре развития андроновской культуры, к периоду, следовавшему непосредственно за Кожумбордынским могильником, когда окончательно выработались основные формы андроновской керамики — горшки с уступчатым плечом, стройными законченными проорнаментами, а также установилось более или менее четкое деление орнамента на отдельные пояса. Но уже наличие крышек, представляющих собою черепки крупных толстостенных сосудов, а в особенности горшок из погребения № 18, грубо выработанный и с паленым валиком, нарушают общую картину однородной погребальной керамики. Раскопки поселения окончательно выяснили, что для ритуальных целей употреблялась далеко не всякая посуда, находившаяся в то время в употреблении. И здесь основную роль играла традиция, в силу которой погребальная посуда продолжала сохранять старые, давно установившиеся формы².

Основной материал для датировки памятника дает поселение. Большая часть его керамики имеет существенные отличия от керамики могильника и жертвенного места: отогнутые шейки сосудов, орнамент в виде напеченных валиков, большие сосуды с малым диаметром дна и, наконец, наличие поддонов дают возможность связать по времени весь комплекс этих памятников с поздней стадией развития срубной культуры. Аналогии для керамики поселения легко подбираются в коллекциях из Ивановки (рис. 71). Грачевя сада и многих других подобных поселений, вплоть до причерноморских. Интересно, что оба больших ивановских сосуда орнаментированы так же, как и сосуд из землянки № 1, валиком, расположенным ниже шейки, с незамкнутыми и свисающими вниз концами. Очевидно, что подобный способ орнаментации был довольно широко распространен в ту эпоху. Известен большой узкогор-

лый сосуд из Дагестана с совершенно таким же орнаментом. При сравнении же металлических предметов Алексеевского поселения складами и мастерскими хвалынской и киммерийской культур оказывается, что поздняя дата памятника находит подтверждение и здесь. К этим предметам, несомненно, относится «серп» из землянки № 4, совершенно совпадающий по форме с «серпизми» Сосново-Мазинскогоклада. Вторым датированным предметом является кинжал (рис. 20—1), найденный в зольнике, которым была засыпана землянка № 8. Такую развитую форму кинжала, по клинку которого проходит хорда, а чешешек для насадки рукоятки отделен от клинка кольцеобразным валиком, можно сравнивать с кинжалами киммерийской культуры. Клинок же его близок к кинжалам Сосново-Мазинскогоклада. Возникнув в конце II тысячелетия, формы развились и получили широкое распространение в начале I тысячелетия до нашей эры. Такая дата подтверждается наличием узкого и длинного кельта (рис. 20—2), найденного в том же зольнике. Бронзовая стрела (рис. 33, 1), найденная на южной границе жертвенного места и напоминающая собою копьё семейского типа, едва ли могла появиться раньше конца II тысячелетия, так как металл, как материал для изготовления стрел, мог войти в употребление только лишь при высоком развитии металлургии. В Восточной Европе бронзовые стрелы появились только в пердскифском периоде, а их широкое употребление началось с эпохи железа. Находки наконечников стрел, подобных Алексеевскому, падают все на территорию, занятую в древности андроновской культурой. Так, например, близкий по типу наконечник стрелы входит в состав коллекции, происходящей с озера Сары-Озек¹⁶. Конец этой стрелы сильно деформирован заточкой. Другая подобная же стрела (рис. 33—2) была найдена близ села Васильчиково¹⁷.

Если проводить сравнения между бронзовыми предметами Алексеевского поселения и могильника и карасукской культуры, то окажется, что некоторые из них найдут полные аналоги среди металлических изделий этой культуры.

К ним прежде всего надо отнести литые ножи из землянки № 1: один из них целый, с прямым лезвием и рукояткой (рис. 27—1), другой—обломок, очевидно, коленчатого ножа (рис. 13—1), столь характерного для карасукской культуры. Ножи с прямым лезвием и рукояткой, подобные нашим, были выделены М. П. Грязновым в особую группу, типичную для «казахстанского очага бронзовой культуры»¹⁸, одновременно карасукской культуре. Наличие обеих форм ножей в перзвой землянке лишний раз указывает на одновременное бытование этих предметов, вероятно, уже в начале существования Алексеевского поселения¹⁹. Интересен подобный же нож, найденный близ дер. Вилкова²⁰, прямой, с тупо округленным широким концом и с частично обломанной металлической рукояткой. На уцелевшей ее части нанесен насечкой значек, может быть, тамга (рис. 27—2).

Возникает вопрос, где была выработана форма этого ножа, несомненно устойчивая, в пределах ли карасукской культуры, где особенно широко был распространен коленчатый нож, или западнее, в пределах позднеандоновской культуры, где кроме подобных ножей употреблялись бронзовые серпы²¹. Их слабо изогнутое лезвие равномерной ширины и с тупым закругленным концом напоминает эти ножи и по выработке, и отчасти по форме. Приходить к окончательному решению этого вопроса, может быть, пока еще преждевременно, но представляется вполне вероятным, что коленчатый нож, выработанный в карасукской

культуре, был занесен в пределы позднеандроновской культуры, ей одновременной. С другой стороны, форма прямых ножей могла возникнуть на западе в позднеандроновской культуре, и отсюда она проникала отдельными единицами в пределы карасукской культуры. На ее одновременное существование с Алексеевским поселением указывают не только ножи.

Вторым, несомненно датирующим предметом является сложное нагрудное украшение из бронзовых обоймочек, насаженных на ремни. Обрывки такого украшения лежали в области головы и груди покойницы из погребения № 13 (рис. 35—7 и 8). Оно уже сопоставлялось с нагрудным украшением карасукского погребения № 3 на Уйбате, из раскопок С. В. Киселева в Хакасии в 1936 г. Оба эти украшения сделаны чеканкой техникой, широко применявшейся для изготовления ювелирных изделий андроновской культуры, в частности Алексеевского могильника, в то время как почти все основные украшения карасукской культуры сделаны при помощи отливки. Обоймочки такого же рода, иногда с остатками ремней, известны и в других могильниках в западных районах андроновской культуры. Они входят в состав коллекций Петропавловского могильника и могильников Киргильды и Тезеклы. Наличие их в карасукских погребениях указывает на хронологическую близость этих погребений с Алексеевским могильником. Возможно, что центром производства таких украшений являются западные пределы андроновской культуры, а находки этих предметов в карасукских могилах и на Волге (Покровский могильник) говорят о распространении их как и восточном, так и в западном направлении.

Принимая одновременность Алексеевского поселения с хвалынской и киммерийской культурами, можно с большей уверенностью отнести к предскифскому периоду узкогорлые горшки, известные в Причерноморье и в Поволжье. К ним относятся два сосуда из сел. Норжи⁴², сосуд из Гамарни⁴³, сосуд, найденный в Николаеве близ обсерватории, и сосуд, происходящий из кургана, расположенного близ Транспортного института в Днепродзержинске. Вся эта посуда в большей или меньшей степени сходна с узкогорлым горшком Алексеевского поселения (землянка № 11). Интересно, что на всех этих горшках по плечам расположена полоса орнамента из различных комбинаций треугольников и зигзагов.

Из всего изложенного следует, что наиболее вероятная дата Алексеевского поселения определяется двумя первыми столетиями I тысячелетия до нашей эры. Поселение могло возникнуть в конце II тысячелетия и просуществовать до половины VIII века. Трудно предполагать его дальнейшее существование. Полное отсутствие указаний на обработку железа не дает возможности снижать эту дату, так как в следующую скифскую эпоху железные орудия появляются уже в хорошо выработанных и устойчивых формах. Несомненно, этому должен был предшествовать известный период развития форм железных предметов. Кроме того, непосредственной связи между вещами Алексеевского комплекса и скифскими не наблюдается, а это не дает права приближать дату Алексеевского поселения к древнейшей Скифии.

В итоге получается следующее хронологическое соотношение:

1. Алексеевское поселение, существовавшее в X—VIII вв. до нашей эры, относится к позднему периоду развития андроновской культуры.
2. Ему предшествовал период развития этой культуры, в настоящее время еще мало изученный в Казахстане, характеризуемый не только

установившимся формами керамики. Сосуды с уступчатым плечом появляются лишь в конце этого периода. В это время андроновская культура была распространена как на востоке, в Минусинской долине, так и в Казахстане.

3. Одновременно с Алексеевским поселением на Алтае и в Минусинской долине существовала карасукская культура, границы которой доходят до Караганды.

4. В эту эпоху в Поволжье была распространена хвалыцкая, а в Причерноморье — киммерийская культуры, появившиеся вследствие дальнейшего развития срубной культуры.

КОЖУМБЕРДЫНСКИЙ МОГИЛЬНИК

(Выдержки из тизевника раскопок).

Кожумбердынский могильник Чкаловской области Дзюбаровского р-на лежит на правом берегу р. Ори под склоном «Аду-линя», в 2,5 км к югу от Кожумбердынского аула. Открытие могильника и его первоначальное исследование, проведенное Б. П. Граковым, относится к июню 1930 г.

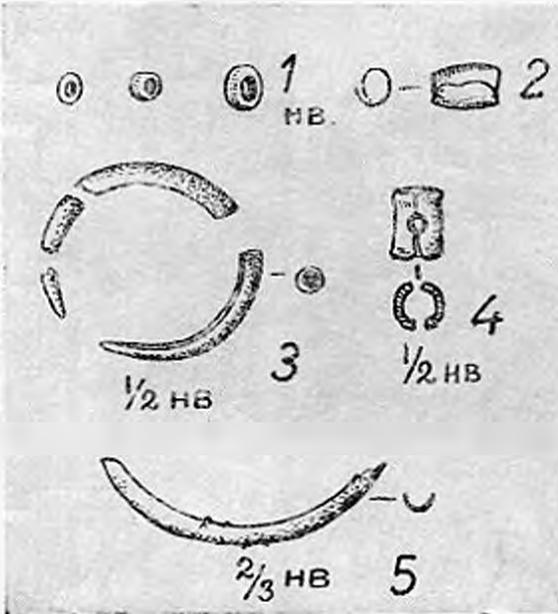

Рис. 73. Кожумбердынский могильник. 1 и 2 — кольцо А; 3 — кольцо Д погреб. № 1; 4; 5 — кольцо Ж, погреб. № 2.

В окрестностях могильника пойма р. Ори достигает ширины до 2 и до 3 км. Здесь по склону террасы высотой от 6 до 12 м расположено 120 могильных памятников.

Основная масса могил имеет форму круглых колец-оградок и только 11 из них близки по форме к овалу. Оградки сооружены из стоящих на ребре и реже — лежащих камней. Некоторые кольца состоят из 2—3 рядов камней. Эти камни достигают высоты до 1,50 м, а диаметр колец — от 3 до 10 м. Овальные кольца ориентированы по длинной оси с С на Ю. Одна могила (№ 31) обнесена квадратной оградкой, ориентированной сторонами по сторонам света. В могиль-

Рис. 74. Кожумбердынский могильник. Кольцо Д, погребение № 3.

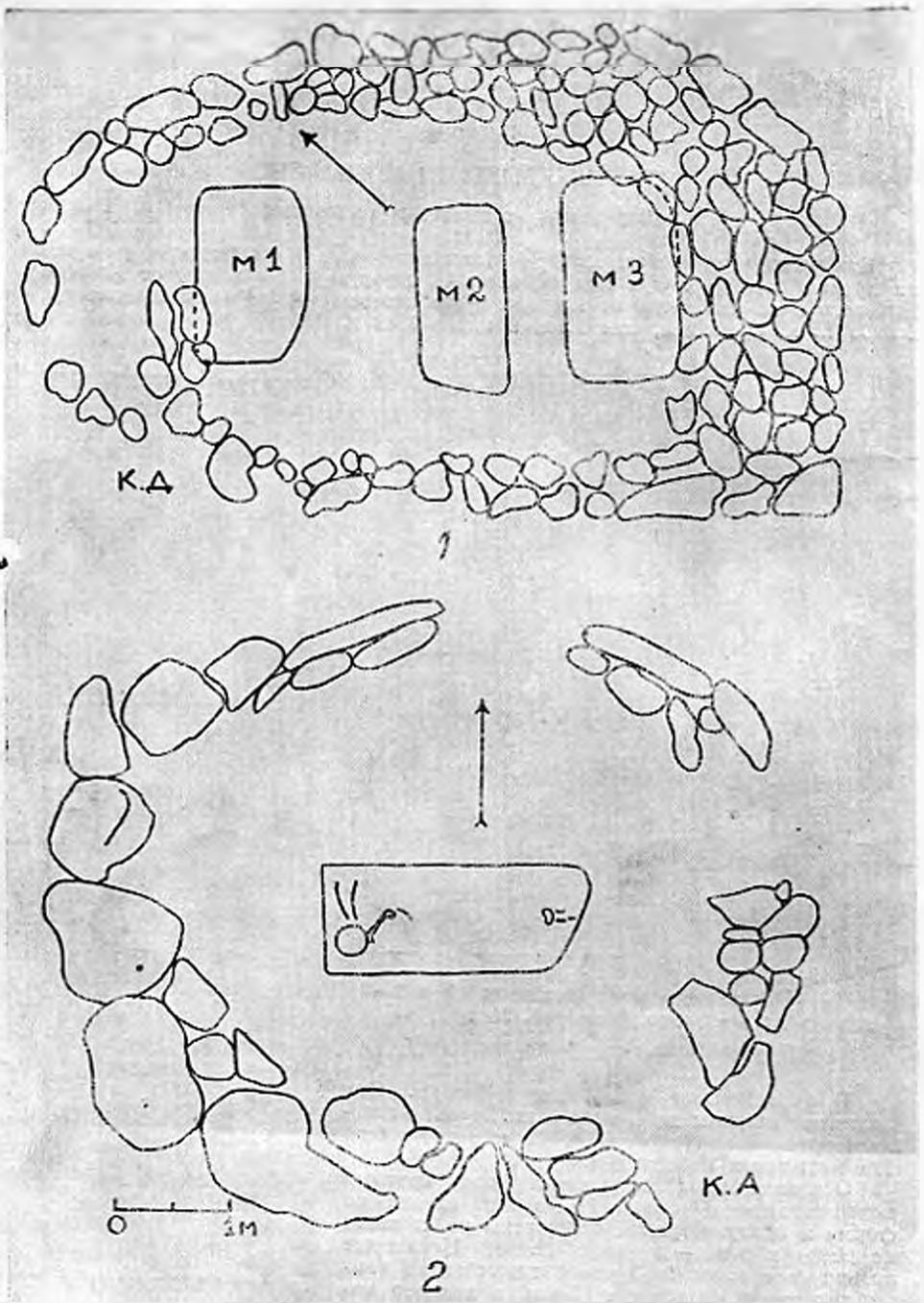

Рис. 7б. Коздумбердынский могильник; 1—кольцо Д, 2—кольцо А.

нике заключено шесть невысоких курганов, диаметром от 8 до 12,5 м. На всех курганах были обнаружены дополнительные сооружения из камней. Так, № 39 имеет кольцо, окружающее центр, сложенное из двух рядов камней; № 49 окружен по основанию кольцом из камней; № 85 тоже обставлен по основанию камнем, а на вершине его в центре находится открытый каменный ящик; № 85 имеет по основанию каменное кольцо, вокруг центра—второе кольцо, а в центре—открытый каменный ящик; № 92 тоже имеет в центре открытый каменный ящик; № 129 обведен по основанию каменным кольцом.

Все три основных типа могильных сооружений имеют варианты. Круглые кольца сопровождаются иногда дополнительными сооружениями; так, к кольцу № 3 пристроены снаружи у северной и западной стороны две оградки; кольца №№ 18, 24, 27 и 33 имеют вокруг центра вторые оградки из камней, кольцо № 56 внутри сплошь вымощено камнем; кольца №№ 93, 94 и 95 соединены между собой двумя параллельными рядами камней, отстоящими друг от друга на 2 м. В центре некоторых колец находятся открытые ящики из стоящих на ребре больших плит.

Кольцо А (рис. 75—2, по плану № 89) имело овальную форму и было ориентировано с В на З (размеры его 6 × 5 м). Кольцо состоит из двух рядов камней, поставленных на ребро и достигающих 0,50 м высоты. Могилы почти прямоугольной формы были обнаружены в центре кольца и ориентированы с З на В. Дл. ямы 2,20 м, шир.—0,95 м, глуб.—0,80 м²⁴. На дне могилы в беспорядке лежали отдельные кости человека. Вещи: в ЮЗ углу стоял сосуд (рис. 69—2), а в нем несколько пастовых бус и бронзовая буса с остатками ниток (рис. 73—1 и 2).

Кольцо Б (рис. 77—2 и 3, по плану № 100) имело круглую форму (ди.—3,40 м). Оно состояло из плоских лежащих плит. Ширина кольца от 1 до 1,50 м. В центре кольца находилась могила прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная с СВ на ЮЗ. Дл. ямы 1,60 м, шир.—0,8 м, гл. 0,60 м. На дне могилы сохранились голени и ступни ног человека, лежащего на левом боку в скорченном положении. Под верхней частью правой голени лежала нижняя часть левого бедра. Вещи: у СВ стенки в насыпке могилы—обломок горшка (рис. 68—1), на дне в южном углу—нижняя часть того же сосуда.

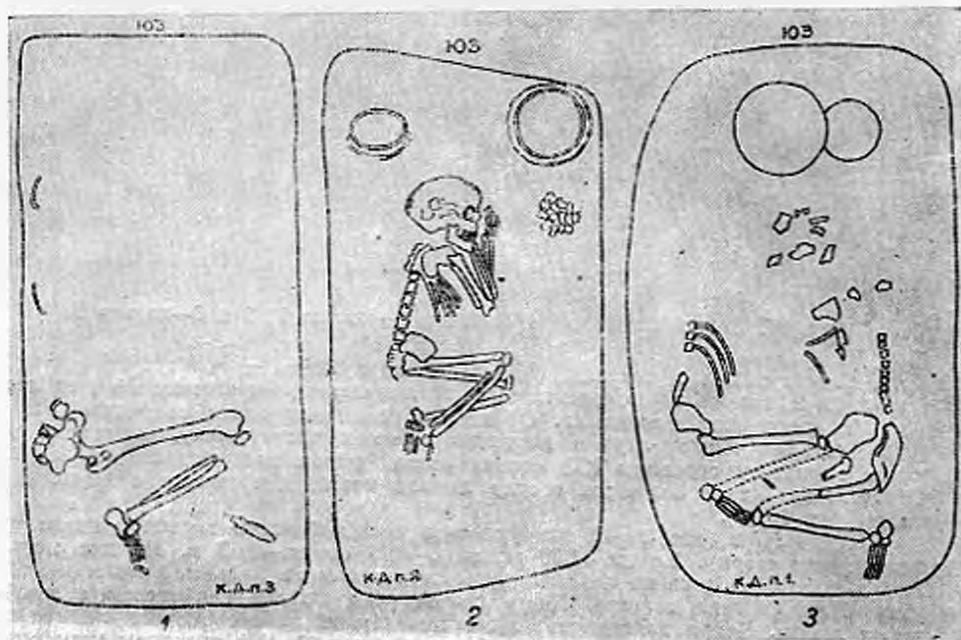

Рис. 76. Кожумбердинский могильник, кольцо Д. 1—могила № 3; 2—могила № 2; 3—могила № 1

Кольцо В (по плану № 75) имело форму не вполне правильного круга с 1,5-метровым перерывом в южной части (расстояние с В на З—4,5 м, с С на Ю—4,20 м). Кольцо состояло частью из стоящих плит высотой до 0,50 м, частью из мелких лежащих камней. В центре находился открытый прямоугольный ящик из крупных плит, ориентированный с С на В. Его дл.—1,70 м, шир.—1 м, выс.—до 0,40 м. ЮВ угол ящика соединен с южным концом перерыва внешнего кольца рядами стоящих плит. Под ящиком грунтовой могилы не обнаружено. В земле, заполнившей ящик, найдено два фрагмента сосуда.

Кольцо Г (рис. 77—1, по плану № 97) имело круглую форму при дл.: 3,70 м. Частью оно было построено из мелких валунов, частью из крупных плит, ориентированных с З на В; его дл.—2 м, шир.—1,10 м, выс.—0,75 м. Под ящиком находилась могильная яма четырехугольной формы; дл.—1,10 м, шир.—1 м, гл.—0,25 м. На дне ямы лежал кусок человеческого ребра и в большой черепок сосуда.

Кольцо Д (рис. 75—1, по плану № 75) имело близкую к овалу форму и было ориентировано с СЗ на ЮВ. Его диам.—6,80 и 4,20 м. Кольцо построено из мелких положенных плашмя плит (от одного до пяти рядов). Ширина кольца в ЮВ конце равна 1,50 м. Внутри кольца были расположены три могильные ямы, ориентированные с СВ на ЮЗ.

Могилы № 1 (рис. 76—3) находилась в северозападной части кольца. Она имела форму, близкую к четырехугольнику, дл.—1,40 м, шир.—0,90 м, гл.—0,65 м. В засыпке ямы найдено четыре черепка сосуда: один астрагал и оскодок трубчатой кости барана. В СВ конце могилы лежали остатки двух костяков. Костяк № 1, ориентированный головою на ЮЗ, лежал на правом боку в сильно скорченном положении. Череп почти не сохранился; руки отсутствовали. Ноги

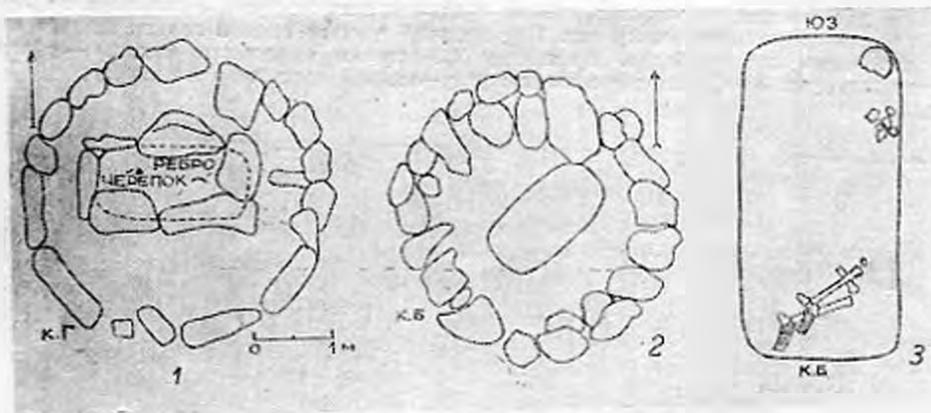

Рис. 77. Кожумберлинский могильник, 1—кольцо Г, 2 и 3—кольцо В.

были сильно сжаты в коленях, бедра перпендикулярны к позвоночному столбу. Костяк № 2, так же точно ориентированный, лежал лицом к костяку № 1 на левом боку, в скорченном положении. От костей более или менее сохранились ноги, бедра которых также лежали перпендикулярно к позвоночнику. Вещи в ЮЗ конце могилы у середины ЮЗ стенки рядом с дном сосуда (рис. 68, 2 и 69, 3). Под боком большого сосуда лежала костяная трубочка с двумя дырками (рис. 73, 4).

Могилы № 2 (рис. 76—2) находилась в северной части кольца и имела трапециевидную форму. Ее дл.—1,50 м, шир.—0,75 м, гл.—0,62 м. На дне могилы лежал костяк ребенка на левом боку в скорченном положении, головою на ЮЗ. Руки были согнуты в локте. Кисть правой руки лежала под щекою, а левой—перед лицом. Бедра находились под прямым углом к позвоночнику. Вещи: в головках костяка стояли два сосуда; большой (рис. 67, 1) в западном углу, меньший (рис. 69, 2) в южном углу. Перед лицом покойника лежали в кучке 22 астрагала ошны.

Могилы № 3 (рис. 76—1) находилась в ЮВ конце кольца и имела форму прямоугольника. Ее дл.—1,60 м, шир.—0,80 м, гл.—0,97 м. В засыпке могилы найдены на разной глубине две небольшие каменные плиты от кольца, обломки челове-

ческих костей и несколько мелких черепков глиняного сосуда. На дне могилы, в северо-восточной ее части, сохранились таз и левая нога взрослого мужчины, лежащего скорченно на левом боку, головою к ЮЗ. Бедро лежало под прямым углом к позвоночнику. Между голенью и северным углом могилы лежал бронзовый нож (рис. 74).

Кольцо Б (по плану № 103) было почти свальной формы, ориентировано с ЮЗ на СВ. Дл. его—6,65 м, шир.—5,70 м. Оно состояло из двух рядов плит и бесформенных камней. Могильная яма неправильной формы находилась в центре кольца и была ориентирована с СВ на ЮЗ. Ее дл.—2,30 м, шир.—1,30 м, гл.—0,70 м. В засыпке могилы было найдено несколько фрагментов от одного сосуда (рис. 70) и несколько мелких человеческих костей. На дне могилы сохранилась часть костяка, лежащего скорченно на левом боку, головою на ЮЗ. Вещи: в З углу крупные и мелкие черепки того же сосуда, что и в засыпке могилы, а также мелкие обожженные кости, угольки и кусочки прокаленной глины. От центра, по направлению к Ю углу, были разбросаны: кусочек пережженной кости, две обломочки, согнутые из узкой медной пластинки, и черепок того же сосуда.

Кольцо Ж (по плану № 81) имело близкую к овалу форму и было ориентировано с С на Ю. Дл. его—4,91 м, шир.—4,20 м. Камни кольца стояли вертикально и имели в высоту до 1 метра. На северной стороне кольцо имело перерыв приблизительно в 1,50 м. Внутри кольца в разных местах сделано несколько паходов. В южном конце куча черепков одного крупного сосуда (рис. 67, 2); в центре кольца человеческое ребро, предплечья кости и один черепок того же сосуда; к В от центра человеческое бедро.

Могилы № 1 находилась в центре кольца, имела близкую к прямоугольнику форму и была ориентирована с СВ на ЮЗ. Ее дл. равнялась 2 м, шир.—1 м, гл.—0,90 м. СЗ конец могилы был засыпан камнями. В засыпке могилы на разных местах и на разной глубине раскиданы кости почти всего человеческого скелета. На дне могилы, в ее В углу, сохранилась человеческая ступня. Вещи: в З углу лежало дно и часть стенок сосуда, черепки которого были найдены выше, вне пределов могилы.

Могилы № 2 (рис. 78) находилась в 0,50 м от могилы № 1, у СЗ части кольца; она имела продолговатую форму и была ориентирована с СВ на ЮЗ. Ее дл.—1,6 м, шир.—0,53 м, гл.—0,60 м. На дне могилы, головою на ЮЗ, в скорченном положении на левом боку лежал скелет грудного ребенка. Его руки были согнуты в локте и лежали кистями перед лицом; бедра лежали почти под прямым углом к позвоночнику. Вещи: на запястьях обеих рук находились по медному браслету; на левой руке вышукло-вогнутый (рис. 73—5), на правой руке полный незамкнутый браслет, свернутый из пластинки на каркасе из сухого травянистого стебля, пропитанного окисью меди (рис. 73—3). На верхней части левого плеча был найден такой же браслет. Непосредственно ниже этого браслета на руку был надет браслет из мелкого пастового бисера.

Рис. 78. Кожумбердинский могильник; кольцо Ж, могила № 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробное описание этих находок см. ESA, т. IV, стр. 116. О. Кривошапкин. Grakov. Une trouvaille d'objets de l'âge du bronze dans la région du haut Tobol.

² ESA, т. IV, указанная работа, стр. 19—20, рис. 3—11.

³ Примером этого могут служить андроновские погребения под обыкновенными курганами; например, близ пос. Нежинки Чулковской области на урочище «Ванькино шишка». Раскопки Б. Н. Гракова, 1928 г.

⁴ В. А. Городцов. Результаты арх. изслед. в Бахмутском у. Екатеринбург. 1903 г. труды XIII А. С. т. I, стр. 369; рис. 97.

⁵ А. Н. Глухов. Зимнее жилище якутских и алтаевских казаков. Сборник «Казак», стр. 131.

⁶ О. А. Кривошапкина-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь. Труды ГИМ, вып. XII, стр. 89, рис. 3.

⁷ М. Н. Артамонов. Дниская экспедиция ГАИМК. Проблемы истории материальной культуры, № 1—2, 1923 г.

⁸ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском у., Екатеринославской губ. 1903 г. Труды XIII Арх. съезда, т. I, стр. 355, рис. 95. Камышелаха; кург. 5, погр. 1.

⁹ Раскопки А. Я. Брюсова 1939—40 гг. на р. Молдоне в Вологодской обл.

¹⁰ Раск. Б. А. Рыбакова 1937 г. (колл. хранится в Курском обл. музее) и 1939 г. (колл. хранится в ГИМ).

¹¹ А. Н. Глухов. «Зимнее жилище у якутских и алтаевских казаков» Сборник «Казак», стр. 105.

¹² По определению В. К. Клейна.

¹³ Раскопки Ивановского близ Кала-Кента, курган. № 91 (по другой нумерации Большой V), где были найдены два костяка верблюдов с бронзовыми украшениями на сбруе. МАК, вып. 6.

¹⁴ Б. Н. Граков. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Cural, стр. 43, рис. 23.—А. А. Спицын. Обзорения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Зап. Русс. арх. общ., т. VIII, вып. I и 2, новая серия, стр. 143.

¹⁵ В. В. Гольмстедт. «Серия» из Сосновой Мазы». ПИМК, 1939, № 5—6; стр. 32 и сл.

¹⁶ Например, мотыга из Пугачевского музея, найденная в том же районе, и мотыга со стояком «Валчий овраг» (О. А. Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь. Труды ГИМ, вып. 12, стр. 103, рис. 10).

¹⁷ Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Археологические работы на новостройках, т. II, стр. 93, рис. 6.

¹⁸ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчеты о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г. Труды ГИМ, вып. 16, стр. 98 и сл., рис. 22.

¹⁹ По сообщению С. В. Киселева, значительное число таких вещей, частью найденных в древних рудниках, хранится в музеях Западной Сибири.

²⁰ Раскопки Н. Н. Веселовского 1896 г. Кург. VII у ст. Андрюковской.

²¹ ESA, т. IV, О. А. Кривошапкина-Гракова, указ. работа, стр. 119, рис. 3.

²² Раск. Б. Н. Гракова 1933 г. близ г. Орска. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Арх. раб. на новостр., стр. 93, рис. 67—7 и 8.

²³ Раск. К. В. Сальникова в Челяб. обл. близ озера Алакуль. 1938 г.

²⁴ Раск. П. Д. Рау и Сальман кург. А II. *Bocherzfelder der Wolgasteppe*. Табл. V 8 A.

²⁵ Р. Rykov. 16^e chalynsker Kultur etc. ESA, I, стр. 51 и сл.

²⁶ Раскопки С. В. Киселева 1937 г. в Хакасии.

²⁷ Раскопки Аюйтевского 1911 г. Отчет раскопок в О. А. К. 1911 г., стр. 70.

- ¹⁸ Оба перстня похищены из Кустананского музея между 1931—1935 годами.
- ¹⁹ О. А. Гракова, ЕСА, IV, указ. соч., стр. 119, рис. 9.
- ²⁰ М. П. Грязнов, Указ. соч., стр. 203, рис. 24/3.
- ²¹ Там же, стр. 200, рис. 23/7 (риск. В. И. Каметского).
- ²² П. С. Рыков, Работа в совхозе «Гигант» (Караганда). Арх. работы на новостройках, т. II, стр. 55, рис. 2.
- ²³ Например, раскопки В. А. Городцова 1925 г. в Мелекесском р-не, Куйбышевской области (не издали, вещи хранятся в ГИМ, инв. № 57797).
- ²⁴ П. С. Рыков, Die chvalynsker Kultur etc., ЕСА, I, стр. 81, рис. 23/3, 4. ЕСА I, стр. 81, рис. 23/3, 4.
- ²⁵ М. П. Грязнов, указанное сочинение, стр. 209, рис. 251.
- ²⁶ Сел. Алексеевка, близ г. Верного и озера Сары-Озек близ Семипалатинска (не издали, вещи хранятся в ГИМ).
- ²⁷ Ср. статью В. Смолына в ЕСА, I, стр. 89, рис. 7.
- ²⁸ Раскопки П. С. Рыкова 1924 и 1925 гг. (Хранятся в Саратовском областном музее).
- ²⁹ С. Табуновка, Бузулукского р-на (два наконечника), ст. Толкай, берег Князьинки, Бугурусланского р-на (один наконечник), «Голубиный Мар» Новоузенского р-на (один наконечник), Куйбышевская обл., ближе неизвестно (один наконечник).
- ³⁰ Например, стрелы из Покровского могильника, курган № 8 и курганы № 14 и № 15. П. С. Рыков, Die chvalynsker Kultur etc., ЕСА, I, стр. 77, рис. 20/8, 9, стр. 80, рис. 23/2, 3 и стр. 81, рис. 24/4.
- ³¹ Например, на формах Краснозачского кллада-мастерской, хранящегося в Одесском музее.
- ³² М. П. Грязнов, указанное сочинение, стр. 196 и сл.
- ³³ М. П. Грязнов, указ. сочинение, разные места.
- ³⁴ V. Smolin, La necropole d'Abascho, ЕСА, I, стр. 89, рис. 7.
- ³⁵ Таким же образом произведена починка посуды, найденной при раскопках С. Н. Дурманова под Челябинском, близ посел. Исакова. Раскопки под Челябинском. Зап. Урал. общ. люб. естествознания, т. X, вып. 2, стр. 113.
- ³⁶ Раскопки Б. Н. Гракова 1930 г. в Домбаровском р-не, Челябинской обл. Быдержки из ливеньки приложены в конце главы.
- ³⁷ Раскопки С. Н. Дурманова 1924 г., близ посел. Сухомесова и Исакова. Раскопки под Челябинском. Зап. Урал. общ. люб. ест., т. XI, вып. 2, стр. 105.
- ³⁸ Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, А. С. Теплоухов, «Древнейшие поселения Минусинского края», стр. 10, рис. 13 и 15.
- ³⁹ Раскопки 1925, 1926, 1928 и 1929 годов.
- ⁴⁰ Материалы экспедиции ГАИМК 1933 г. на р. Нуру. П. С. Рыков, Работы в совхозе «Гигант» («Караганда») Археологические работы на новостройках, вып. II, стр. 40.
- ⁴¹ О. А. Гракова, «Генетическая связь ямной и катакомбной культур», Тр. ГИМ, VIII, Сборник статей по археологии, 1938 г.
- ⁴² С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, том III, вып. 2, стр. 72—74, табл. IV—I и рис. 7.
- ⁴³ Раскопки 1937 г. Ойротская этнокомная область. Курота II. Вещи не издали; хранятся в ГИМ.
- ⁴⁴ С. А. Теплоухов, Указ. соч., стр. 84, табл. IX, рис. 1—2.
- ⁴⁵ П. С. Рыков, Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. Отд. оттиск из Изв. краевед. инст. пзут. Нижне-Волжск. обл., т. I, Саратов, 1926.
- ⁴⁶ Раскопки А. В. Збруевой в Куйбышевском р-не Татарской республики, 1939 г.
- ⁴⁷ Например, инкрустация белой пастой на части керамики Правобережья Дона и Донца. Стоянка Б. Брод на р. Осколе, экспедиция ГАИМК, 1937 г. в острооресерный сосуд из кургана № 1, погр. 5, ст. Борки, молочная ферма. Хранится в Харьковском историческом музее.
- ⁴⁸ Paul Rau, Hockergräber der Wolgasteppe, стр. 12.
- ⁴⁹ Там же, табл. II, 6 (кург. 25, погр. 17) и табл. III, 3 и 4 (кург. 26, погр. 3; кург. Е10, погр. 3).
- ⁵⁰ Например, один из двух горшков из кургана № 14 близ сел. Березняки, риск. В. В. Гольмстедт 1923 г. Второй горшок круглодонный, Paul Rau, указ. соч., табл. 11—2.
- ⁵¹ Риск. В. А. Городцова 1925 г. в Мелекесском р-не, Куйбышевской обл.
- ⁵² О. А. Гракова, Поселения бронзовой эпохи близ сел. Мокшан и Пустынь. Труды ГИМ, вып. 12.

⁶³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. 1903 г. Тр. XIII А. С., т. 1, стр. 237.

⁶⁴ Например, на стр. 72 при описании бронзы Поволжья.

⁶⁵ П. С. Рыков. Chvalynsker Kultur etc. ESA, I, кург. 7, погр. 3. (стр. 75, рис. 19) и кург. 8 (стр. 77, рис. 20).

⁶⁶ Ф. Орехов. Две раскопки на церковной земле села Ивацовки, Хвалынского уезда, Саратовской губернии (раск. 1913, 1914 гг.). Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 33.

⁶⁷ Например, в Варваровском поселении близ Николаева, рымкообразный сосуд (в фрагментах) из верхнего горизонта Потемкинско-сады и Днепровского сел. и 4 горшка из высоких и низких поддонах, хранящиеся в Днепронетровском музее.

⁶⁸ Большинство этих поселений было обследовано В. В. Гольмстен.

⁶⁹ Раскопки Орехова 1914 г. в Хвалынском у. Указ. соч.

⁷⁰ Один из Николаевских котлов бесспорный, другой происходит из Дикого сада в г. Николаеве.

⁷¹ В. А. Городцов. К вопросу о хитмерийской культуре. ТАРАНИОН, т. IV, стр. 126, рис. 46.

⁷² Ф. А. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г. Изв. Арх. ком., вып. 19, стр. 81. Сосуды хранятся в ГИМ, инв. № 13937.

⁷³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахм. у., Екатер. губ., 1903 г. Труды XIII А. С., т. 1, стр. 244, рис. 57.

⁷⁴ В. А. Городцов. К вопросу о хитмерийской культуре ТАРАНИОН, т. II, стр. 46 сл.

⁷⁵ Возможно, что дату многих могильников, подобных Алексеевскому, можно было бы снизить после раскопок поселений, к которым относились эти могильники.

⁷⁶ Восточный Казахстан. Экспедиция В. В. Радлова 1866 г. Коллекция хранится в ГИМ. Инв. № 64322.

⁷⁷ Близ Славяногорска. ГИМ. инв. № 59209.

⁷⁸ М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. «Казакки», вып. 15, стр. 141.

⁷⁹ Нож с прямым лезвием был найден в нижнем слое землянки, а незавершенном комплексе каменного очага № 1.

⁸⁰ Кулундинская степь (?). ГИМ. Инв. № 38160.

⁸¹ Б. Н. Граков. Археологич. работы на новостройках. II. Указ. сочин., стр. 23, рис. 48/5.

⁸² Раскопки А. А. Спицына 1895 г. в Камышинском р-не, Саратовской области.

⁸³ Раскопки Д. Я. Самокасова в б. Чигиринском у., Киевской губ. Каталог коллекции древностей, № 347.

⁸⁴ Высота каменных ящиков и глубина грунтовых могил посюду измерена от древнего горизонта.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАИМК—Государственная Академия истории материальной культуры.

ГИМ—Государственный Исторический музей.

МАК—Материалы по археологии Кавказа.

САК—Отчеты Археологической комиссии.

ПИМК—Проблемы истории материальной культуры.

ТАРАНИОН—Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения

Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.

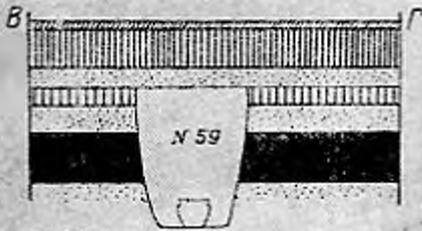
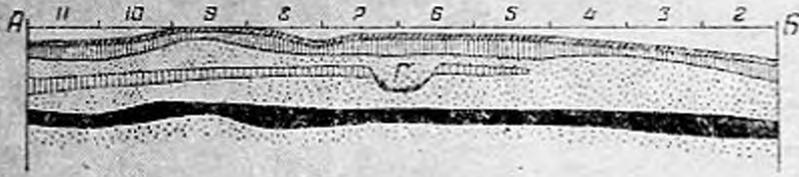
Тр.—АС—Труды Археологического съезда.

ESA—Eurasia septentrionalis antiqua.

ТАБЛИЦА I. План раскопок жертвенного места.

ПЛАН РАСКОПОК
ЖЕРТВЕННОГО МЕСТА.

- Казахский слой.
- Верхний гумусный слой.
- Средний гумусный слой.
- Нижний гумусный слой.
- Песок.

ПЛАН РАСКОПОК
ЖЕРТВЕННОГО МЕСТА

C ←

22 21 20 19 18

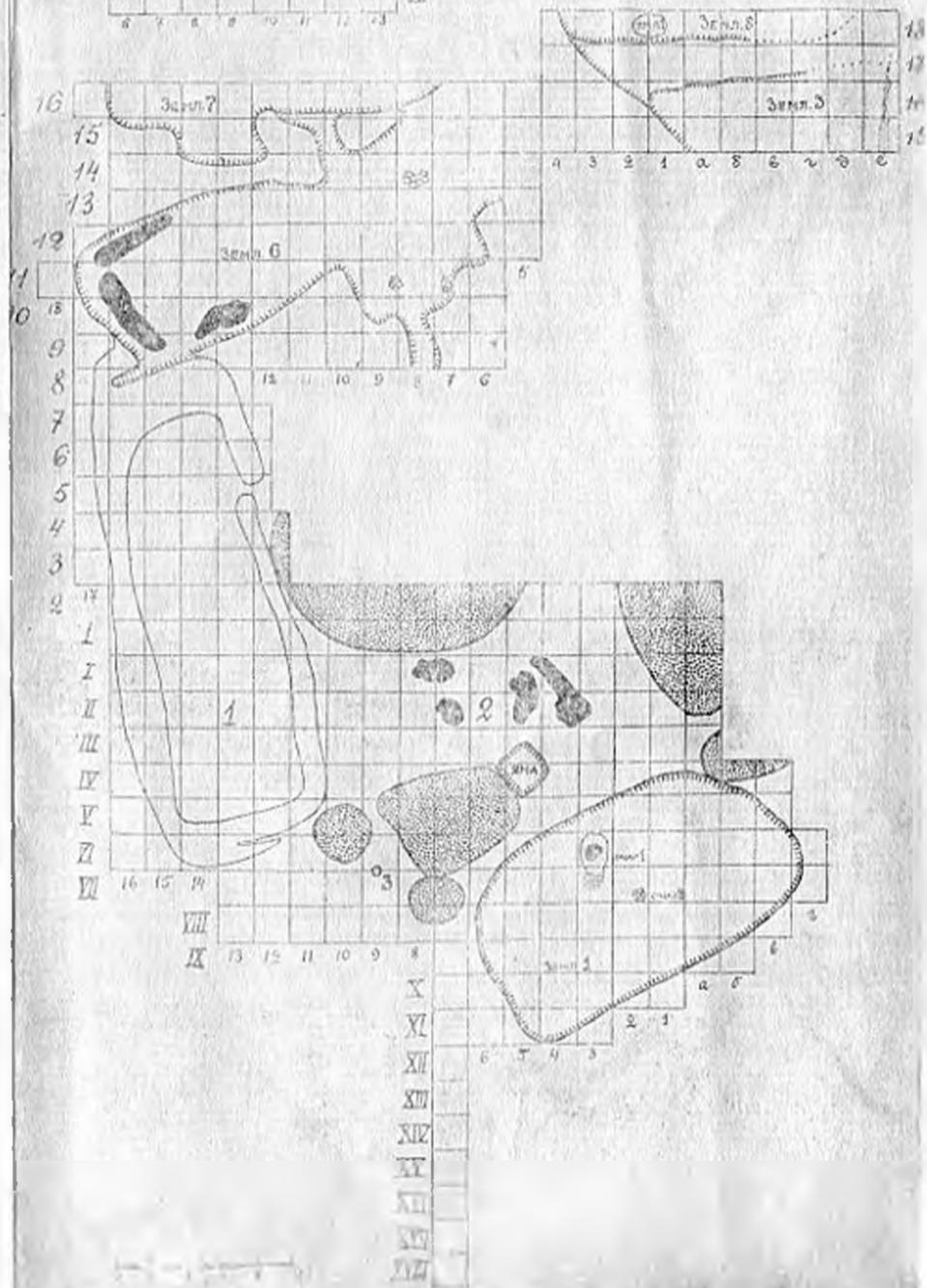
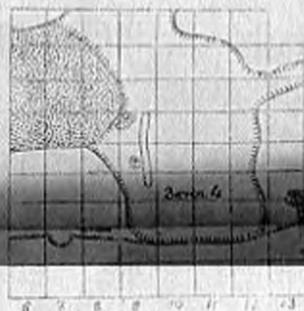
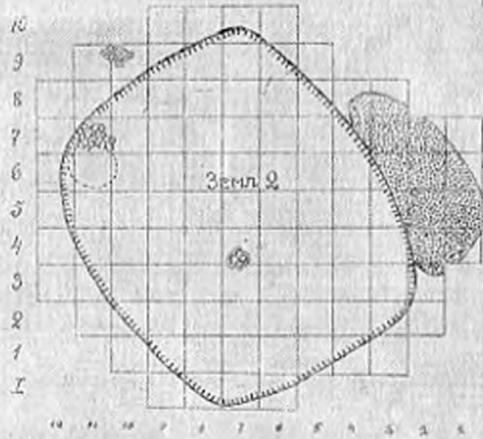
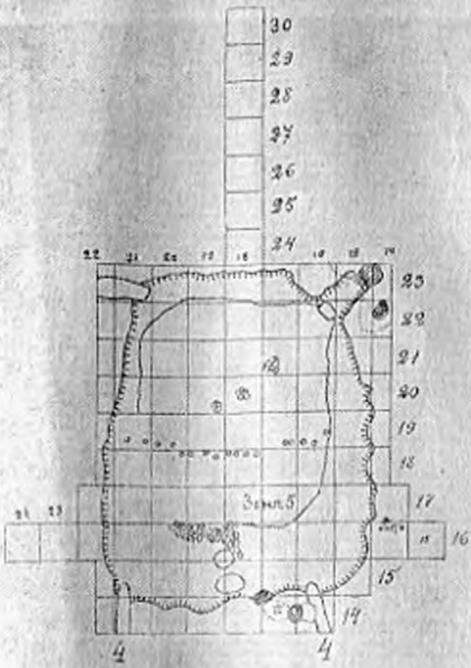
0 5 м

- В-Ж ЯМЫ ЖЕРТВЕННОГО МЕСТА
- ЯМЫ С ГОРЯКМИ
- АиБ ЯМЫ С СОЖЖЕННЫМИ ДОМАШНИМИ ЖИВНОТНЫМИ
- ЧЕРЕПКИ

13 12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2

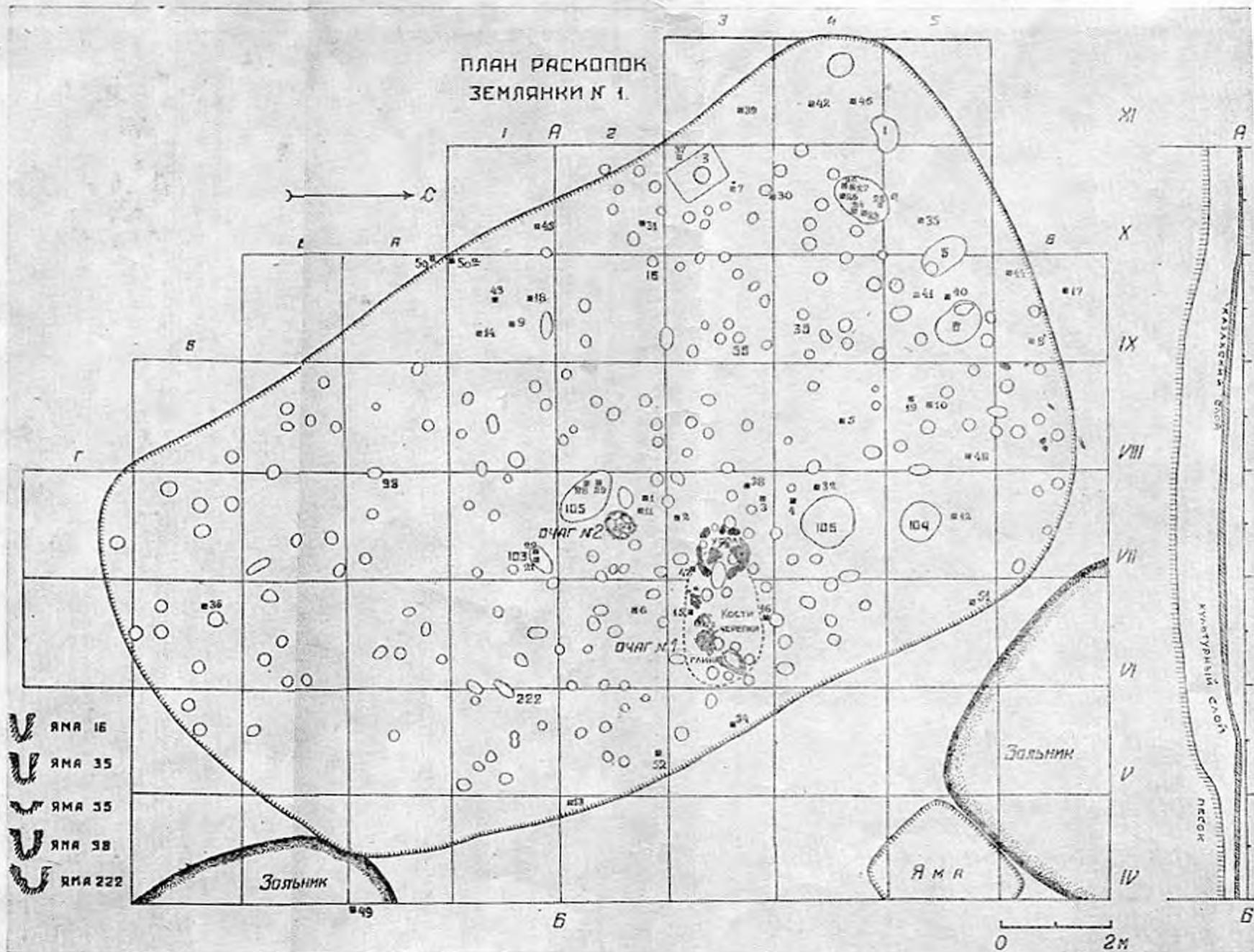
ТАБЛИЦА II. План раскопок Алексеевского поселения.

ПЛАН РАСКОПОК
АЛЕКСЕЕВСКОГО
ПОСЕЛЕНИЯ.

- I - Легкое надземное сооружение.
- 2 - Лицевая мастерская
- 3 - Горшки
- 4 - Калевы.
- 5 - Золышки.
- 6 - Угли
- 7 - Землянки.
- 8 - Неразрытые землянки.

ТАБЛИЦА III. План раскопок землянки № 1.

1. Днище горшка; гл. 90 см. 2. Бронзовый нож; гл. 80 см. 3. Брусок; гл. 80 см. 4. Крупиные черепки; гл. 70 см. 5. Обломок зернотерки; гл. 65 см. 6. Камень для растирания; гл. 80 см. 7. Камень для растирания; гл. 65 см. 8. Отбойник; гл. 75 см. 9. Обломок полированного предмета; гл. 65 см. 10. Обломок полированного предмета; гл. 77 см. 11. Обломок полированного предмета; гл. 90 см. 12—13. Обломки большого бруска; гл. 85—90 см. 14. Кусок обожженной глины; гл. 60 см. 15. Заготовка для пряслица; гл. 55 см. 16. Каменный пест-кирка; гл. 100 см. 17. Черепок с металлической скрепкой, гл. 70 см. 18—19. Лычка (два фрагмента); гл. 55 и 60 см. 20. Половина глиняного кружка со сверлягой (яма № 103). 21. Два куска

краски (яз № 103). 22. Часть костяной обкладки лука (яма № 4). 23—24. Каменные орудия (яма № 4). 25. Каменный молоток (яма № 4). 26. Камень для растирания (яма № 4). 27. Обломок кельта (яма № 4). 28. Глиняный шарик (яма № 105). 29. Костяная трубочка (яма № 105). 30. Обломки украшений из бронзы (в ямке). 31. Черепок с отпечатками ткани. 32—40. Ложила (на разной глубине). 41. Кружок из глины; гл. 45 см. 42—44. Обломки пряслица; гл. 65—70 см. 45. Обломок бронзового ножа; гл. 70 см. 46—47. Бруски. 48. Булава; гл. 70 см. 49. Нга из астрагалов коровы; гл. 50 см. 50. Куски руды; гл. 85—90 см. 51. Каменный пест; гл. 35 см. 52. Обломок зернотерки; гл. 90 см.